

2020
№1

KAZAKHSTAN

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитетінің Р. Б. Сүлейменов атындағы
Шығыстану институты жанындағы Тарихи материалдарды
зерттеу бойынша республикалық ақпараттық орталығы

Республиканский информационный центр по изучению
исторических материалов при Институте востоковедения
им. Р. Б. Сулейменова Комитета науки Министерства
образования и науки Республики Казахстан

SHYGYS

МАЗМУНЫ ✦ СОДЕРЖАНИЕ ✦ CONTENT

ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

К. У. ТОРЛАНБАЕВА

Тюркские рунические памятники
как источник по истории Казахстана 3

Г. П. ОПАБЕКОВА

Көне түркілердің жазба мәдениетіндегі
діни сенім көріністері 17

М. КН. ABUSSEITOVA

An Oral historical tradition as a measure
of keeping social identity among the Central Asian turkic
nomads..... 27

З. Е. КАБУЛЬДИНОВ, М. М. КОЗЫБАЕВА

Военные столкновения казахов с пограничными властями
Российской империи в районе Среднего Прииртышья
(середица 1750-х гг.)..... 33

Б. Т. ЖАНАЕВ, И. М. САМИГУЛИН

Н. А. Середина и его труд о казахском восстании
1869–1870 гг. 44

Ә. Қ. ШАШАЕВ

Архив деректеріндегі патшалық Ресейдің
қадағалау-жазалау мекемелерінің әрекет ету тәсілдері
(1867–1917 жж.)..... 106

Ж. ОШАН

Тайван және Гонконг тарихшыларының
XX ғасырдың бірінші жартысындағы КСРО – Шыңжаң
қарым-қатынасы және Шыңжаң қазақтары тарихы туралы
зерттеуі..... 116

**ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ВОСТОЧНЫХ
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
ВЕЛИКОЙ СТЕПИ**

Д. Е. МЕДЕРОВА

Абай және Қарамола сиезінде жасалған
ереже 122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

З. С. ТАБЫНБАЕВА

Международный научный семинар
«Методика проведения археографической
работы по выявлению, анализу и оцифровке
архивных материалов» 136

Е. М. УЖКЕНОВ

Круглый стол «Программа “Архив – 2025”:
теория и практика археографических
исследований»..... 140

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ 145

Редакционная коллегия:

*Абусеитова М. Х. – председатель
(Казахстан)*

Алимгазинов К. Ш. (Казахстан)

Алимова Д. А. (Узбекистан)

Анне-Мари Вильмено (Бельгия)

Байтанаев Б. А. (Казахстан)

Дербисали А. В. (Казахстан)

Джин Нода (Япония)

Додхудоева Л. Н. (Таджикистан)

Жанаев Б. Т. (Казахстан)

Жумагулов К. Т. (Казахстан)

Зайцев И. В. (Россия)

Кабульдинов З. Е. (Казахстан)

Кусаинова Т. Ж. (Казахстан)

Масимханулы Д. (Казахстан)

Оразбаева А. И. (Казахстан)

Попова И. Ф. (Россия)

Самашев З. С. (Казахстан)

Самигулин И. М. (Казахстан)

Смагулов Т. Н. (Казахстан)

Сулейменов О. О. (Казахстан)

Султангалиева Г. С. (Казахстан)

Табынбаева З. С. (Казахстан)

Токо Фудзимото (Япония)

Турдалиева Ч. Д. (Кыргызстан)

Ужкенов Е. М. (Казахстан)

Урсула Симс Уильямс

(Великобритания)

Уяма Томохико (Япония)

Францис Ришар (Франция)

Шаймарданова Н. Ж. (Казахстан)

Редакторы:

В. Корешкова, К. Смадилова

Корректор Н. Садыкова

Компьютерная верстка

В. Корешковой

Дизайнер К. Карпун

Адрес редакции:

г. Алматы,

Издательство «Шығыс пен Батыс».

050009, г. Алматы,

пр. Абая, 143, оф. 220.

Тел.: 394-40-45, 394-42-32

Журнал зарегистрирован

Министерством информации

Республики Казахстан

в 2004 г. Свидетельство № 4881-Ж.

Перерегистрирован Министерством

информации Республики Казахстан

в 2020 г. Свидетельство

№ KZ76VPY00027373

Подписано в печать 7.08.2020.

Формат 70 × 100^{1/16}. Уч.-изд. л. 10,2.

Усл. п. л. 9,75 + вкл. 0,4.

Тираж 250 экз.

ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

К. У. ТОРЛАНБАЕВА

ТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Посвящается светлой памяти А. С. Аманжолова и Ю. А. Зуева

Тюркские рунические памятники, распространенные среди кочевого населения Евразии, являются важным историческим источником по истории Казахстана.

Среди многочисленных исследований по руническим памятникам в настоящем историографическом анализе мы бы хотели осветить работы таких казахстанских ученых, как А. С. Аманжолов и Ю. А. Зуев, и сосредоточиться на тех вопросах, которые относятся к истории и источниковедению Казахстана.

Монография А. С. Аманжолова «История и теория древнетюркского письма» (2003 г.) является плодом многолетней работы автора по изучению лингвистических и филологических аспектов рунической письменности тюрков. В этом исследовании А. Аманжолов систематизирует современные знания о руническом письме, его графических системах, правилах чтения рунических надписей различных локальных групп, дает «уточненные» их переводы с учетом всех филологических оснований и правил. Казахстанский ареал распространения рунического письма находится в центре его трудов, находки рунических надписей на нашей территории открывают возможности для выяснения вопросов историко-этнических связей тюркских народов.

По мнению А. С. Аманжолова, собственно на территории Казахстана рунические надписи можно классифицировать по месту их находок: иртышские, сырдарьинские, илийские, яикские (уральские) [1, с. 12].

Начало же археологических исследований руники на территории Казахстана началось в 1893 году, когда в целях поиска памятников древности на территорию Семиреченской и Сырдарьинской областей Туркестанского генерал-губернаторства была направлена экспедиция Русского археологического общества во главе с В. В. Бартольд. Предполагалось, что Семиречье (каз. Жетысу), как центр древней культуры, о котором писали китайские и арабо-персидские авторы, также мог быть центром распространения древнетюркского письма. Оживление интереса у местных краеведческих обществ и энтузиастов привело к первым находкам руники

в 1896 и 1898 годах [2]. Это были каменные валуны с руническим письмом, названные Таласскими памятниками. С тех пор они приобрели свое отдельное от орхоно-енисейских памятников место в классификации рунической письменности на основе места их нахождения. В современный исторический период область обнаружения таласских памятников находится на территории суверенного Кыргызстана.

А. Аманжолов в этой работе уделяет особое внимание казахстанским находкам рунического письма, их чтению и переводам. Рунические и руноподобные надписи и знаки на отдельных предметах, скалах, камнях, балбалах и т. д. на протяжении XX века обнаруживались на Иртыше, Сырдарье, Или, Чу и охватывают территории Восточного и Южного Казахстана.

Рунические надписи, найденные на территории Казахстана и в сопредельных современных областях Кыргызстана и Узбекистана, наносились на разные предметы, круг которых весьма разнообразен: это зеркала, хумы, амулеты, кольца, блюда и т. д. Например, знаменитая Таласская палочка, обнаруженная в 1932 году, представляет собой деревянную палочку, на которую с четырех сторон были нанесена руника. Краткие рунические надписи встречались на глиняном хуме из городища Кой-Крылган-Кала на Амударье [1, с. 8]. Руническая надпись на керамическом амулете обнаружена во время раскопок городища Ак-тобе 1 на левом берегу Сырдарьи [1, с. 239–241].

Казахстанский круг рунических находок отличается тем, что для нашего ареала характерна разнонаправленность использования рунической письменности и различные их связи в региональном отношении. Рунические надписи немногочисленны, не встречено памятников с большим повествовательным объемом. Например, Семиреченский ареал, охватывающий территории Южного Казахстана и Северного Кыргызстана с древнейших времен, был центром интенсивных связей между народами, и не только по линии скотоводческих и земледельческих взаимосвязей. Как считают авторы книги «Художественные бронзы Жетысу» (2013 г.), находки многочисленной керамики в Семиречье свидетельствуют о существовании на этой территории религиозно-ритуального комплекса сакских племен в эпоху поздней бронзы и раннего железного века [3, с. 70–71]. Вероятно, это же значение не потерял регион и в ранний тюркский период. В этом смысле интересными являются Таласские памятники, которые имеют уникальную особенность, они наносились с какой-то определенной целью на валуны и, возможно, их находки входили в состав ритуально-погребального или храмового комплекса. По описанию Д. Ф. Винника и П. Н. Кожемяко, урочище Айртам-Ой на протяжении многих десятков лет со времени находок таласских валунов многократно распахивалось и засеивалось, и поэтому точную дату нанесения на валуны руники определить невозможно. Остатки поселения, где были обнаружены камни-валуны (некоторые из них достигают огромных размеров, например, $1,25 \times 0,7 \times 0,6$ м), по археологическим слоям и найденной керамике относятся к караханидскому времени, X–XII вв. Местные жители это городище называли Кескен-Тюбе (Разрезанный холм). Как отмечают авторы исследования, восстановившие по описанию В. А. Каллаура первые находки таласских памятников (второй таласский памятник) и обнаружившие другие (восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый таласские памятники), «оба (последних – К. Т.) находились

в непотревоженном материковом галечно-песчаном грунте. Культурный слой в данном месте отсутствует. Только на поверхности встречаются черепки глиняной посуды. Судя по стратиграфии раскопок, заложенных на поселении, можно сделать следующий вывод: камни с письменами были здесь еще до того, как возникло городище (Кескен-Тюбе – К. Т.), т. е. до X в.» [2, с. 10].

О религиозном содержании таласских памятников говорил Ю. А. Зуев. По его мнению, во втором таласском памятнике говорится о Кара-чоре – носителе «духовной должности», который руководил и заботился о консорции «отуз оглан» (тридцать сыновей-воинов), т. е. слушателях манихейской «школы» в тюркской среде в период существования Тюркешского каганата, за два века до Караханидов. В этом случае вторая строка этой надписи приобретает смысл при таком ее чтении: «Мое геройское имя – Кара-чор. Почетно имя – “Кара – не согрешит”» [4, с. 201]. Чтение и переводы этих таласских памятников по своему смыслу напоминают тексты енисейских памятников ритуально-погребального содержания, где также упоминаются слова «отуз эр» – «тридцать воинов», «инал» – «верный» [5, с. 62, 219 и др.].

Илийские рунические надписи, которые обнаружил и исследовал А. Аманжолов, можно условно подразделить на три группы: 1) рунические надписи на скалах, в местах охоты местных племен, по содержанию они относятся к охотничьей магии (надписи из ущелий Терексай, Надыр, Садыр) [1, с. 209–213]; 2) греческие наскальные надписи в культово-религиозных местностях в ущельях Тайгак и Тамгулукташ [1, с. 223–234]; 3) предметы, на которые были нанесены руноподобные, рунические и грекографические надписи на серебряной чаше из сакского кургана, бронзовом перстне тюркского времени, каменном пряслице из Талгарского городища [1, с. 214–224, 235–236]. Этот набор надписей, прочитанных А. Аманжоловым, свидетельствует о традиции местного населения делать надписи как элемент охотничьей магии и в местах, служащих в разное время культовыми.

В целом, предположим, что семиреченский и илийский комплексы надписей могут относиться к одному ареалу расселения скотоводческого и земледельческого населения, взаимодействующего в разные исторические периоды. Также в этой области в тюркское время существовали определенные ритуально-культовые места, имеющие отношение к манихейским святилищам. Жетысу было местом сосуществования и соприкосновения скотоводческих и земледельческих культов автохтонного сакского, и затем тюркского населения. Среди множества вопросов истории Семиречья возникает и вопрос о языковых и культурных взаимодействиях ирано-язычных и тюркоязычных народов.

В этой связи важным вопросом исследований А. Аманжолова является генезис рунического письма. В рассматриваемой работе выдвигается версия о развитии тюркского рунического письма от пиктографии к идеографии, показывается возможность его происхождения в результате длительной самостоятельной эволюции от древнейшего лотографического или алфавитного письма III–II тысячелетия до н. э. [1, с. 295]. Автор заключает: «Палеографические и фонологические связи тюркских рунических знаков (графем) свидетельствуют о длительной эволюции тюркского рунического письма в процессе становления древнетюркской речи, завершившегося в общих чертах не позже IV–I тысячелетий до н. э. Следовательно,

тюркский рунический алфавит, история и генетические связи которого получают принципиально новое освещение, может стать исключительно важным источником для исторической фонетики тюркских языков» [1, с. 300].

В настоящее время в тюркологии нет признанного мнения о происхождении рунического письма, а выявляется существование двух основных мнений – об экзогенном (В. Томсен, О. Доннер, Дж. Клосон, В. А. Лившиц и др.) и эндогенном (А. Шифнер, Н. А. Аристов, А. Дж. Эмре, Б. Напил и др.) происхождении тюркского рунического письма. Существование таких противоположных мнений не удивительно в той связи, что скотоводческие общества находились во взаимоотношениях с земледельческими, создавались постоянные условия для заимствований культурных ценностей. Очень интересен в этом отношении весь Южный Казахстан, и Жетысу занимает особое место. На его территории формировались и существовали государства Канцзюй и Усунь, затем это территории Западно-Тюркского каганата, область постоянных контактов с Ташкентским оазисом и другими княжествами сырдарьинской, амударьинской и восточнотуркестанской областей, а также притяньшанскими территориями. Надо сказать, что в связи с этим историческим прошлым региона уже на протяжении длительного времени на территории Южного Казахстана ведутся планомерные археологические раскопки ранних памятников IV в. до н. э. – VI в. н. э. В свете находок культюбинских надписей, происходящих из городища Культюбе, которое входит в группу крупных объектов арыско-бадамского укрепленного района (Ордабасинский район Южно-Казахстанской области, долина р. Арысь), экзогенное происхождение рунического письма усиливается. Относительно признанным на сегодняшний день является прочтение Н. Симс-Уильямсоном культюбинских памятников как раннего согдийского письма [6, с. 153–172].

В этот же круг южно-казахстанских археологических находок входят выделенные А. Аманжоловым сырдарьинские памятники рунического письма, представленные немногочисленными находками, среди которых рунические надписи на керамическом амулете, на сырцовом кирпиче и керамических сосудах. Как считает автор, руническая надпись на амулете имеет сходство с «печатью»-амулетом из сакского городища Каунчи II близ Ташкента [1, с. 240]. По содержанию сырдарьинские надписи наносились для конкретных целей: в качестве магического заклинания-оберега и заклинания, связанного с культурой земледелия, подпись мастера на керамическом горшке и другие. Графика сырдарьинских рунических надписей носит характер «народного» творчества, с влиянием графических образов других письменностей, возможно, и согдийской, одновременно это может свидетельствовать о грамотности населения и распространенности этого вида письменности среди населения региона.

Иртышские рунические памятники Казахстана в отличие от таласских не составляют какой-либо комплекс, как предполагаем, религиозного содержания, однако они также обладают собственным своеобразием. Их всего лишь несколько – это прототюркская руническая надпись на костяной бляхе, руническая надпись на китайском бронзовом зеркале и зеркале местного производства, две наскальные рунические надписи из долины Иртыша, рунические надписи на серебряном браслете и каменной печати.

Руническая надпись на китайском бронзовом зеркале была обнаружена в Урджарском районе Восточно-Казахстанской области в 1935 году и в настоящее время находится в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург, РФ). Зеркало относится к танскому времени и, по мнению А. Аманжолова, палеография и языковые особенности отражают диалектные характеристики древнетюркского языка и относятся к орхоно-енисейскому типу [1, с. 200].

В 1969 году там же, в Восточно-Казахстанской области, на правом берегу Иртыша в курганном погребении женщины было обнаружено бронзовое зеркало с рунической надписью. Это зеркало в отличие от китайского было местного производства. Зеркало и другой инвентарь были обнаружены в разновременном семейном захоронении кимаков. Исследование погребения, перевод рунической надписи и историческую интерпретацию дали еще в 1972 году Ф. Арсланова и С. Кляшторный [7, с. 306–315]. В своем исследовании А. Аманжолов дает перевод надписи на зеркале, уточняет палеографию и значение отдельных слов [1, с. 202]. Содержание рунической надписи носит выраженный этический постулат. По мнению С. Кляшторного, она отражает влияние буддийской идеи о воздаянии, отвергающей наиболее сильные эмоции мирского мира [7, с. 314]. Археологические находки свидетельствуют о том, что в древности и средневековье Восточный Казахстан и Южная Сибирь находились в едином географическом и социоэкономическом пространстве и основными жителями этих областей были скотоводческие общества, кочевые племена, создавшие отличную от земледельческих обществ культуру.

Одними из уникальных находок Прииртышья и Приобья являются отлитые из металла рыбы [7, с. 310]. Ю. Зуев в разделе своей монографии о кимеках на Иртыше обосновывает существование культа дракона~крокодила~рыбы~реки (Иртыша) в легенде, зафиксированной Гардизи о кимаках [4, с. 132–133]. В кимакском погребении нашел отражение наиболее важный культ тюркских племен, широко распространенный в степных пространствах. Вместе с тем, руническая надпись с упоминанием огненно ярко-красного дракона, в переводе А. Аманжолова выступающего как покровитель: «Покровитель – красновато-рыжий дракон – *jebči jegrän at lü*» [1, с. 202], безусловно, подтверждает священный образ дракона. Драконы на вершинах тюркских памятников в Монголии достаточно хорошо известны [8, с. 10]. Древнетюркское название люй/лу обозначало дракона в китайских источниках и имело распространение в китайской мифологии, но и в тюркской среде, в том числе и у кимаков, в употреблении был его среднеперсидский вариант, связанный с авестийским словом «aži» – «Змей», «Дракон». В легенде, по Гардизи, это слово отразилось в обозначении одного из семи тюркских племен – «ажилар» [4, с. 132–133].

Таким образом, иртышские рунические надписи Казахстана, несмотря на свою краткость, все же позволяют обозначить существовавшие среди кочевых племен наиболее важные религиозные культы.

Якские рунические надписи из находок в Западном Казахстане обозначены у А. Аманжолова на двух предметах: бронзовом зеркале и сасанидском серебряном блюде [1, с. 247–250]. Вероятно, эти находки попали сюда вследствие торговых и других отношений между народами.

Монография Ю. Зуева «Ранние тюрки: очерки истории и идеологии» (2002) стала важнейшим исследованием в области тюркологии, древней и раннесредневековой истории Центральной Азии, введением в научный оборот и изучением китайских летописей. Монография является плодом долгих научных исследований, в основу ее легла серия очерков о раннетюркских племенах и объединениях государственного типа, идеологические воззрения которых во многом совпадают и имеют общую основу, восходящую к последним столетиям до нашей эры. Важными для развития исторической тюркологии являются выводы ученого о значении Больших памятников Монголии и основном политическом событии, которое представляется уникальным письменным свидетельством по истории Казахстана Семиреченского и Сырдарьинского ареалов. Речь идет о центральном сюжете трех Больших памятников Монголии – тюрко-тюркешской войне периода правления Капаган кагана (кит. Мочжо, 691–716 гг.) у восточных тюрков и Сакал кагана (кит. Согэ, 706–711 гг.) у тюркешей. Но первоначально остановимся на характеристике и содержании памятников, дающих аутентичные сведения о социальной системе скотоводческого общества для всей Центральной Азии.

Памятник в честь Кюльтегина с самой большой рунической надписью тюрков был возведен после его гибели в 732 году. Кюльтегин был младшим братом Бильге кагана (кит. Могилян, 716–734 гг.), его сподвижником и полководцем. Со времен В. В. Радлова установлено, что памятник в честь Бильге кагана был сооружен также после его смерти в 734 году, то есть в 735 году [9, с. 34]. Об этих датах нам сообщают китайские летописи [10, с. 1–36]. Эти две надписи очень близки по повествованию о военных событиях, политической обстановке в период правления Эльтериш кагана, Капаган кагана и Бильге кагана, не отличаются в оценке и роли кагана в жизни общества. Центральной идеей этих надписей является мысль о божественном праве каганов из рода Ашина на власть над тюркским народом, просматривается нерушимая связь кагана с элем (народом). При всей схожести этих надписей существуют и отличия. Надпись в честь Кюльтегина по сравнению с надписью Бильге кагану лучше сохранилась, она – самая большая по повествовательному объему, литературно выразительная, дает наиболее полное представление всей истории тюрков с легендарной эпохи правления первых каганов, Бумына и Истеми, до трагической гибели Кюльтегина и устроенного в честь него пышного похоронного обряда. Надпись Бильге кагану плохо сохранилась, имеет множество стертых под воздействием времени, природы и человеческого вмешательства строк, которые уже невозможно восстановить, по повествовательному объему она уступает надписи Кюльтегину. Более того, она не содержит такого литературно хорошо сформулированного и отредактированного текста, каким является надпись Кюльтегину.

Надпись Тоньюкука была высечена на каменной стеле при его жизни, однако точная дата этого события неизвестна. Как считают исследователи, она была возведена в родовом урочище Тоньюкука на Кокшин-Орхоне вблизи р. Тола, по его собственному приказу [11, с. 1–3]. Стела неплохо сохранилась, события, о которых говорится в надписи – это период зависимости восточных тюрков от Танского государства до времени правления Бильге кагана включительно. Эта надпись также достаточно велика по объему и относится к Большим памятникам тюркской пись-

менности. В отличие от двух орхонских надписей в честь Бильге кагана и Кюльтегина, текст стелы Тоньюкука носит «полюемический» характер [12, с. 88]. Автор надписи с иной точки зрения освещает роль и место кагана в военных и политических событиях в каганате. Кагану приписываются доблесть и военная отвага, тогда как свою роль Тоньюкук видит в исполнении приказов каганов; он выступает инициатором всех важных дел государства, военачальником и советником кагана. Основной мыслью Тоньюкука является признание невозможности существования каганата тюрков без кагана, признания его главенства и законного права, однако осуществление власти кагана возможно при согласии с тюркским народом.

Памятники в честь Кюльтегина, Бильге кагана и прижизненная стела Тоньюкука являются выдающимися образцами тюркской рунической письменности, возникшей в период наивысшего расцвета устного эпоса тюрков Центральной Азии, они отражают реально-исторические события, важные для общества того времени. Надписи содержат, взаимно дополняя друг друга, связанное изложение истории государства восточных тюрков. В историографическом плане эти три памятника неотделимы друг от друга. Обладая значительным повествовательным объемом, надписи содержат перекрестные известия по истории каганата. Одновременно они наиболее изучены с филологической точки зрения. При чтении надписей перед нашими глазами возникают картины борьбы тюркского народа против танской зависимости, образования и становления каганата, сюжеты победоносных походов и внутренней борьбы между тюркскими племенами. Бильге каган, Тоньюкук и Кюльтегин – это высшие деятели государства, представители идеологически и функционально различных племен – Ашина и Ашидэ, которые олицетворяли отцовское и материнское права управления и наследования, в родоплеменном отношении это каганский и катунский роды [13], представители двух сторон одной семьи/династии. Поэтому содержание памятников может раскрывать их социально-политические позиции. Согласно исследованиям Ю. Зуева, традиционные устои и необходимость двойственного соправления обозначены в надписи представителя племени Ашидэ Тоньюкука. Справедливость каганского моноправления попытались доказать авторы надписей в честь Кюльтегина и Бильге кагана, представители племени Ашина. Сооружение этих памятников было вызвано острым конфликтом 716 года, затем вероятного возведения стелы Тоньюкука как главы племени Ашидэ, олицетворяющего тюркский народ и соответственно обозначившего вклад тюркских племен в победы кагана. И после этих событий у племени Ашина обозначилась необходимость объяснения политических позиций в камнеписной форме как декларации верховной власти каганов Ашина над тюркским народом.

Эти памятники с момента их обнаружения стали темой исследования многих ученых, однако, как неоднократно замечалось, «чтение и перевод больших орхонских текстов VIII в. местами все еще оставляет желать лучшего», не говоря уже о наиболее трудночитаемом Онгинском памятнике. Новый перевод этой надписи был сделан А. Аманжоловым, который уверен, что надпись была произведена в смутный период междоусобной борьбы тюркских племен, в 716 году, и посвящалась Капагану кагану [1, с. 187]. Вариант сопоставительного анализа надписей Тоньюкука, Кюльтегина, Бильге кагана и Онгинского памятника дает основание высказать предполо-

жение об их связи с одними и теми же событиями. Вероятно, Онгинский памятник был призван осветить события междоусобной борьбы, опережая их политическую оценку, данную Тоньюкуком и Бильге каганом.

Таким образом, дав предварительную характеристику содержания памятников, хотелось бы остановиться на выводах, к которым приходит Ю. Зуев в своей монографии. Одним из важнейших его заключений, поддержанных и мной, является новый взгляд на историческую ценность этих памятников, в том числе и для истории раннесредневекового Казахстана.

Во-первых, важным внешнеполитическим направлением политики Капаган кагана были отношения с Тюргешским каганатом (699–766 гг.). Тюргешские каганы претендовали на то, чтобы считаться правопреемниками правителей Западного Тюркского каганата, т. е. каганских Ашина, и, соответственно, стали наследниками обширных стратегических каналов на Великом Шелковом пути в юго-западном и восточном направлениях. Согласно китайским летописям, первым тюргешским каганом был бага-таркан Учжилэ (тюрк. Йузлик~jüzlig – «обладающий сотней», 699–706 гг.). В старой редакции «Истории династии Тан» сообщается, что он был предводителем «обособленного племени западных тюрков» и упоминается во время правления Хэлу кагана. Этим обособленным племенем в составе западных тюрков, согласно китайскому списку племен западных тюрков, находившихся под властью Хэлу кагана по 651 год, и «Изначальной черепахе» было только одно племя тюргешей – это хэлоши или алаши (кит. хэлоши <ya-la-śie; тюрк. *алач, кит. алаши <at-lât-śie, тюрк. *халаш или *халач, по восстановлению Ю. А. Зуева). В Танском эдикте 736 года сообщается, что тюргеша «по происхождению не благородных отраслей, вышли из чужих фамилий», то есть происходили из разных племен [14, с. 58]. По мере ослабления власти западных тюрков и междоусобной борьбы «все дальние и ближние согдийцы-ху примкнули и подчинились ему. Он (Учжилэ) учредил (у них) должности двадцати военноуправляющих – тутуков, у каждого было по 7000 воинов. Обычно он проживал в северо-западных пределах (страны) Суйаб, а впоследствии, постепенно нападая, занял ее. Он перенес сюда свою орду-ставку и стал жить здесь» [15, с. 30; 3, с. 302]. Таким образом, тюргеша были в составе западных тюрков, они объединяли различные племена, являясь пестроплеменными, концентрировались в Кенгю-Тарбане, то есть в Отрарском оазисе, на Сырдарье, где Кенгю и Тарбан – это форпосты тюркских кочевий [14, с. 58; 4, с. 176].

Возрождение в 682 году Второго Восточно-Тюркского каганата предполагало восстановление степной империи в прежних границах. С этой целью Капаган каган даже пожаловал своему сыну в 699 году титул «малого кагана», и предполагалось, что он возьмет в свои руки власть над западнотюркским крылом, т. е. территориями и коммуникационными путями Тюргешского каганата. Поэтому борьба с каганами из тюргешей стала одной из главных задач Капаган кагана. События военно-политического характера между восточными тюрками и тюргешами демонстрируют переломный период в истории Центральной Азии, показывающий стремление восточных тюрков восстановить власть Ашина в западном крыле бывшей Тюркской империи, и одновременно описывают сопротивление тюргешей, сумевших создать в Южном Казахстане и Жетгысу свою правящую династию. Повествование этого со-

бытия становится центральным содержанием трех памятников Монголии, локализация этих событий протекала на территории современного Казахстана. По китайским летописям становится известно, что непосредственной причиной для войны восточных тюрков и тюргешей стало обращение младшего брата тюргешского кагана Чжену к Капаган кагану за помощью против Сакал кагана, верховного правителя тюргешей [16, с. 303].

Во-вторых, сличение событий тюрко-тюргешской войны в китайских хрониках показывает, что это событие произошло в 708 году, а не в 712. Главным источником этой даты являются китайские летописи периода династии Тан, пересмотр которых по этой дате и этому событию был первоначально дан в переводах летописей китайским ученым Цэнь Чжунмянем (1958 г.), а затем в переводах и монографии японской исследовательницы Наито Мидори «Ниси токкэцу си но кэнкю» («История западных токкэцу-тюрков») (1987 г.). Ю. Зуев пишет: «Наито Мидори так и назвала раздел в своем исследовании по истории западных тюрков “Тюргешский поход восточных тюрков-туцзюе во 2-м году периода Цзин-лун, 708 г.” ... До нее китайский историк Цэнь Чжунмянь привел свидетельства, что обозначение периода С14299¹, 12272 Цзин-лун (707–710 гг.) в ряде случаев (в том числе в “Истории династии Тан”) было ошибочно заменено сходным по написанию С14299, 15095 Цзин-юнь (710–711 гг.)» [4, с. 166, 165–167]. Война с тюргешами происходила во 2-м году периода Цзин-лун, т. е. в 708 году. К сожалению, по текстам рунических памятников невозможно определить дату этого события. Однако согдийские договоры косвенно могут это подтверждать. Например, в 712 году самаркандский царь Гурак подписал договор с арабским полководцем Кутейбой ибн Муслимом [17, с. 349]. Такой договор, скорее, сообщает о том, что тюрки не участвовали в антиарабском восстании в Согде в 712–714 годов. Об этом же говорится и в другом письме согдийскому царю Деваштичу от его посланника Фатуфана: «И, господин, я потому дальше не могу пойти, ибо, господин, кагана, по слухам, совсем нельзя увидеть» [18, с. 79]. Согд был в составе Тюркской империи и только после арабского завоевания начал перестраивать свою систему внешнеполитических ориентиров и экономических интересов. Известно также, что не восточные тюрки, а тюргешы в период с 720 по 738 год вели антиарабскую войну в Среднеазиатском Междуречье [19, с. 27–33].

В-третьих, решающая битва между тюрками и тюргешами произошла при р. Болчу, окончившись победой тюрков. По мнению Р. Жиро, это могла быть современная река Булун-тохой на востоке от Улюнгура в Джунгарии [20, с. 179]. Путь восточных тюрков лежал через Джунгарские ворота первоначально в Илийскую долину в Восточном Жетысу. В Джунгарии произошло решающее сражение тюргешей и восточных тюрков. Именно эта победа стала залогом дальнейшего продвижения восточнотюркских войск в глубь Западного Жетысу, в Таласскую долину и затем Присырдарью. По китайским хроникам известно, что Сакал каган Таласскую область с городом Талас дал в управление Чжену, своему младшему брату [16, с. 305; 4, с. 165]. Продвижение восточных тюрков в Таласскую долину как центр Малой ставки-

¹ С – Большой китайско-русский словарь. В 4-х томах. – М.: Наука, 1983. В тексте обозначения даны по русской графической системе.

орды у западных тюрков и затем тюргешей открывал путь в Суйаб и Присырдарью. Только в надписи Кюльтегину единственный раз в камнеписных источниках употреблены этноним «каратюргеш» и название топонима «Табар», не встречающиеся больше нигде. Вот как описывается сражение в памятнике: «Войско тюргешского кагана пришло при Болчу подобно огню и вину. Мы сразились, Кюльтегин схватил собственноручно каганского приказного тюргешей, тутука азов. Их кагана мы убили, его племенной союз (иль-эль; государство) покорили. Народ каратюргешей (qara türgeş bodun) по большей части подчинился [21, с. 29]]. Тот народ при Табаре (Таласе – К. У.) мы поселили...» (КТБ¹, 37–38). Поэтому, согласно дальнейшему повествованию в памятниках, продолжением этой военной кампании были события, связанные с покорением согдакских колоний в бассейне р. Сырдарья, находившихся под тюргешским протекторатом [4, с. 164–166, 175]. Бильге каган сообщает об этом: «Вернувшись с целью устроить согдакский народ (soydaq bodun, т. е. согдийский народ, живший на территории Таласской долины и Присырдарьи, но не согдийцы метрополии – Согда – К. Т.), мы, переправясь через реку Йенчу (т. е. Сырдарью), прошли с войском вплоть до Темир-капыга» (КТБ, 39) [4, с. 175]. В тексте стелы Тоньюкука объясняется причина, заставившая восточных тюрков переправиться через р. Сырдарью: «Мы преследовали их (каратюргешей, точнее, азов – К. Т.), мы заставили их возвратиться» (Тон, 45)². В монографии Ю. Зуева по вопросу о Темир-капыге (Железные ворота; таких названий на разных языках и в разных источниках было множество) указаны сомнения относительно локализации, реконструированной С. Кляшторным, и, соответственно, военному походу восточных тюрков в Согд и Самарканд [4, с. 171, 175; 22, с. 139–143].

Таким образом, по реконструкции событий тюрко-тюргешской войны, осуществленной Ю. Зуевым, основные военно-политические действия происходили на территории современного Казахстана, и их главным результатом стало признание верховной власти Капаган кагана в пределах бывшей Тюркской империи. С точки зрения восточных тюрков, это признание укрепляло власть племени Ашина в кочевой иерархии Степи, а с точки зрения тюргешей эта война узаконивала право тюргешской каганской династии на власть в автохтонных землях народа «он ок будун» – «десятистрельного» народа.

В-четвертых, согласно Тан шу, армия Сакал кагана была разбита, а сам он вместе с братом-мятежником был казнен: «Мочжо по возвращению (из похода) сказал Чжену: “Вы, будучи родными братьями, не могли жить в согласии между собой; можете ли с совершенною преданностью служить мне?” И так обоих предал смерти» [16, с. 303]. Длительное время в тюркологии существовало дословное понимание этих танских сведений. Однако в таком случае как можно объяснить приход к власти в 717 году тюргешского кагана Сулу (тюрк. Сюлюк, 717–738 гг.) из того же ка-

¹ Большая надпись памятника в честь Кюльтегина, строки 37–38. См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – С. 19–43.

² Стела Тоньюкука, строка 45. См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 56–70.

ганского рода, и почему сын Капаган кагана так и не был провозглашен каганом из Ашина на землях «он ок будун» во время тюркского похода? По мнению Ю. Зуева, тюргешскому кагану Сакалу пришлось признать власть Капаган кагана, но это не обозначало его реальной смерти. По китайским источникам, становится известно, что в 709 г. Согэ (тюрк. Сакал) отправляет в Чаньянь посланника с просьбой о подданстве, и танский император дарует Согэ новый титул «Цзинь хэ ван» – «Государь Золотой реки». Другим его китайским именем стал титул генерала конной гвардии «Тюргешский Шеу Чжун» [4, с. 172]. Восточные тюрки, обеспечив признание своей власти в пределах бывшей Тюркской империи, сохранили местную тюргешскую династию и Тюргешский каганат, просуществовавший до 766 года. Он был одним из главных препятствий на пути ислама в Среднюю Азию.

В-пятых, описанные в Больших памятниках события тюрко-тюргешской войны не исчерпываются только военно-политическими характеристиками, также они выдают существование в Тюргешском каганате тюркского манихейства. Распространение в Центральной Азии манихейства обосновывается находками письменных источников в бассейне Тарима, в Дуньхуане и на Орхоне, а также рассказано в китайских летописях. Появление тюркского манихейства явилось результатом тесных экономических и культурных связей ранних тюрков с Ираном, родиной этой религии. Манихейство, будучи гонимой религией, хорошо развило миссионерскую деятельность, корни которой были пущены в караванные торговые сети согдийцев, средневековых персов и ближневосточных торговцев. Манихейство сумело распространиться от Египта до Кореи в III–XIV веков. По мнению Ю. А. Зуева, манихейство ориентировалось на традиционные и наиболее влиятельные в тюрко-согдийской среде местные верования и культы и поэтому оставило значительный след в историко-культурной жизни тюркской эпохи, особенно в периферийных областях взаимодействия [4, с. 189–191; 23, с. 3–6]. Для истории Казахстана это территории Западного Жетысу и Присырдарьи.

По мнению М. Бойс, после гонений манихеев из Сасанидского Ирана в III веке их главная сила постепенно сосредоточилась за Оксом (Амударьей), по северо-восточной границе Ирана. Со временем согдийские купцы, населявшие оседлые центры на границе со степью, в междуречье Амударьи и Сырдарьи, становятся адептами и слушателями (нигошак) манихейской церкви [24, с. 125]. В. Хеннинг отмечал, что согдийцы были основными носителями манихейства в Центральной Азии [25, с. 391–392]. Согласно руническим памятникам, согдийцы, названные согдаками, проживали в оседлых районах Присырдарьи, они были подданными тюргешского кагана. Но также в Чу-Таласской долине, как написано в колофоне манихейской «Книги двух основ» (İki jiltiz nom), была страна Аргу-Талас или Аргу улуш, ханом этой страны «Алтын Аргу улуш, городов [Талас] и Кашу, правителем Орду и Чигиль-кента был Иль-Тиргюг Алп Баргучан Алп Тархан-бег вождь (или: начальник; тюрк. p[ɾ]aʃdan[a]ki) Великих тюрков [из племени] чигиль-арслан» [26, с. 417]. В исследованиях Ю. А. Зуева и затем С. Г. Кляшторного показывается, что манихейскими обителями-монастырями были Талас, Орду, Кашу и Чигиль-кент [23, с. 3–6; 27, с. 48–50]. В анализируемой монографии Ю. Зуева ставится вопрос и дается объяснение о том, что в памятнике Кюльтегину вместо топонима «Талас» было вырезано

«Табар» [4, с. 173, 207–209]. Топоним «Табар» должен был указывать на «Талас» как город-купцов, но не центр тюркского манихейства или отличного от династии Ашина новой каганской традиции.

Таким образом, в исследованиях Ю. Зуева дано новое понимание центральных событий Больших памятников Монголии, в которых представлена раннесредневековая история Казахстана. Принципиально важно подчеркнуть, что на территории Западнотюркского и затем Тюркешского каганатов шел процесс сложения новой каганской династии, связанной с автохтонным населением этого региона. Традиционной особенностью этого процесса стало сложение каганской династии из этнически разных племен. Важную роль в этом процессе объединения местных племен сыграла согдийская торговля, сложение городской культуры, интенсивных взаимосвязей тюрков и согдийцев и все более нарастающие процессы оседания тюркских скотоводов в пределах этих сообществ на правах верховных правителей, воинов-защитников на трасах караванной торговли, а также религиозная институционализация, приобретаемая в результате усиления влияния манихейства.

Экономическая целесообразность восточнотюркского похода в Тюркешский каганат имела целью установление доступа к торговым караванам этой части бывшей Тюркской империи. В политическом отношении поход способствовал еще большему возвышению Капаган кагана, и последующие события междоусобной борьбы, нашедшие трагическое повествование в Больших памятниках, стали основной причиной появления этих памятников. Содержание Больших памятников выходит из рамок погребально-ритуального характера и приобретает каганский уровень использования. В дальнейшем в Уйгурском каганате эта новая традиция становится источником для декларации подвигов и походов уйгурских каганов рода Йаглакар.

Литература

1. *Аманжолов А. С.* История и теория древнетюркского письма. – Алматы: Мектеп, 2003. – 365 с.
2. *Винник Д. Ф., Кожемяко П. Н.* Памятники древнетюркской письменности из урочища Айраг-Ой // Новые эпиграфические находки в Киргизии. – Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1962. – С. 3–10.
3. *Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С.* Художественные бронзы Жетысу. – Алматы: Фильми казына, 2013. – 120 с.
4. *Зуев Ю. А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 332 с.
5. *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 300 с.
6. *Sims-Williams N.* The Sogdian Inscriptions of Kultobe: Text, Translation and Linguistic Commentary // Труды Центрального музея. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2009. – Р. 153–172.
7. *Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Сб. науч. трудов, Тюркологический сборник, 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 318–335.

8. Радлов В. В., Мелиоранский П. М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // СТОЭ. – СПб., 1897. – Вып. IV. – С. 8–38.

9. Ядринцев Н. М. Отчет экспедиции на Орхон в 1889 году // СТОЭ. – 1892. – Вып. I. – С. 25–40.

10. Васильев В. П. Китайская надпись на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // СТОЭ. – 1897. – Вып. III. – С. 1–36.

11. Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7, und 8, Jahrhundert nach chinesischen Quellen. – I. Zeit des Ku-tu-lu (Ilteres khan) // Die Alttürkische Inschriften der Mongolei. Z. F., 1899. – S. 1–140.

12. Насилов Д. М. Памятники древнетюркской письменности (орхоно-енисейские и древнейгургские) в отечественных тюркологических исследованиях последних лет (обзор лингвистических публикаций 1969–1974 гг.) // СТ. – 1976. – № 1. – С. 82–101.

13. Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореф. дис. канд. исторических наук. – Алма-Ата, 1967. – 18 с.

14. Зуев Ю. А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: пестрая орда, сотня (сравнительно-типологическое исследование) // Сб. науч. трудов «Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья)». – Алматы, 1998.

15. Зуев Ю. А. Создание Тюркешского каганата: история и традиция // Сб. науч. трудов «Эволюция государственности Казахстана». – Алматы, 1996. – С. 30–34.

16. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын, 1998. – Т. I. – 388 с.

17. Лившиц В. А., Хромов А. Л. Согдийский язык. – Основы иранского языкознания. Среднеперсидские языки. – М.: Наука, 1981.

18. Лившиц В. А. Юридические документы и письма // Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2. – М.: Наука, 1962.

19. Etienne de la Vaissiere. Samarcande et Samarra. Elites d'Asie Centrale dans l'Empire Abbasside. – Paris: Association pour l'avancement des eudes iraniennes, 2007.

20. Giraud R. L'Empire des Turcs Celéstés. Les Régne d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680-734). Contribution á L'histoire des Turcs d'Asie Centrale. – Paris, 1960.

21. Зуев Ю. А., Торланбаева К. У. Манихейство и Талас. К интерпретации древнетюркских надписей // Тамыр. – 2002. – № 1 (6). – С. 19–36.

22. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 210 с.

23. Зуев Ю. А. Манихейское святилище под Таразом // Известия НАН РК. – № 2. – 2003. – С. 3–6.

24. Boyse M. A Reader in Manichaean Middle Persian and Parthian. Text with Notes // Acta Iranica IX. – Lieden: Brill, 1975. – 196 p.

25. Henning W. B. Selected papers // Acta Iranica. – Teheran-Liege, 1977. – Vol. 4–15. – 678 s.

26. Le Coq A. von. Türkische Manichaica aus Chotscho I. T. II. D 171. – Sprachwissenschaftliche Ergebnisse der deutschen Turfan-Forschung. – Bd. I. – Berlin, 1972.

27. Кляшторный С. Г. Манихейские обители в стране Аргу // Туған Өлке. – № 1 (6). 2006. – С. 48–50.

Зерттеудің негізгі мақсаты – түркі руникалық ескерткіштерін Қазақстан тарихын зерделеуде дереккөз ретінде зерттеу. Қазақстан аймағында табылған руникалық жазбалар ғана емес, Моңғолияның Үлкен ескерткіштері де басты назарға алынған. Шығыс түркілердің түргештерге жорығына байланысты туындаған оқиғалардың Қазақстанның ерте ортағасырлық, оның отырықшы және көшпелі аймақтарының тарихына тікелей қатысы бар.

Зерттеудің әдіснамалық негізі руникалық жазба ескерткіштерді зерттеу мәселелері бойынша жүргізілген қазақстандық ғалымдардың еңбектеріне тарихнамалық талдау болып табылады. Талдау негізіне А. С. Аманжолов пен Ю. А. Зувевтің еңбектері алынған. Біздің ойымызша, Қазақстандағы XX ғасырдың басындағы түркітану зерттеулеріндегі маңызды жетістіктердің бірі А. С. Аманжолов пен Ю. А. Зувевтің монографияларында мазмұндалған ғылыми еңбектері болып табылады. А. С. Аманжолов қазақстандық руникалық жазба ареалын дамытуға үлес қосты, ал Ю. А. Зувев жазба дереккөздерді жан-жақты пайдалана отырып, Моңғолияның үлкен ескерткіштеріне жаңа көзқарасты және шығыс түркілер мен түргештер арасындағы соғыс тарихының егжей-тегжейін негіздеді.

Зерттеу нәтижесінде ерте ортағасырлық Қазақстан тарихында түркілік-Түргеш қарым-қатынастарымен және Жетісудағы автохтондық саяси биліктің бекітуімен байланысты елеулі оқиғалар орын алғаны туралы қорытынды жасалды.

The main objective of the research lies in studying the Turkic runic monuments as the sources on the history of Kazakhstan. The focus is not only on runic inscriptions found on the territory of Kazakhstan, but the largest monuments of Mongolia. Events associated with the military campaign of the Eastern Turks on Türgesh people are directly related to the early medieval history of present Kazakhstan, its sedentary and nomadic areas.

The methodological basis of the research is the historiographical analysis of Kazakhstan works concerning study the monuments of runic letters. The analysis is based on the works of A. Amanzholov and Yu. Zuev. In our opinion, one of the important achievements in Turkological studies of the early XX c. in Kazakhstan were A. Amanzholov and Yu. Zuev's research and development, which find the focused presentation in their monographs. A. Amanzholov contributes to the cultivation of the runic writing's local areal; while Yu. Zuev based on the great circle of written sources substantiates a new vision on the largest monuments of Mongolia and the details of the history of the war between the Eastern Turks and Türgeshs.

The result of this paper was a study concluded that in early medieval history of Kazakhstan there were significant developments related to the Turkic-Türgesh relations and approval of autochthonous political power in Zhetysu (Semirechye in Russian).

КӨНЕ ТҮРКІЛЕРДІҢ ЖАЗБА МӘДЕНИЕТІНДЕГІ ДІНИ СЕНІМ КӨРІНІСТЕРІ

Көне түркі халықтарының мәдениетін қарастырғанда, біз түркі халықтарының философиясына, дүниетанымына, діни наным-сенімдеріне және салт-дәстүрлеріне көп көңіл бөлуіміз қажет. Көне түркі халықтарының асыл қазынасын зерттеу халықтық наным-сенімдердің ұрпаққа беретін үлкен тәрбиелік тәлімі бар.

Ежелгі түркі халықтарының мәдениеті жөнінде айтқанда, біз бірінші және екінші қағандықтарға негіз болған төрт тайпаны – теле (оғыз), ашина (түркі), Енисей қырғыздары мен қыпшақтарды айтамыз. Түркі мәдениеті үш аймақта дамыды: Біріншісі – Енисей қырғыздарының мәдениеті, Екіншісі – Ертіс бойы қыпшақтарының мәдениеті, Үшінші – Алтай тауы мен қазіргі Моңғолия, Жетісу, Шығыс Түркістан жеріндегі теле (оғыз), ашина (түркі) мәдениет орталығы.

V–IX ғасырларда түркілер қоныстанған Алтай, Сібір, Орта және Орталық Азия жерлерінде жазу, сызу, егін егу, әдебиет, өнер, тарих ғылымдарының, діни сенімдердің қалыптасқаны көпшілікке аян, оған Енисей жазу ескерткіштері, Орхон жылнамасы мен Талас аңғарынан табылған ескерткіштер дәлел.

Түркі тайпаларынан қалған бұл ескерткіштер көне дәуірдің қоғамдық-мәдени, әрі әдеби тұрмыс-салт өмірлерінен хабар беретін жәдігерлер қазына ретінде бүгінгі күні барлық түркі тектес халықтарға ортақ мұраға айналды. Түркінің сар даласының ішкі сырын бойына сіңірген таңбалы тастар қас батырдың ерлігіндей сан ғасырларды аттап, өз заманының шындығы мен қайғы-қасіретін, амал-әрекетін бейнелеп, еш өзгерместен күні бүгінге жетіп отыр.

Көне түрік тілдері тарихындағы ең көне жазу сыртқы нұсқасына қарай «руналық-құпия» немесе табылған жеріне қарай «Орхон-енисей жазуы» деп аталатын жазу. Бұдан өзге көне түрік тайпалары соғды, ұйғыр, манихей, брахми, тохар жазуларын және тілдерін білген. Руна бұл дыбыстық жазу, онда тек таңбалар бір-бірімен байланыспай жазылады. Руна жазуы фонетикалық жағынан алғанда көне түрік тайпаларының тіліне барынша бейімделген, әрі оның дыбыстық ерекшелігін дәл бере білген. Аймақтық және жүйелілік нұсқаларын ескерсек руна әліпбиінде 40-тан аса таңба бар екен. Оқылуы араб жазуындағыдай оңнан солға қарай оқылады. Көне түрік руна жазуының таралу аймағы – Сібірдегі Енисей, Лена өзендері аңғарлары, Моңғолиядағы Орхон, Онгин, Селенга өзендерінің алқабы, Орта Азия мен Қазақстандағы Талас пен Сыр бойы, Ертіс пен Іле қойнауы.

Руна тектес жазуы бар ескерткіштер әлемнің көптеген елдерінен табылып отыр, Хазар мемлекетінің территориясы Еділ, Дон өзендері бойында және Солтүстік Кавказдан да табылған. Бұл батыстық нұсқадағы руна жазуының ірі текстерінің табылмауына байланысты сыры әлі ашылмай, құпия күйінде қалып келеді. Руна жазуының және ескерткіштерінің таралу аумағының көлемінің көптігі көне түріктердің сауаттылығы жайынан сөз қозғауға мүмкіндік береді. Руникалық

ескерткіштердің тізбелік қорларына шолу жасаған зерттеушілер, көне түріктер мекендеген аймақтарда жазу-сызу қолданылғанын дәлелдейді. Орхон-Енисей жазбалары көне түріктердің арасында сауаттылық кең жайылғанын және шеттен келген сауаттылардың көмегінсіз-ақ жергілікті тұрғындар өздері жазғанын, сондай-ақ руналық эпиграфиялар тек ақсүйектерге ғана емес, қалың оқырманға арналғанын, тіпті күнделікті тұрмыстық бұйымдардың өзінде жазудың болуы тұрғындардың сауатты болғанын айқындайтынын және көне түріктерде элеуметтік қоғамдық пікір өмір сүргенін паш етеді деген пікір бар.

Көне түріктерде жазудың, жазба мәдениетінің болғанын б. з. д. 176 жылдары ғұндардың билеушісі Мөденің Қытай еліне хат жолдағаны жайлы мәлімдейтін құжаттар және «Есік» қорғанынан табылған күміс тостағандағы жазуда көрсетіліп отыр. Б. з. д. V ғ. жазылған сақ дәуірінен қалған күміс тостағандағы жазба мұра төңірегінде ғалымдар арасында талас-тартыс әлі де толастамай келеді. Дегенмен, осы сақ жазуының негізінде, әрі оның көне түрік руникалық таңбаларына ұқсастығына қарап, белгілі түріктанушы ғалым А. Аманжолов мынадай қорытынды жасайды:

1) көне түрік тілдес тайпалар бұдан 2500 жыл бұрын көне әліпбиі бар жазуды білген және оны кеңінен пайдалана білген;

2) көне түрік руникалық жазуы арғы ата-бабаларымыздың 1500 жыл бойы, яғни б. з. д. V ғасырдан бастап б. з. X ғасырға дейін қолданылған төл жазуы деп танылуы керек.

Көне түріктер руна жазуын құлыптастарға, тұрмыстық заттарға, үй қабырғаларына өз ойларын дұрыс жеткізу үшін пайдаланған, сондай-ақ қолжазбалар, хаттар әзірлеуде қолданылған. Атақты «Күлтегін» (732 ж.), «Білге қаған» (735ж.) және «Тоныкөк» (716 ж.) тасқа қашалып жазылған руна ескерткіштер ішіндегі ең көлемдісі, әрі көне түріктердің өздері туралы жазған маңызды аса құнды, бірегей жәдігерлер. Сыртқы пішіні пирамида секілді Күлтегін ескерткіштерінің биіктігі 3,15 м, ені 1,24 м, қалыңдығы 0,41 м. Күлтегін ескерткіштерінің негізгі бетінде 40 жол жазу бар екен, ол ескерткіштің сол жақ бетіндегі 13 жол жазудың жалғасы болып есептеледі [1]. Түркологиялық әдебиеттерде ескерткіштегі 40 жол жазу үлкен жазу деп, ал 13 жол жазу кіші жазу деп аталады. Кіші жазу үлкен жазудың кіріспесі болуы керек. Көне түріктердің Күлтегін жырында олардың ата-бабалары туралы, ерлігі, мемлекет ісінде оны бір орталыққа біріктіруде көп еңбек еткендері айтылады, сондай-ақ елге ерен істерімен белгілі болған, Елтеріс, Білге қағандар және қолбасшы Күлтегін жайлы, көне түріктердің жорықтары туралы айтылады және көне наным-сенімдері сипатталады. Жыр авторы – Йолығ Тегін жырының басты идеясы етіп халық бірлігін алған. Ел бірлігі арқасынды бастыларды еңкейтіп, тізелілерді бүктіргендіктерін жазған. Олар мұның барлығы Тәңірдің қалауымен болған деп ұқтырады. Білге қағанға қойылған тас ескерткіштің ұзындығы 3 м 45 см, ені 1 м 74 см және қалыңдығы 72 см. Сырт бейнесі, көркемдік нақышы жағынан да, мазмұны жағынан да Білге қаған және Күлтегін ескерткіштері бір-бірімен ұқсас, текст мазмұны бір-бірін қайталайды.

Тоныкөк ескерткіші екі бағана тасқа бөлініп жазылған. Біреуінің биіктігі 1 м 70 см, оған 1–36 жол, екіншісінің биіктігі 1 м 60 см, мұнда жырдың жалғасы, яғни 37–62 жолдар орналасқан. Жырды жазушы Тоныкөктің өзі деген болжам

бар. Бұл жерде көне түрік халықтарының табғыштарға көп жылдар бағынышты болғаны, кейін бас біріктіріп жауға қарсы тұруы, сол кезде қаған сайлауда, жауды жеңуде Тоныкөктің ақыл-кеңесі, ерлік істері зор болғаны баяндалады. Мұндада ер бірлігі, сол елдің басын қосып, ынтымаққа жеткізуге ақылгөй Тоныкөк секілді қариялардың, ел басшыларының үлкен роль атқарғаны дәріптеледі. 1721–1722 жылдары руна жазуы ескерткіштерін алғаш рет Сібірден Д. Г. Мессершмидт және Ф. И. Страленберг экспедициясы тапқан. Орыс ғалымы Н. Я. Ядринцев 1889 жылы Солтүстік Моңғолия жерінен, Орхон өзені бойынан Білге қаған мен Күлтегінге арналған ескерткіштерді, ағайынды Клеменцтер 1897 жылы Селенга өзені бойынан Шығыс Түрік қағанатының қағандары Елтеріске, Білгеге кеңесші болған, дана қария Тоныкөк құрметіне қойылған ескерткіштерді табады. Руна жазулы әліпбидің сырын 1893 жылы дат ғалымы, Копенгаген университетінің салыстырмалы тіл білімі кафедрасының профессоры Вильгельм Томсен алғаш ашқан еді. Томсен құпиясын ашқан әліпбиді пайдалана отырып, В. В. Радлов оны жетілдіріп Орхон ескерткіштері мазмұнын 1894 жылы орыс тілінде жариялады, ал Томсеннің өзі жасаған аудармасы неміс тілінде 1895 жылы жарыққа шығады. Содан бері көне түрік руна ескерткіштерінің әр қырынан зерттеу жұмысы үздіксіз жүргізіліп келеді. Шығыс Түркістаннан XX ғасырдың бас кезінде ұйымдастырылған археологиялық экспедициялар руна жазуының VII–IX ғасырларда қағазға түсірілген нұсқаларын тапқан [2].

Бұл аталмыш қолжазбалардан діни тақырыптарға арналған сол кездегі көне мәдениет және тарих туралы бағалы мағлұмат алуға болады. Көне түркілер күнделікті тұрмыста өз тарихтарын қағазға да жазып отырған. Руна әріптерімен жазылған жазба кітабы – «Ырқ бітік» деп аталады. Кітаптың аты жоқ, тек бас жағында «Бұл біліктілік кітабы жақсы» деп жазылған екен. Екі түрлі мағынаға ие «ырқ» сөзі біліктілік және сәуегейлік дегенді білдірген, зерттеушілер алғаш сәуегейлік деп аударуына байланысты кітапқа «Сәуегейлік кітабы», орысша «Книга гаданий» деген атау берілген. Кітапша бүктелген 29 парақтан құралған. Көлемі 13,2 × 8 см, мәтін 108 жолдан, 65 бөлімнен тұрады, оның әрқайсысы «бұл жақсы» немесе «бұл жаман» деген ой қорытумен аяқталып отырған. «Ырқ бітіктің» уақытын В. Томсен VIII–IX ғасырларда жазылған деп айтады [3].

Көне түрік поэтикалық арнасында дүниеге келген «Ырқ бітік» көне түріктердің мұсылмандықты қабылдағанға дейінгі тұрмыс-тіршілігінің көпшілікке беймәлімдеу тұстары және наным-сенімдері жайлы, оларды қоршаған орта туралы мәліметтерден хабардар етеді. Бұл жазба ескерткіштерді танымдық, тілдік, дәстүрлік, көркемдік-философиялық, саяси-қоғамдық, деректік, тарихнамалық, археологиялық, эпиграфиялық, географиялық, этнологиялық тұрғыдан зерттейтін болса, онда көптеген тың тұжырымдар жасауға мүмкіндік берері сөзсіз. «Мәңгілік ел» Еуразия кеңістігінде жасампаздық идеясын әкелген де осы ескерткіштер деп айтуымызға болады. XVIII ғасырда-ақ әлем өркениеті тарихындағы осынау жазбалардың тұңғыық сырларына үңілу басталғаны белгілі. Оған айтулы ғалымдар, түркітанушылар, географтар, археологтар, филологтар назар аударған. Атап айтқанда, В. Томсеннен бастап, В. В. Радлов, Н. М. Ядринцев, С. Е. Малов, В. В. Бартольд, П. М. Мелиоранский, А. Бернштам, А. Шербак, Л. Н. Гумилев, Ә. Марғұлан,

Б. Кенжебаев, Ғ. Айдаров, К. Өмірәлиев, И. В. Стеблева, А. Аманжолов, Р. Бердібай, Ә. Қайдаров, Н. Келімбетов, Қ. Сартқожаұлы, М. Жолдасбеков сынды өзіндік түркологияға үлес қосқан ғалымдар ғылыми-теориялық және тарихилық тұрғыдан талдап түсіндірді. Тарихшылардан профессорлар Н. Мұқаметханұлы, З. Қинаятұлы, С. Игібаев, әсіресе Қ. Сартқожаұлының «Объединенный каганат тюрков», «Орхон мұралары» еңбектері отандық түркітану ғылымына қосылған қомақты үлес болды.

Көне түркілер осы әріптік жазудың бір түрі – руналық жазу түрін пайдаланды. Жалпы Күлтегін ескерткіші – түркі халықтарының баға жетпес мәдени байлығы. Батырлар жыры сарынындағы Күлтегін мен Білге қаған ескерткіштеріндегі жазбалар екінші Түркі қағанатының құрылуы және кемелдену кезеңі мен көрші Таң империясымен қарым-қатынасы туралы хабар береді. Күлтегін жыр жазуы 53 бөлімнен тұрса, соның 27-ден 53-ке дейінгі жазулары Күлтегіннің батырлығынан және оның соғыстарда мол табыстарға жетіп отырған қолбасшылығынан мағлұмат береді [4]. Ескерткіш негізінен табғаш (Қытай) және көне түркі жазуымен жазылған. Қытай жазуы алғаш орыс, француз, содан кейін неміс, ағылшын және кейінгі кездері түрік тілдеріне аударылған. XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың бірінші жартысында Ресей және батыс ғалымдарының зерттеулері әлемдік түркітану ғылымының негізін салып берді. Г. Габленц, Г. Шлегель деген ғалымдар Күлтегін ескерткішінің аудармасын жасады. Басында тек көне түрік жазбалары ғана зерттелген. Л. Гумилевтің «Ежелгі түркілер» еңбегі бәрімізге белгілі. Көне түрік халықтарының тарихын зерттеуде Қытай ғалымдары көш бастаған еді. Орыс ғалымдары С. Малов пен С. Кляшторный XX ғасырдың екінші жартысында көне руникалық жазбаларды дереккөзі ретінде жоғары бағаланғанын айта кету керек. Олардың еңбектері қытай және өзге тілдерге аударылып басылып шықты. Отандық ғалымдар тарапынан көне түркі тілі мен жазуын зерттеу біршама жолға қойылған деуге болады.

V–IX ғасырларда көне түркілер қоныстанған Алтай, Сібір, Орта және Орталық Азия жерлерінде жазу, сызу, егін егу, әдебиет, өнер, тарих ғылымдары, діни сенімдердің қалыптасқаны көпшілікке аян. Оған Енисей жазу ескерткіштері, Орхон жылнамасы мен Талас аңғарынан табылған ескерткіштерді айтуға болады. Енисей жазба ескерткіштерінің ең көне түрлері Минусинск ойпатынан табылған. Бұл жазбалар тарихи деректік маңыздылығымен қатар, көне түркі халқының белгілі мөлшерде отырықшы болып, металл өңдеумен айналысқанын, мәдениетті ел және өзіндік наным-сенімдері болғанын көрсетеді. Ұрпаққа өнеге болар атақты Күлтегін, Тоныкөк, Білге, Бумын қағандар әрі тарихи, әрі әдеби дастан жырлардың кейіпкерлеріне, ұлы үлкен тұлғаларына айналды. Бұлардың ардақты есімдері ел жадында сақталу үшін сол заманның данагөй ақылдылары өркениеттің белгісі болып табылатын түркілік сына жазумен тас бетіне түсірді. Көне түркі тайпаларынан қалған бұл ескерткіштер көне дәуірдің қоғамдық-мәдени, әрі әдеби тұрмыс-салт өмірлерінен, наным-сенімдерінен хабар беретін жәдігерлік қазына ретінде бүгінгі күнгі барлық түркі тілдес халықтарға ортақ мұраға айналды. Көне түріктердің кең даласының ішкі сырын бойына сіңірген таңбалы тастар сан ғасырды аттап, өз заманының шындығы мен қайғы-қасіретін, амал- әрекетін бейнелеп, еш өзгерместен күні бүгінге жетіп отыр [5].

Табылған жеріне қарай көне түрік жазба ескерткіштері аймақтық негізде былайша топтастырылған: біріншіден, бұлар Монғолия жерінен табылған ескерткіштер. Негізінен, «Орхон ескерткіштері» деп аталады және Орхон, Селенга, Толы өзендері бойына орналасқан. Тасқа қашап жазылған бұл текстердің ең көлемдері және әйгілі Күлтегін, Білге қаған, сондай-ақ Тоныкөк ескерткіштері.

Көне түріктердің өзіндік тарихы бар идеялық бағыты төл мәдениетін, дүниетанымын, наным-сенімдерін, әдет-ғұрып Қытай сияқты қуатты көршілердің ықпалынан, ырқынан сақтап қалу жолын іздестірді. Осы ізгі жолды, бағыттты бектер мен қалың бұқараға түсіндіру үшін «Білге қаған», «Күлтегін», «Тоныкөк» жырлары жазылды. Л. Г. Гумилевтің пайымдауынша, көне түріктер сөз қуатын, сөз күшін ұғынатын, әрі қоғамдық пікір өмір сүрген қоғамды, әлдеқайда дамыған қоғамды құра алды. Үш жазудың үшеуі де көне Түрік қоғамының қалың бұқарасына үндеу тастағандай рөл атқарды. Түрколог Н. Я. Бичуриннің зерттеулері арқылы көне түрік адамының қытай деректерінде берілген зерттеулерін алуға болады. Мысалы: «Китайские хроники подчеркивали значение тюркского хана Муюя: «он имел необыкновенный вид: лицо его было около фута длиною, и притом чрезвычайно красное; глаза как стеклянные. Он был тверд, жесток, храбр, и много ума имел: занимался более войною... привел в трепет все владения, лежащие за границею. С востока от Корейского залива на запад до Западного моря до 10000 ли, с юга от Песчаной степи на север до Северного моря, от пяти до шести ли, все сие пространство находилась под его державою. Он сделался соперником Срединному царству», яғни, Қытай деректерінің баяндауы бойынша түркі адамы ерекше пошымды, түр-түсі қызыл, өз-өзіне берік, қатал, ақылды әрі ержүрек екендігін көрсетеді. М. С. Орынбеков өзінің «История философской и общественной мысли Казахстана (с древнейших времен по XII в.)» деп аталатын ғылыми-зерттеу еңбегінде «Надписи в честь Бильге-кагана и Куль-Тегина показывают высокую поэтичность и эпическую внушительность древнетюркской письменности. ...Орхон-енисейская письменность показывает историю мышления древних тюрков, их языка, идеологии, литературы и культуры. Обособленность тюрков, их отличность от сопредельных народов превели к пониманию враждебности других племен и народностей. Возникла установка на чуждость этих народов тюркам, которые несмотря на различия между собой и периодически возникающие конфликты, остались единым народом с одной судьбой, предопределившей им борьбу за независимость и территориальную целостность» [6], – деп атап көрсеткен болатын. Көне түркі мәдени ұғымы мәдениеттанудың, жалпы және әлеуметтік гуманитарлық білім саласының кілті әрі мазмұны болуының қажеттілігі шығыс әлемінің араб-парсы ғалымдар пікірімен терендей түседі. Осы ретте, түркілер туралы зерттеген кешенді ғылыми еңбертерге, зерттеулер пікіріне шолу жасасақ, С. Е. Малов көне түркі мәдени жәдігерлері туралы: «...все эти памятники или языки всех этих памятников служат общим фоном, общей исторической канвой для древней истории большинства тюркских языков, особенно для истории так называемых младописьменных языков, которых у нас почти большинство и часть которых недавно еще была вовсе безписьменной», – деген ой қалдырған. Зерттеушінің пікірі арқылы көне түркі мәдени жәдігерлерінің жалпы түркі халқы үшін маңызын көреміз [7]. Сондай-ақ,

С. Е. Малов қаған билігін мифологиялық циклмен байланыстылығын және түркілер туралы ойын мына аудармасы арқылы былай түйіндеген: «Памятник в честь Кюль-Тегина: Малая надпись: «Небоподобный, неборожденный (собст. «на небе» или «из небавозникший») тюркский каган», я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мною мои младшие родичи и молодежь (вы), союзные мои племена и народы; (вы стоящие) справа начальники шад и апа, (вы, стоящие) начальники: тарханы и имприказные» [8].

«Аспан тәріздес немесе аспаннан туындаған» деген сөз тіркестері аспан немесе ғарыш түркілері салыстырмалы образын айқындай түседі. Көне түркілерді зерттеуші ғалымдардың аспаннан немесе аспанда дүниеге келген деген ойы арқылы көне түркілердің танымдық табиғилығын және дүниетанымының ұшқырлығын, наным-сенімдерінің кеңдігін, алыптығын дәлелдей түседі. Сондай-ақ М. С. Орынбековтың төмендегідей тұжырымдары өте орнықты пікір қалыптастырады: «Қазақтың ата-тегінің арғы философиясынан бастап діни сенімінде, Тәңірге табынушылығында және сақтар, ғұндар, үйсіндер, қаңлылардың мифологиясында алдыңғы орынға философиялық дүниетанымдық зәру мәселе ретінде арийлердің, ғұндар, көшпелілердің, малшы-егіншілердің және отырықшы тайпалардың тіршілік бағыттарының, жолдарының арақатынасы шығады. ...Бұның өзі көне түрік жазу мәдениетінің дүниеге келуімен белгілі. Ғасырлар бойы сұрыпталған халық даналығында барша ғалам біреу ғана деп дәріптеледі, ал адамдар тұтас табиғаттың құрамдас бөлігі деп танылады. Зерттеуші М. Е. Массонның ойына сүйенсек, «тас пен тау жартастары мен қатары, ағаш та өз кезегінде таяқшаға рунаны сызатын адам үшін үйреншікті материал болуы, ағаштың әріптік белгілерді сызудағы оңай әрі сенімді, біржақты және жылдам, нақтылықты бере алатынымен түсіндіруге болады» – деп атап көрсететіні, түркілердің қоршаған ортаны меңгерудегі ой-өрісінің кең екенін көрсетеді.

С. Е. Малов өз кезегінде М. Е. Массонның ойын былайша сабақтайды: «Деревянная палочка с рунами представляет исключительный научный интерес, как по своему материалу – дереву, так и по содержанию своей надписи. До сих пор у нас имелись большие рунические турецкие надписи, главным образом, на камнях. Имеется также рунические письменность на металле и редкие памятники рунического турецкого письма на бумаге» [9]. Бұл көне түркі мәдени жәдігерлерінің ағаш, метал, түсті металда, сондай-ақ қағазда жазылуы түркі халқының мәдениетінің жоғары деңгейде дамығанын және оның өнеркәсіптік тұрғыдан техникалық прогрестің болғанын көрсетеді. Көне түркі таңбалары деп аталатын ғылыми зерттеу еңбегінің авторлары З. Самашев, Н. Базылхан [10] Орталық Азия мен Оңтүстік Сібір және Евразиялық батыс бөлігіне кеңінен таралған әйгілі көне түрік таңбалары мен таңбалық белгілері топтастырылып, ғылыми тұрғыдан сипатталған деп көрсетеді. Көне түрік таңбаларының қызметі мен семантикасы, онда этно-мәдени болмысы қарастырылып, көне түрік таңбаларындағы ерте заманның композициясын, адамның заман-кеңістіктегі мифологиялық орнын көрсетеді. Атақты турколог В. Бартольд «Очерк истории Семиречья» атты зерттеуінде: «В VI в. Средней Азии возникла новая кочевая империя. Новые завоеватели тюрки, вышедшие из Алтая, в короткое время подчинили себе все народы Великого океана до Черного моря» [11], – деп атап

көрсеткен. Ғалымның ойынша Жетісу көне түркілердің орталығы болып табылған және сауда-саттық қарым-қатынастың дамуында өте маңызды рөлі болған. Қазақтар тарихын түркілер тарихы контекстінде қарастыру орынды. Себебі қазақ халқы – түркілер, олар түркі халқының бір бөлшегін құрайды деген пікірді С. Б. Бөлекбаев өте орынды ұсынған [12].

Профессор Т. Ғабитов: «...түркілердің діни нанымдарының таза діни мағынасы аз. Күлтегін жазуында түркі қағаны: «Тәңірдей, тәңірден жаралған» деп суреттеледі. Бұл тек көшпелілер өмір-салтында туындайтын наным еді. Себебі, түркілердің колөнері сияқты, діни-нанымдары да тек өмір қажеттіліктерін атқаруға негізделген» [13], – деп атап көрсетеді. Қазақ философиясының қалыптасуындағы маңызды қайнар бұлақтардың бірі – ежелгі түрік жазбасы. Бастапқы ескерткіштердің тас плиталар мен балбал тастарда, жартастар мен тұрмыс жабдықтарында сақталғаны белгілі. Профессор Д. С. Раев өз зерттеуінде «Адам мен Заман және олардың арасындағы өзара тәуелді байланыс» мәселесіне талдау жасайды [14]. Философияда адамның әлеуметтік мәні тұрғысындағы сипаты, барлық қоғамдық әрекеттер мен қатынастардың базисі ретіндегі статусы танылған деп пайымдайды ғалым. Әр ел мен ұлыстың ішкі рухани мүмкіндіктері арқылы қалыптасатын және халықтың өзі мойындаған ортақ құндылық жүйесі – ұлттық моральдық сана. Ойлау жүйесі, салт-дәстүрі, мінез-құлқы, іс-әрекеті, тіршілік етуі, мәдениеті мен психологиясын, әр халықтың ақыл-парасатын қамтып, ол осылар арқылы көрініс тауып отырады. Ғалымның пікірінше шешендік сөз өнеріндегі адамды - тәни әрі жани жаратылыс деп екіге біледі. «Көне түркілер жауына алып ерлерін өлтіріп балбал қыла бердім...» деген сөйлемнің мазмұны да құрметпен қарағанын, жеңіліске ұшыраған жақтың ерлік көрсеткен батырларының басына ескерткіш-балбалдар орнатып отырғаны айтылады. Мұндай іс-әрекет кез-келген этностың қолынан келе бермейтін, түркілердің этно болмысына ғана тән айрықша адамгершілік қасиет болғанын аңғара аламыз.

«Көне түріктердің наным-сенімдері, жалпы философиялық көзқарастары туралы төлума толыққанды тарихи жазба деректер әзірше табылмаған» деп пайымдайды Н. Базылхан өзінің көне түркілер жайлы еңбегінде. Алайда олардың байырғы сарқыншақ көріністері мен кейбір нақтылы болмыстарының қалдығы іспетті тұстарын қазіргі түрік халықтарының фольклорлық деректерінде және ортағасырлық «Оғыз хан», «Қорқыт ата», «Құтадғұ білік» сынды туындылардан аңғаруға әбден болады, – деп атап кетеді.

Сонымен қатар, көне түріктерде Тәңірлік үштік дүниетаным болғаны айдан анық дейді. Тәңірлік таным үштік құрылым, үш жүйелік қарым-қатынастар бойынша сараланды. Демек, көне түрік қоғамын сол қоғамның көшпелі өркениетінде бекем орныққан «Тәңір-Кісі-Жер» деген жалпы үштік құрылымсыз түсіндіруге келмейді. Олар:

1. Тәңірі
2. Кісіұлы
3. Жер

Күлтегін, Білге қаған бітіктасы мәтінінде былай делінген: «Үстіңгі жоғарыда Көк Тәңірі, Астыңғы төменде қоңыр (қатты) Жер жаратылғанды екеуінің арасында

Кісі ұлдары (адам баласы) жаратылған екен. Кісі ұлдарын (адам баласын) билеп ата-бабам Бұмын қаған, Естемі қаған отырды. Олар билік етіп отырып, түрік халқының елдігін, төрелігін ұстай білді, жетілдіре білді» деп көне түрік танымдық болмысын айқын көрсетеді [15].

Көне түркілер кезеңінен осы кезге дейін жеткен Тәңірлікке табыну дінінің көптеген белгілері тарихи тамыры бір қазақ халқында да сақталған. 1074 жылы атақты түрік ғалымы Махмұт Қашқари «Түрік сөздігі» деп аталатын үш томдық еңбегінде көне түріктердің Тәңірлікке табынуы ол – ұлы, жалғыз жаратушы деп түсінгендіктерін айтады. Ұлылықтың сыры бұл Тәңір дінінің көне түріктер табиғатына жақын келуі, соны жүрекке жақын қабылдауы болар деп қорытындылаймыз. Көне түріктердің түсінігінде Тәңір жарылқаушы. Олар барлық тілек мақсаттарын көк аспанға қарап Тәңірден тілеген сол қабыл болады деп ойлаған. Көне түріктер бір мақсатқа топтастырушы, қуаттандырушы ұлы күш ол Тәңірдің өзі деп сенген. Көк аспандағы Тәңірі көне түріктерге бақыт, байлық, береке сыйлаушы. Тәңірі аспанда деп ұққан олар биікке ұмтылды. Көне түріктер өмір бар жерде өлім де бар екенін білді. Бұл дүние мен арғы дүниенің арасындағы байланыстың барлығын да ұқты. Кең дала төсінде көшпенділікпен айналыса жүріп, Көк пен Жердің арасында тіршілік жасау, қағанға бағынып мемлекет бірлігін нығайтуға ат салысты. Көне түркілердің қарапайым дүниетанымы наным-сенімге толы болды. Олар сол наным-сенім арқылы ұрпақтарын адалдыққа, еңбексүйгіштікке тәрбиеледі. Көне түркілердің дүниетанымында қасиетті Жер-Су, құт түсінігі болған. Бұл елдікті білдірді. Ал тұрмыста От-ананы құрмет тұтты. Жаман нәрселерді отпен аластау ғұрпы уағыздалды. Көне түріктердің мифологиясында адамның жаны мәңгілік, тек тәні ғана өледі деп білген. Өлген адамның рухы мәңгі жасайтынына сенген. Наным-сенім өз кезегінде адамның ой-өрісін дамытуға ықпал жасады. Көне түркілер мемлекет құру, оны жүйемен басқаруды жақсы білген. Өздерінің ел басқаратын қағандары болған. Қағандар Тәңірдің әмірімен ел басқарды. Елдің бірлігін, ынтымағын ойлады. Мемлекет қорғайтын әскерлері, жауынгерлері болды. Көне түріктердің жазба мәдениеті болды. Оларды біз археологиялық қазба деректерден, тас ескерткіштерден, балбал тастардан көреміз.

Әдебиеттер

1. *Стеблева И. Я.* Надписи в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука. Орхонские надписи: Кюль Тегин, Бильге каган, Тоньюкук. – Семей, 2001 г.
2. *Сейдімбек А.* Қазақ әлемі: этномәдени пайымдау. – Алматы: Санат, 1997. – 461 б.
3. *Қондыбай С.* Арғы қазақ мифологиясы. 1 кітап. – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – 512 б.
4. Ақсауыт. Батырлар жыры. – Алматы: Жазушы, 1977. – 368 б.
5. *Кокумбаева Б., Сағындықұлы Б., Кокумбаева Л.* Мәдениеттану негіздері. – Павлодар, 2007. – 143 б.
6. *Орынбеков М. С.* История философской и общественной мысли Казахстана (с древнейших времен по XII в.). – Алматы, 1988. – 169 с.

7. Кредер А. Новейшая история. Экспериментальный учебник. – М.: Интерпакс, 1994. – 432 с.
8. Барманкулов М. Тюркская вселенная. – Алматы: Білім, 1996. – 240 б.
9. Клосон Дж. Происхождение тюркского «рунического письма» // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литература. – М.: Наука, 1986. – С. 135–158.
10. Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Көне түрік таңбалары. – Алматы, 2010. – 168 б.
11. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1943. – 104 с.
12. Бөлекбаев М. Б. Казахстан в контексте тюркской истории. – Алматы, 2011.
13. Фабитов М. Мәдениеттану негіздері. – Алматы: Дәнекер, 2002. – 180 б.
14. Раев Д. С. Қазақ шешендік сөз өнері: Адам-тәни әрі жани жаратылыс. – Алматы, 2011.
15. Базылхан Н. Көне түріктердің этномәдени-тарихи деректері (VI–IX ғғ.). – Алматы: Дайк-Пресс, 2014. – 278 б.

Статья рассматривает доисламские верования в культурной традиции древних тюрков и раскрывает историческое содержание непоколебимой идентичности единого тюркского духа. Несмотря на то, что вера древних тюрков изначально была простой, она была предшественником рождения религии. Чтобы понять ее природу, важно изучить древние верования, обычаи, традиции, которые непосредственно связаны с культурой народа. По словам ученых, исследовавших культуру древних тюрков, первые верования, то есть первая религия, начинались с поклонения Тенгри. Поэтому они использовали приставку Тенгри к географическим названиям, например, высокие горы – «Тәңір тау», река и озера – «Тәңір көл». Они считали эти места святыми и восхваляли небо, высокие горы, солнце, луну и звезды, а также уважали дух предков и совершали ритуалы поклонения. С этим связана тематика первых сказаний, эпосов и легенд. Позже древние тюрки придумали простые способы измерения времени, летоисчисления и календаря. Они хорошо разбирались в небесных телах, их передвижениях и закономерностях, и могли по ним прогнозировать благоприятность погоды для ведения хозяйства. Также в этнографических и археологических источниках встречается множество данных, свидетельствующих о том, что древние тюрки поклонялись небесным светилам, святым местам, огню и воде.

The article examines pre-Islamic beliefs in the cultural tradition of the ancient Turks and reveals the historical content of the unshakable identity of a single Turkic spirit. Despite the fact that the belief of the ancient Turks was initially simple, knowing it through mythological knowledge, it was the forerunner of the birth of religion. To understand nature, it is important to study ancient beliefs, customs, traditions and first beliefs that are directly related to the culture of the people. According to scientists who studied the culture of the ancient Turks, the first beliefs, that is, the first religion began with the worshipping tengri. Due to the fact that the main belief of the ancient Turks was the

worship of Tengri, they used the Tengri prefix to geographical names, for example, to the high mountains – «Tanir Tau», river and lakes – «Tenir Kol» and considered these places holy and praised the sky, high mountains, sun, the moon and stars, as well as respected the spirit of their ancestors and performed rituals of worship. Due to the fact that the Turks worshiped Tengri and believed in the sky, the sun, stars, mountains, the first legends, epics and legends about celestial bodies appeared. The ancient Türks after that came up with simple ways to measure time, chronology and calendar. The ancient Türks were well versed in celestial bodies, about their movements and patterns, and they could predict the favorable weather for farming. Also in ethnographic and archaeological sources there is a lot of data testifying that in the culture of the ancient Türks, along with the boundless cosmos, they also worshiped celestial bodies, holy places, fire and water.

AN ORAL HISTORICAL TRADITION AS A MEASURE OF KEEPING SOCIAL IDENTITY AMONG THE CENTRAL ASIAN TURKIC NOMADS

I would like to present the paper on the theme of analysis of oral traditions among Inner Asia's Turkic nomads being a historical source. Each generation, having incorporated previous positive experience of its ancestors, should write a history of their own time. By the words of medieval authors, the history fixed into written works («history as a book») turns to be the «remain» for those who come after the period that this history has been written. Every new generation enriches the historical experience of mankind by the new examples, adds particles of truth in the coin-box of general knowledge: by this very way the links between the past, the present and the future are established, and there emerges the continuity of ideas and the historical-cultural traditions.

By our opinion the historical sources concerning the history of Central Asia can be divided into two groups: the internal one and the external one.

The external sources are those written by the authors of the neighboring countries of Central Asia as well as Near, Middle and Far East. They were written in Persian, Arabic, Chinese etc. In the period under our study the Islamic historical tradition considerably influenced the perception of history by Inner Asia's Turkic ethnoses. However, this tradition is known to be highly biased, describing the historical past in one-sided manner, and hence appears as some alien view on the history in the eyes of non-nomads. But of the all mentioned external historical sources, the Muslim and Chinese sources stand very important position in writing of central Asian history. Most of the modern historical publications, especially so called «academic» ones written in the Soviet time are based only on this kind of sources.

The internal sources are those that come out of own historical tradition of the Central Asian peoples. This kind of sources can also be divided into two groups: 1) those written sources that had been formed out during various periods and in various sites of Turkic world; 2) those that are still passed on only in oral form.

Concerning the first group of the internal sources, the works that were written on the basis of oral historical tradition of certain clan and tribal units of that time such as «Chinghiz-namah» by Utemish-hajji, «Jami' al-tawarikh» by Qadir-'Ali Jala'iri, «Shajara-yi turk» by Abu 'l-Ghazi Bahadur-khan can be mentioned. While the historical legends (qara-söz), the tribal genealogies (shejire), the heroic eposes (dastan) and the elegies dedicated to certain heroes (zhoqtau) etc., can be included into the second group [1].

By the words of some researchers, the above-mentioned sources make out «the oral historiography of the steppe». This very historiography tradition is important by the reason it has ultimately influenced the formation and evolution of community ideology. It appears to be the memory of the very subject-individual of historical

tradition about himself and his past; it tells in the form of legends and songs the history of nation, the heroic doings of ancestors, which have been transferred by word of mouth over many generations and were mostly fixed in the written form only in the end of XVIII – beginning of XX centuries. Since it is so, we may say that in Turkic Inner Asia there exists its own historiographical tradition.

The tradition is the memory of the subject itself about its historical activities in the forms of the legends and historical songs of the people passed down orally by many generations. While the most part of those written on paper were done only during the time of the end of the 18th – beginning of 20th centuries.

The works of Mashkhur Zhusup Kopeev (1857–1931), the renowned Kazakh scholar, poet/singer (akyn), genealogist, and collector of oral folk works, are unique in this connection. In 1870–1872 he studied at the Kukaltash madrasa in Bukhara. After obtaining an Islamic education in the cities of Turkestan, Tashkent, and Bukhara, he was knowledgeable about Oriental classical literature, history, and philosophy, yet he never severed his ties with the Kazakh oral and written literatures of his time. He studied the Oriental literature of Firdawsi, Nizami, Hafiz, Navoi, Saadi, and the Shajara of Abulghazi Bahadur Khan. He narrated the history of the Kazakh people in the form of «shajara» that is, family genealogies.

His written tradition is original and distinguished from other collectors of oral historiography with regard to the sacralization. His works, which are devoted to the followers of the Prophet and the Kazakh khwajas, are a historical-spiritual treasure. Kopeev collected Kazakh oral literature, genealogical legends, and historical-cultural and ethnographic materials.

In the oral historical tradition, apart from other questions, the problem of historical continuity of the state traditions of Central Asian medieval societies is also touched upon.

According to the modern interpretation, the state tradition is something like historical-and-genetic continuity of common, general and special features and components of state order, which are transferring from one state to another. According to the opinion of V. V. Trepavlov, the traditional system of state governing is just one of the components in the structure of any medieval state. In addition, the tradition can appear not only as the functional activities as such, but also as the perceptions of these activities [2].

From this point of view the big value has the analysis of so-called «channels» of transmission of state-political tradition. It should be taken into account that writing remains, oral folk arts, common laws etc can act in the role of such «transmitters» [3].

There is a special group of written sources on the history of Central Asian Turkic nomads – the sources which brought to us an oral nomadic historical knowledge. This entered into scientific use in the term of a «steppe oral historiography», or a «steppe oral historiology».

Based on unique information – data of the very individual subject on the history of his own past – the steppe oral historiology has not less, and sometimes even more important value for understanding of social-and-political processes. Here should be emphasized the ultimate importance of oral tradition in compare with written

testimonies, as oral tradition have been entirely proved by written sources or, that is even more important, by the state principles of newly created formations. «Chinghiz-namah» contains the important data on political institutes of the medieval Central Asian states. Among them khans as possessors of the supreme political authority, oghlans and beks are mentioned. Among the various political structures the majlises – assemblies of Chinghisids and patrimonial nobles – played a special role. It also should be mentioned that nobody would call in question the conclusions that sources of actually Turkic origin, among which oral legends, heroic epos and shajara prevailed, have a decisive role in studying of the history and culture of these nations [4].

As the other important «channel» of transmissin of the state tradition was the practice of establishin of power relations based on the new ideological perception of the world originating from the epoch of early Turks and drastically reorganized during the epoch of the Mongolian conquest. The Central Asian school of historiography studied the questions of influence of Chinghiz-khan's conquests on spiritual world and outlook of the epoch, and through it – on the statehood and common world order. In historical destiny of Turkic and Mongolian peoples of Eurasia this phenomenon is known as «Chinghisism».

Chinghisism appears as a powerful ideological and world outlook system, which on some parameters comes near to religious world view and has a huge practical value. Chinghisism rendered the most direct influence on social and political regime, structures of social institutes, political and institutional regulations. It has consecrated the right of Chinghiz-khan's descendants on the supreme authority, and starting from that time the title «khan» became an exclusive prerogative of Chinghisids. This was its very traditional character freely recognized by the consciousness of Turkic-Mongolian medieval community. The analogies drawn between Chinghisism as the genealogic legend about Chinghiz-khan included in the general world outlook, and Oghusism (a cycle of legends about Oghuz), and also perspective parallels with its subsequent modification (such as Edygeism) result in a conclusion about originality and at the same time about traditional character of a new ideological construction.

The analysis of certain-event history of Central Asia in XIV century, «Chinghiz-namah» allows to conclude that not only system of authority and imperious relations, but also an order of mutual relations of the supreme governor (khan) with its subjects, that it is even more important, changes of dynasties and hence formation of the new state could undergo to the transfer. It is proved to be true at the analysis of version about death of Aq-Horde khan Urus storied by Utemish Hajji. The version about death of Urus-khan during his fight with Tohtamysh and assassination of Urus by Tohtamysh's son Dzhahal ad-Din, as well as general historical conditions in which the tradition developed – absence of the centralized authority of khan, despite its perfunctory recognition; separatism of tribes; absence of sufficient compulsory functions on the part of khan; withdrawal of «dissatisfied» tribes led by beks as one of the forms of protest against the governor – testify for steady traditions emerged in nomads perception of their relations with authorities. Such fact finds analogies also in subsequent development of events among nomad tribes of Central Asia, which had its historical apogee in withdrawal of Djanibek and Girey along with subject tribes from khan Abu-l-Hair, and subsequent creation of their own state [1].

The legislations of khans Qasym (Qasym's Clear right), Haqq-Nazar (Aq zhol), Esim (Eski zholy), Tauke-khan (Zheti Zhargy) – all based on Chinghiz-khan's Yasa – were directed towards strengthening of internal foundations of the nomadic society and development of statehood.

The statehood of Turkic nomads was characterized by presence of traditional ways of management and military-administrative system of historical predecessors of Chingizids' empire.

In political life of the countries conquered by Mongols, the state idea, according to which only Chinghisid could act as khan, i.e. Chinghisids' right to rule, has rather soon and strongly be adopted. In this respect it is rather indicative that even in XIX century in Central Asia and Kazakhstan an origin from Chinghiz-khan and title of sultan had the same value as an origin from prophet Muhammad and rank of sayyid.

It is reasonably interesting to note that ancient Mongolian custom of election of the new khan was kept approximately in the same form among Kazakhs and Uzbeks of Central Asia up to the end XIX century. When the candidate for a throne received the consent of the majority of sultans and nobles to reign, the most influential persons of the state out of sultans and biys proclaimed him as being set on «thin white felt» and three times raised this felt saying «Khan, khan, khan!». This tradition was revived, for example, in modern Turkmenistan.

As a bright expression of understanding of affiliation with the unique ethnic culture and the original concept of ethnic identity of Turkic peoples appears the idea of «Birtutas Turki Eli» (Unique Turkic State), which was initiated as far back as during the period of appeals to unification under a blue banner of Turks-commanders and rulers – Kutlug, Bil'ge-kagan, Kjul'-tegin, Ton'jukuk, later continued by thinkers Balasaguni, Jasavi, Kashgari, Nava'i and by the revived national intellectuals in the beginning of XX century.

The tribal genealogies keep very important place in oral historical tradition of Central Asian nomads. Well, the tribal genealogies into these groups: 1) that coming out of Muslim nasab-namahs (It traces ancestors of the Central Asian nomads up to the Muslim saints-early missionaries of the Islamic religion). 2) that coming out the conception of «Alti-Alash» («Six Alashes»). According to this genealogy Central Asian Turkic peoples are offsprings of Alti-Alash). 3) That connected with the legend «Oghuz-namah» (According to this genealogy Central Asian Turkic People come from Oghuz, the descendent of Yafith, the son of the Prophet Noah (Nuh). 4) that coming out of Mayqi-Biy (According to this genealogy Mayqi Biy was the ancestor of the three juzs of Qazaqs).

The fact that the various genealogies have been existed in Central Asian People itself shows that there has been a very rich oral historical tradition. While various genealogies were not always correspond with each other. Down to the time of Russian domination, Inner Asia had been turned to be important part of Islamic World. The above mentioned first genealogy was the production of historical process of Islamization. By this genealogy the Islamic forces wanted to compose the Central Asia into unique Islamic World. But not all the Central Asian Turkic People accepted the conception of this genealogy. The Turkic nomads didn't follow this kind of historical

interpretation especially. By accepting the Islamic culture, they also kept their own traditional historical conceptions. For example, Central Asian Turkic genealogies trace their lines to the native legendary heroes, not to the Islamic ones.

So did the situation after the Mongol invasion. The tradition of sacralizing of the power among Central Asian nomads did not convert into the Islamic model. They sacralized the Chingizids, instead of any Muhammadans, as bearers of the political power. Such a Kazakh saying preserved even today that «Jer toebesiz bolmas, el toeresiz bomas», that means «There is no land without hill, and no people can be without toere» (the Chingizids).

If the tradition of sacralizing of the Chingizids as a measure to unify the people politically, the tradition of passing on the tribal genealogy «shejire» and the heroic epos played very important role to keep the nomadic social identity. By this oral historical tradition the nomadic society formed out its social structure and the etiquette in the normal life.

For the contemporary Central Asian people, it is important to realize and value their own tradition, in which the oral historiographic tradition belongs to, because only after understanding their past more objectively and thoroughly they can build their future respectively. From this point of view Kazakstan is trying to make out its national idea. One of these grand programs is to reveal the value of the Kazakh people's oral historical tradition.

The aforesaid allows us to draw up the following conclusions:

1. Central Asian Turkic nomads have their own ancient historiography tradition, which we conditionally call the «steppe oral historiography».

2. The steppe oral historiography played an important role to unify the Central Asian people politically and socially.

3. By studying the steppe oral historiography we can understand the historical processes in Central Asia more objectively and thoroughly.

4. One of the basic functions of a steppe historiography was sacralization authorities of this or that dynasty. Oghusism, Chinghisism and Edigeism reflect the certain attempts in it of directions.

5. The conception of own history, which dominated in nomad society, had sometimes been reflected in various written sources that were created during various periods of history in the neighboring historical schools. For example, letters of Abylai-khan to Zhing courtyard or the formal reports of Zhing officials, which confirm the authority of this ruler in that period and which were backed up by oral historical sources.

6. In this respect, we believe that a comparative analysis and research of oral historical traditions and historical sources of external schools of historiography can be fruitful. However, it is necessary to keep in mind that there was a special influence of traditions upon these schools.

7. The research of oral historiography reveals the power of steppe traditions in relation to the Islamic influence, which can be seen from the Chinghisid model of government in a counterbalance with Middle East Muslim tradition [5].

During studying above written monuments «Chinghiz-nama» of V. P. Judin essentially important conclusion about an opportunity of allocation special groups of

east written sources on a history of Kazakhstan was made: sources which have fixed and have informed up to us oral historical knowledge of nomads Desht-and Qypshaq. This oral historical knowledge was named «a steppe oral historiography», and then has entered into scientific use the term «steppe oral historiology».

Resources

1. Utemish-hajji. Chinghiz-namah / Facsimile, translation, transcription, textological notes, study by V. P. Yudin. Comments and index by M. Kh. Abusseitova. – Alma-Ata, 1992. – P. 19.

2. *Trepavlov V. V.* The Political Structure of Mongolian Empire in XIII century. – M., 1992. – P. 4.

3. The Spread of Islam in Kazakhstan from the Fifteenth to the Eighteenth Century // Kazakhstan Religions and Society in the History of Central Eurasia. Edited by Gian Luca Bonora, Niccoló Pianciola and Paolo Sartori. Umberto Allemandi&C. – Turin – London – Venice – New York, 2009. – P. 125–135.

4. Thousand-year sources on the history of Kazakhstan / Editorial Council: M. Kh. Abuseitova (chairman), J. Oshan, D. E. Mederova, B. D. Dyusenov, A. N. Nurmanova, G. K. Mukanova, Z. S. Tabynbaeva. – Almaty: Shygys pen Batys, 2019. – 368 p.

5. Mashkhur Zhusup Kopeev. 8, 9, 10 vol. Pavlodar, 2006–2007.

Мақалада жазбаша, ауызша, көрнекі дереккөздер мен артефактілер талданған. Ауызша тарих дәстүріне, атап айтқанда өзара жазбаша және ауызша дереккөздерге назар аударылады. Олар классификацияланып, тарихи оқиғаларға талдау жасалады. Нақты бір аймақтың ықпалы жүйеленіп берілген. Олар: әр түрлі этнос топтарын немесе жекелеген өкілдері қоныстандыру; біріңғай саяси формацияларға өту; қолөнер мен өнер туындыларын айырбастау және сауда жасау; материалдық мәдениет саласындағы өзара ықпал; рухани мәдениет пен дін саласындағы ықпал.

В статье представлен анализ письменных, устных, визуальных источников и артефактов по истории и культуре Великой степи. Основное внимание уделяется устной исторической традиции, внутренним письменным и устным источникам, дается их классификация и анализ исторических событий, которые в таком систематизированном виде впервые приводятся во взаимодействии и взаимовлиянии. Освещаются проблемы переселения отдельных представителей или групп различных этносов, вхождения в одни и те же политические образования, обмена и торговли ремесленными изделиями, произведениями искусства, взаимного влияния в области материальной и духовной культуры.

ВОЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ КАЗАХОВ С ПОГРАНИЧНЫМИ ВЛАСТЯМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РАЙОНЕ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ (СЕРЕДИНА 1750-х гг.)

В середине XVIII века заметно осложнилась ситуация в районе Среднего Прииртышья, связанная, во-первых, с нехваткой пастбищных угодий из-за запретов казахам перекочевывать на правый берег Иртыша, во-вторых, с усилением набегов джунгар на северные и северо-восточные кочевья степняков. Казахи Среднего жуза оказались в очень сложной ситуации, которая усугубилась тем, что в 1752 году население лишилось большого земельного массива из-за переноса Староишимской линии вглубь кочевий Среднего жуза и создания Новоишимской линии [1].

В 1754–1755 годах Абылай и Султанмамбет, имея значительную земельную тесноту из-за натиска джунгар, стали самовольно массами переселять своих подвластных людей на правобережье Иртыша, используя восстание башкир. Это были последние попытки силового решения проблемы возвращения казахов на свои исконные правобережные земли Иртыша [2]. Об этом свидетельствует рапорт командующего в Коряковском форпосте капитана фон Траунберха командующему в Ямышевской крепости полковнику К. Е. Дебонгу от 28 ноября 1754 года о приезде 60 вооруженных казахов ведомства Султанмамбет султана с требованием освободить захваченного около форпоста сына казахского батыра Кулеке. В этом рапорте было написано: «Сего ноября 28 дня в 4-м часу дни к фарпосту Коряковскому приехало киргис-кайсаков, по примеру, человек с шездесят конные военную рукою с ружьем, а иные с копьями и луками, и, недоехав до одного фарпосту сажен за сто, остановились. Из них десять человек приехало к надолбам, и просили толмача. Почему тогда из бывших здесь барабинцов один для толмачества был приведен. Чрез которого я их спрашивал: какия они люди и для чего приехали? На что они с великою суровостию мне объявили, что мы-де киргис-кайсаки ведомства Аблайсалтана старшины брата ево Султанмамета и из них, приезжих, старшина Бабален Изыналов, и спрашивали – что-де вы желаете войну с нами иметь или мир, и для чего вчерашнаго числа увезли ис табуна одного киргисца, за которого-де объявленной старшина Султанмамбет, якоб весьма сердит, и велел-де вам объявить: «Для чего-де без ведома ево взяли?» [3, лл. 253–254].

Российская сторона открыто заявила, что тот казах был схвачен из-за того, что на правом берегу оказался казахский скот с этим табунщиком. Арестант сидел в Ямышевской крепости. Им было обещано, что скоро этого табунщика отпустят. И здесь делегация от Султанмамета султана объявила основную причину перегона лошадей: «На что они объявили, что нам-де своих лошадей пасти за рекою Иртышем негде и корму нет, и их затем-ста не морим» [3, лл. 253–254]. Россияне перечислили все обиды, которые чинили казахи на правом берегу Иртыша, в том числе и нападения на барабинцев, принявших российское подданство.

Казахская сторона стала оправдываться, что воры не из их улусов и пленных барабинцев у них нет. Более того, обязались вернуть пленных в случае, если кто-нибудь из представителей россиян поедет с ними искать их. Кроме того, просили заменить казаха-заключенного на более здорового, поскольку арестант был сильно болен. Российская сторона строго предупредила казахских представителей о необходимости прекращения перекочевок и о наказании в случае ослушания: «А притом им чрез того толмача паки от меня объявлено, чтоб они всемерно своего скота на здешнюю не перегоняли. А ежели впредь будут перегонять, то-де уже будут тогда посланы сильные команды, и того скота велено будет ловить». Казахская сторона не унималась, ссылаясь на то, что лошади на правом берегу за Ямышевым и Железинской крепостью уже пасутся [3, лл. 253–254].

Далее ситуация осложнилась. Началась массовая перекочевка на правый берег Иртыша вооруженных казахов с конскими табунами. Начались стычки с военными. Со стороны Султанмамета поступили серьезные угрозы в адрес пограничных начальников. Было ограблено несколько крестьян около Песчаной станицы, приехавших для обычных торгов. Создалась серьезная и взрывоопасная ситуация, когда имеющимися силами уже было невозможно разрядить накалившуюся ситуацию. Это было видно из донесения бригадиров И. Крафта и Я. Павлуцкого от 18 декабря 1754 года: «Прислал пойманных посланными от него, полковника Дебонга, и от него, капитана фон Траунберха, для згону киргисских табунов командами киргис-кайсаков дватцать три человека... к фарпосту Коряковскому вооруженною рукою с турками, с копьями и луками приезжали киргисцы (а о числе их значит в подлинном репорте) и просили пойманного теми командами и их улусов их человека... посланной-де из Черноярского станцу с письмами с одним драгуном и казаком драгун же Михайлов репортовал ево, капитана – не доезжая-де до Коряковского фарпосту верст шесть наехало на них встречу киргис-кайсаков человек шездесят» [3, л. 262 об.].

Не успокоились казахи и даже после слов-уговоров, «что-де вы называетесь подданными, а так угрожаете. И ежели-де такие шалости чинить будите, то поступлено будет с вами по военным регулам. Також, ежели впредь табуны будут на сю сторону перегонять, то те табуны отгонять велено будет все» [3, л. 262 об.].

И здесь пограничные начальники выявили одну из причин, по которым казахи пытались пройти на правый берег Иртыша: они пытались спасти скот и семьи от нашествия джунгар. Кстати, на Новоишимской линии в это время Абылай получил такой же отказ на просьбу переправить своих людей и скот от наседавших джунгар, что видно из данной переписки: «Напрасно затевают, закрывая себя в нашей стороне от калмык (джунгар – авт.), с которыми они несогласия имеют» [3, л. 270].

Со стороны казахов понеслись угрозы, причиной которых была и джунгарская экспансия, из-за которой можно было потерять людей и скот: «Ис тех же киргисцов из-за реки Иртыша ззади и из боков наехали человек до сорока, и всех стало быть до ста с ружьями, и спрашивали у него, ибо он их языку знает – для чего русские киргисцов увозят. И он объявил – не знает, ибо он не той крепости. А между тем кидались ис тех киргисцов два человека с саблями и несколько с копьями и колотьем пример чинили и говорили, ежели-де вы впредь будете ловить и увозить,

то и они будут хватать и увозить, да и не дадут ис крепости за водою выгты, и будут брать к себе» [3, л. 273].

Основным зачинщиком конфликта был Султанмамет султан, который выражал интересы своих подвластных людей, оставшихся под угрозой джунгарского нападения, которые также не имели достаточно пастбищ для своего многочисленного скота и сил для обороны от наседавшего врага: «И притом старшина Салтамамет, яко-де по известиям брат родной Аблаю-салтану, говорил: ежели-де впредь их табуны будут перегонять, то-де они ис крепостей людей никого не выпустят, и сена все огнем пожгут, и воды-де из Иртыша не дадут» [3, л. 273]. Султанмамета можно было понять: он сам был крупнейшим скотовладельцем. По самым скромным подсчетам, он имел не менее 20 тысяч голов одних только лошадей. Крупными скотовладельцами были и 18 его сыновей, а также многие другие султаны, батыры и старшины.

В районе Черноярской станицы случился вооруженный конфликт, закончившийся кровопролитием: «И при следовании к Черноярской станице верстах в десяти напали на него с командою киргис-кайсаков человек до семидесяти или более с укрючинами, при которых были ружья, копья и луки. И в то ж время ударили драгуна и казака по головам и прошибли до крови, и казачьего капрала по руке, и вышибли у них из рук ружья. Почему-де, видя такое их против ево команды многолюдство и драку, дабы команду свою в азарт не вдать, для страха приказал выпалить из трех ружей, и выпалили. Которые прочь и поскакали» [3, л. 273].

Преследуемые джунгарами и движимые бескормицей казахи массами устремились на правобережье Иртыша. А сил у военных из крепостей отгонять их обратно в степь не было: «Со здешней стороны реки Иртыша табуны згоняемы были. Точию-де никак невозможно согнать, ибо-де оных расположилось по всей Иртышской линии весьма довольное число, как по степи, так и к бору... Да усмотрено ж им, что весьма довольное число и в бор идут с кошом своим и со скотом. Да ныне-де еще довольное число из-за реки Иртыша киргисского войска идут на здешнюю российскую сторону. А протчие идут з баталии от калмык» [3, л. 273 об.].

Для того чтобы остановить массовое переселение и конфликты с барабинцами и крестьянами, российским военным было предписано выполнять ряд шагов: «... Для чего в близости кочующим посылать к их старшинам пристойные при добрых и надежных обер-афицерах или урядниках с объявлением словесным и письменным, чтоб они отошли далее в степную сторону и табуны отогнали, и впредь бы не приходили, команду... И во время той посылки к ним команды никакой им обиды и озлобления для избежания от их владельца впредь претензии не чинить, но поступать с ними с пристойною ласкою, о чем командующим при том накрепко о всем подтверждать под штрафом...Буде ж они того не послушают и на то взирать не будут, и паки оказывать станут свои самовольства и противные поступки в перегоне лошадей и скота, или и находить будут на крепости и фарпосты вооруженною рукою, в таком случае, во-первых, потому ж им объявлять словесно з довольными резоны на основании указов с ласкою, чтоб то чинить удержались, ибо им от здешней стороны по их прозьбам, в чем касаетца, удовольствие следует и обиды ни от кого никакой не произходит; ежели ж по многим к ним приятным

оказаниям не удержатца и в том же злобстве усиленно упорствовать и наступать станут, то уже с ними поступать, яко с неприятельми по силе указов без упущения и отпор чинить. Но токмо во первых с нашей стороны вооруженною рукою на их не нападать и не зачинать, смотря их обращения» [3, л. 274 об.].

В своем рапорте командующий в Ямышевской крепости полковник К. Е. Дебонг сообщал командующему войсками на Сибирских линиях бригадиру И. Крафту 3 декабря 1754 года о том, что со стороны Султанмаммет султана были высказаны даже угрозы об объявлении войны. Видимо, ситуация для казахов была безвыходная: с одной стороны наседали наступающие джунгары, с другой стороны – скот оставался без корма [3, лл. 285–286 об.].

Когда силовая акция не помогла, Султанмаммет султан перешел к мирным способам решения проблемы, которые помогли ему на время разрешить военный конфликт. Он взялся убеждать руководство Сибирских линий и руководство военных крепостей. Это видно из письма от 31 декабря 1754 года Султанмаммет султана И. Крафту, в котором он писал о непричастности его казахов к ограблению барабинцев, а также вышел с просьбой разрешить перекочевку его табунов на правобережье Иртыша [3, л. 373].

В будущем во избежание перехода казахов на правый берег Иртыша российской стороне было предписано усиливать команды в период начала зимних перекочевок и «сбивать их силой» [4, с. 45].

В связи с имевшими место вооруженными столкновениями, 31 января 1755 года вышел указ из Военной коллегии, подписанный императрицей Елизаветой Петровной и адресованный оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву, о недопущении казахов на правый берег Иртыша и о высылке их с правобережной стороны на степную сторону: «О приумножении на Иртышскую линию для пресечения вышеписанных киргис-кайсацких наглых неприятельских поступков, и наилутчей предосторожности команд, и о не допущении их, и другаго степнаго народа, також скота и лошадей, на здешнюю, и о ссылке их з жилой на степную сторону, и в прочем, поступать ныне по вышеобъявленному учиненному брегадирами Крофтом и Павлуцким определению. И при том стоящим на фарпостах командирам накрепчайше подтвердить, и велеть в недопущении помянутых киргис-кайсаков до фарпостов, и, дабы от них никакого людям вреда учинитца не могло, иметь крайнее смотрение и крепкую и неослабную предосторожность, как воинския регулы и указы повелевают. И для того, по требованию оного бригадира Крофта, испытанных, по силе Правительствующаго сената указов, казаков четыреста человек, со всем нарядом и оружием, нарядить и к выступлению содержать в готовности и во всякой исправности, которым, егда он, бригадир, востребует в повеленное место велеть выступить в самой скорости. О чем и генерал-лейтенанту и Сибирскому губернатору Мятлеву, и брегадирам Крофту и Павлуцкому, и в Сибирскую губернскую канцелярию указы посланы» [5, лл. 24 об. – 25]. Опасения царских властей были реальными. К примеру, ранее имела место попытка вооруженного нападения Султанмаммета на Коряковскую крепость.

6 марта 1755 года вышел новый указ императрицы Елизаветы Петровны из Коллегии иностранных дел бригадиру И. Крафту о недопущении перекочевки

киргиз-кайсаков на правую сторону Иртыша, а также о необходимости впредь требовать ему указаний на этот счет от оренбургского губернатора И. И. Неплюева. Здесь военному присутствию Российской империи угрожал Султанмамет султан, теснимый джунгарами: «Но и после того таковые ж на здешнюю сторону Иртыша табунов перегоны, и при оных киргис-касацкие перелазы не умяляются. И согнать оных никак не возможно, ибо расположилось их по всей Иртышской линии весьма великое число. Да и еще, сверх того, много из-за реки Иртыша киргис-касацк со скотом идет на здешнюю ж сторону. В том числе и такие, которые были на сражении с калмыками, и полученных тамо пленных с собою гонят. И хотя от посланных с командами для сгону означенных киргис-касацких табунов офицеров их киргис-касацким старшинам и чинено было запрещение о не перегоне на сию сторону их табунов, но они представляют, что за рекою Иртышем табуны их от бескормицы помрут. А как ему, полковнику Дебонгу, известно, то они киргисцы те свои табуны более для закрытия от зенгорцов, с которыми у них несогласие происходит, перегоняют. А Аблай-солтанов... брат Солтан Маметь угрожал: ежели их табуны и впредь будут сгонять, то они из крепости людей никого не выпустят, и сена все огнем пожгут, и воды из Иртыша не дадут. И потому реченной полковник Дебонг требовал от вас наставления, что с таковыми прикочевавшими киргис-касаками чинить, тажкож бы команды прибавить, объявляя, что ныне по станциям и крепостям малоллюдно, почему и при обороне с киргисцами в драке поступать сумнительно» [3, лл. 29 об., 30]. Кстати, ранее на Новоишимской линии Абылай получил отказ на просьбу разрешить на время находиться за линией семьям и скоту казахов, отступавших от джунгар. Тогда казахи получили отказ от региональных российских властей, и это послужило поводом для охлаждения отношений.

Ввиду того, что военным крепостям Иртышской линии угрожали нападениями джунгары и казахи, туда перебрасывались новые военные силы. Опасной была и Ямышевская крепость, где военному присутствию России угрожал Султанмамет султан. Поэтому сюда перебрасывалось военных сил намного больше, чем в другие военные крепости: «И расположить оную в крепостях: в Ямышевскую, яко главную состоящую в среди линии – двести, в Семипалатную, Устькаменогорскую, Железенскую и Омскую по сту человек. Которую каманду, как скоро, где уведано или усмотрено будет их киргизские и зенгорских калмык перелазы, подбеги и протчие тому подобные поступки к прекращению оногo и защищению границы употреблять. Токмо оную прибавку каманды моей из состоящих по четырем линиям пяти драгунских полков и пехотных каманд и из нерегулярных казаков увеличить, по малоллюдству по всем тем линиям, невозможно и опасно, дабы наипаче крепости и фарпосты безлюдны не остались» [3, лл. 254 об., 255].

Несмотря на силовой сгон казахов с правого берега Иртыша, ситуация повторилась летом 1755 года, когда Султанмамет и его потомки с подвластными казахами «от Ямышева, вверх до Семипалатинской крепости, из-за Иртыша реки, перешло на русскую сторону с кибитками и немалое число киргизов с кибитками и со скотом и обратно не уходят, производят воровства и вступают в бой с войсками, когда делаются попытки их удалить» [4, с. 43].

31 мая 1755 года был издан указ из Военной коллегии императрицы Елизаветы Петровны оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву о соблюдении по Сибирь-

ским пограничным местам от киргиз-кайсаков крепкой предосторожности, о согласии Коллегии на передислокацию полков и о слухах о возможном в будущем нападении киргиз-кайсаков на российские укрепленные линии. Здесь была угроза и от Султанмамета султана [3, лл. 52–57].

Тем временем один за другим появились царские указы о запрете казахам появляться на правой стороне Иртыша, и эти указы, в первую очередь, касались Султанмамета и его подданных, кочевавших от Омской до Семипалатинской крепостей. Так, 21 августа 1755 года вышел указ императрицы Елизаветы Петровны из Коллегии иностранных дел бригадире И. Крафту о недопущении по возможности перекочевки киргиз-кайсаков на правую сторону Иртыша ввиду того, что Абылай султан вместе со своим войском, совершив удачный поход на джунгар, собирается угрожать российскому военному присутствию: «О выбежавших из киргиз-казацкого плена подданных зенгорских, одном Кашкаренине, имянуемом Менлике Полотове, и другой, женке зовомой Бичиган, которые в допросех показали о походе Аблай-солтана в десяти тысячах киргисцах на зенгорцов, и о бывшем слухе от многих киргисцов, что они на будущей год и на российския жилища, також крепости и форпосты намерены нападение учинить. И оба те зенгорские пленники возжелали принять православную веру Греко-российскаго исповедания» [3, лл. 139 об., 140].

С этой целью российская сторона приняла самые необходимые меры для обеспечения безопасности своих границ, выразившиеся в подготовке дополнительных сил из числа крестьян и казаков с разных сибирских городов к возможным военным столкновениям: «По причине происшедшаго слуха о нападении киргисцов на здешние жилища для предосторожности, вы Сибирской губернской канцелярии требовали, чтоб выбранные в Сибирской губернии в нерегулярную службу из крестьян, казаки с старшинами и с их казацким снарядам и лошадьми были во всякой исправности, и по требованию полковника Дебонга в секурс, а особливо из ближних мест, яко то из Тары, Томска, Кузнецка, Енисейска и Тобольска, немедленно на Иртышскую линию отправлены были. Почему в Сибирской губернской канцелярии и определено содержать их к походу во всякой исправности и готовности и от домов никуда не отлучать, и состоящих в близости к пограничным линиям казаков в свободное время обучать военной экзерциции, а паче проворному заряду и стрельбе из ружья» [3, лл. 140 об., 141].

О том, что такие опасения имеют под собой почву, свидетельствует то, что Абылай требовал возврата беглеца-джунгара и отмены запрета на перекочевку на правую сторону Иртыша, выражая, в первую очередь, интересы Султанмамета, кочевавшего на левобережье Иртыша: «А между тем Аблай-солтан к вышепомянутому полковнику Дебонгу прислал письмо на чагатайском языке, которое при репорте вашем и сюда прислано. А тем письмом требовал он о сыску и об отдаче одного ево беглеца, и о незапрещении кочевать им по реке Иртышу» [3, л. 141 об.].

Но как покажут дальнейшие события, джунгарских беглецов Россия не выдала, так как они передали российским военным секретные сведения и сразу же изъявили желание принять христианство. В сентябре 1755 года напряженность сама собой разрешилась. Из-за природной стихии казахи откочевали от Иртыша, и

надобность отправлять дополнительные военные силы в район Ямышевской крепости отпала [3, л. 244 об.].

11 ноября 1755 года вышел из Военной коллегии указ императрицы Елизаветы Петровны оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву о переводе Олонецкого драгунского полка с Ишимской линии на Иртышскую линию, а с той на Ишимскую линию – Сибирского гарнизонного полка: «О переводе в будущую весну из состоящих на новой Ишимской линии армейских Олонецкого и Вологодского полков: одного на Иртышскую линию, которой к той линии ближе, а на место его на оную Новую линию, из находящихся на Иртышской линии, Сибирского гарнизонного полку» [3, л. 387 об.].

6 июня 1760 года в Омске состоялись встреча и разговор между командующим войсками на Сибирских линиях генерал-майором фон Веймарном и Жолбарыс султаном, родственником султана Абылая, который помимо прочего просил, чтобы Султанмамету и его подданным разрешили перейти на правобережье Иртыша, на что был получен традиционный ответ с неубедительными аргументами: «На здешней стороне кормов нет, а обыкновенно трава в осеннее время по опасности от степных пожаров выпаливаетца, чтоб иногда от нечаянного от степи пожара крепости згореть не могли, да к тому ж и во близости оных на государевых лошадей и сено на лугах поставляетца, то б и оно погореть бы не могло, или б их киргискими лошадьми потравлено не было, да и в силу указных повелений на здешнюю сторону их киргиския табуны перепускать запрещено» [6, л. 143 об.].

Этот факт также свидетельствует о том, что царизм отрицательно относился к переселению и переходам, пусть даже временным, на правый берег Иртыша. Это было продолжение прежних запретов.

Вот еще одно из многочисленных подобных писем султанов Абылая и Султанмамета командующему сибирским корпусом от 1760 года, в котором они также изъявляли желание попасть на правый берег Иртыша, пусть даже на временной основе: «При том покорно просим, как зима наступит, чтоб пожаловать на сию к российской стороне с нашей за реку Иртыш дозволение дать зимовать... И у нас между собою гораздо будет соседство и дружелюбие. А состоящие по Иртышской линии в крепостях и фарпостах командиры нас на вашу сторону не допускают зимовать, и мы на их случаем гневаемся» [6, л. 143 об.].

В последующие годы попыток самовольных переходов было чуть меньше, причем без вооруженных столкновений. Казахи стали использовать другие пути проникновения на «жилую сторону»: например, через строительство... частных домов на правом берегу Иртыша или на левобережье в зоне «десятиверстной полосы». Таким способом казахи пытались зацепиться на земле своих предков, постепенно отходившей в пользу Российской империи [7].

Почему же произошел конфликт между казахами и военными на Иртышской линии? Во-первых, Россия усилила запреты к перекочевкам казахов на внутреннюю сторону, как в районе Яика, так и Иртыша, именно в то время, когда джунгары, которые были основным соперником казахов, переживали агонию. Во-вторых, в 1752 году Российская империя аннексировала огромную территорию на севере Среднего жуза, где была создана Новоишимская линия. Без согласования с ка-

захской стороной, в частности с султанами Абылаем и Султанмаметом, Староишимская линия в одностороннем порядке была перенесена вглубь казахской территории. Степняки потеряли около 75 тысяч квадратных километров земли. В-третьих, в 1754 году началось очередное башкирское восстание: часть казахов, в том числе и небольшие группы казахов Среднего жуза, были вынуждены откочевать с районов башкирских кантонов. В-четвертых, лето выдалось жарким, и трава на правобережье практически полностью выгорела. Нависла угроза джута и массовой гибели скота. Сократились пастбищные угодья, стала остро ощущаться нехватка в них. Чтобы не погубить свой многочисленный скот, часть казахов Среднего жуза ринулась на правобережье Иртыша, где встретила неожиданное и упорное сопротивление усиленного гарнизона крепостей. Нашелся и повод для военного столкновения [8, с. 80].

Эту военную активность казахов под руководством Султанмамета и Абылая Коллегия иностранных дел Российской империи в заявлении от 23 октября 1755 года объясняла тем, что казахи, уничтожив джунгар, взяли за Россию, которая, кстати, к этому времени забрала у казахов огромный Новоишимский район: «Средняя орда, победив зюнгаров, производила тирантства и забрав в плен многие тысячи зюнгаров, стала высокомерна в своих сношениях с русскими» [4, с. 48]. Сложную ситуацию после разгрома джунгар на границе передавала Военная коллегия от 17 декабря 1756 года: «Средняя Орда отразила с победою нападение монгольских (джунгарских – авт.) войск и потому возникла опасность для русских крепостей и форпостов от нападения киргизов» [4, с. 52].

Эти события хорошо описал известный исследователь нового времени А. Добросмыслов: «Скажем еще несколько слов о самовольных переходах киргиз Средней орды в наши пределы. Киргизы этой орды во главе султаном Аблаем, как нам уже известно, во время башкирского бунта были заняты набегами на зюнгар и своими успехами так увлеклись, что в зиму 1754–1755 годов стали переходить по реке Иртышу на русскую сторону, под предлогом неимения корма на их стороне. Офицерам, посланным для удаления киргиз, они оказали сопротивление, избили драгун и угрожали не выпускать людей из крепости, сжечь сено и не давать воды из Иртыша. Вследствие этого была учреждена команда в 400 человек, которая должна была быть «во всегдашней готовности к выступлению против киргизов». Несмотря на это, киргизы все-таки переходили в большом числе со скотом на русскую сторону реки Иртыша. Командирам, посылавшимся для удаления их, киргизы опять оказали сопротивление. Так, сын батыра Куляка с товарищами вступил в драку с казаками и драгунами, при чем последним были нанесены побои «с проломанием многих голов и изувечением». Но, когда командою была открыта пальба, киргизы удалились за Иртыш. В других местах линии осталось киргиз еще несколько тысяч, и согнать их оказалось делом нелегким. Вскоре, однако, удалось задержать на линии сына батыра Куляка, который по распоряжению Неплюева был наказан, и киргизы удалились на свою сторону. А во избежание «их перелазов» на будущее время, предписано было Неплюеву, как хорошо знакомому с такого рода делами, ко времени обычной их ежегодной подкочевки в осеннее время к русской границе усиливать гарнизоны в пограничных крепостях и форпостах, и в случае

попыток киргизов к переходу на русскую сторону сбивать их силою, а бригадиру Крафту, находившемуся в Тобольске, отправиться на линию к своим полкам и поступать по наставлениям Неплюева, который даст распределение войск и сделает все необходимые распоряжения к охранению границы от вторжения киргизских орд» [9, с. 123–124].

Об этом военном конфликте пишет и известный исследователь истории Казахстана, видный деятель алашского движения Кошке Кеменгеров в своей книге «Қазақ тарихынан», изданной в Москве в 1924 году: «В 1755 году Кулеке батыр, переправившись на правый берег Иртыша, вступил в драку с русскими казаками. Среди них были те, кому были разбиты головы, выколоты глаза. Коллегия поручила казахским старейшинам разобраться в этом конфликте. Этот факт свидетельствует о том, что правительство испугалось казахов и не смогло их обуздать» [10, с. 27].

Жизнь всегда кипела на Иртышской линии. В последующие годы подобных столкновений почти не было. Обеим сторонам нужно было спокойствие, хотя изредка случались небольшие конфликты между казахами и казаками, связанные с гибелью людей. Об одном из них сообщает в своем письме Урус султан генерал-поручику И. А. Деколонгу от 7 июля 1773 года: «...приехав ко мне увакской волости старшина Серкебай батыр... у коего набрано киргизцев тысяча человек вообще, ехал с ним под крепость Ямышевскую, и просил за пять убитых киргизцев заплаты за каждого человека по 200 лошадей, по два человека в холопы, по два верблюда, по одному панцирю и по одной турке, а ежели де того дать не согласятся, то де пускай дадут живых десять человек людей русских...» [11, л. 34]. Но султаны, заинтересованные в сохранении добрососедских отношений с линейной администрацией, старались взвешенно подходить к разрешению таких конфликтов [11, л. 123].

Итак, военные конфликты 1754–1755 годов показывают, какого накала достигли взаимоотношения казахов и российских гарнизонов в условиях запрета первым переселяться на правобережье Иртыша. Казахам, подвластных Султанмамету, можно было понять: они стремились попасть на свои земли, освободившиеся от джунгар. Они были подданными Российской империи и требовали адекватного к себе отношения. Но царизм, не имея достаточно сил для контроля за мобильными и непредсказуемыми номадами, выбрал именно эту тактику, остерегаясь иметь в тылу военную силу, представляющую собой хорошо вооруженное многотысячное войско джигитов-всадников, которое действительно могло угрожать российскому военному присутствию. Это войско имело опыт военных действий против джунгар и калмыков. Тем не менее, эти события были одним из последних случаев заметного осложнения отношений в прииртышском регионе.

Попытки массовых переходов казахов на правобережье Иртыша столкнулись с открытым противодействием региональных властей. В 1755 году царское правительство запретило казахам Среднего жуза переход на правобережье Иртыша. В 1762 году казахам было предписано не приближаться к крепостям ближе 10 верст. В 1765 году генерал-поручик И. Шпрингер, командующий сибирскими линиями, распорядился об отмежевании на степной казахской стороне десятиверст-

ной полосы. Казахам было категорически запрещено появляться в пределах этой зоны. Теперь было запрещено приближаться к российским крепостям ближе 30 верст. Любые самовольные переходы казахов на правобережье Иртыша заканчивались принудительным выселением с привлечением военных сил.

Позднее обе стороны выберут тактику и стратегию мирных и добрососедских отношений, которые приведут к частичному допуску казахов на зимние кочевки, а с 1771 года – уже на регулярной основе, с выполнением ряда условий. Формирование мирных условий добрососедства с начальниками крепостей и региональным руководством, связанных с необходимостью пасти табуны лошадей в зимнее время, было выбрано Султанмаметом не случайно. Таким способом можно было спасти многочисленный скот и вернуть казахам земли на правобережье Иртыша.

Литература

1. Кабульдинов З. Е. О переносе староишимской линии вглубь кочевий Среднего жуза (1752–1755 гг.) // Отан тарихы. Отечественная история. – Алматы, 2012. – № 2 (58). – С. 47–51.

2. Кабульдинов З. Е. Султанмамет султан: государственный деятель, дипломат и батыр. – Алматы, 2018. – 304 с.

3. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 35.

4. Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. – Оренбург, 1898. – 532 с.

5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 7.

6. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56.

7. Султаны и батыры Среднего жуза. Сборник документов / Сост. Сирик В. А. – Алматы, 2018. – 560 с.

8. *Kabuldinov, Z. Sultanmamet Sultan and His Diplomacy in Relations with the Russian Regional Authorities in the Area of the Middle Irtysh Region (the 2nd Half of 18th Century) // Istoriya. – 2019. – Vol. 1 (75) – P. 79–99.*

9. Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. – Оренбург, 1900. – Вып. 15. – С. 123–124.

10. Кемеңгерұлы Қ. Қазақ тарихынан. – Астана: Л. Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, 2015.

11. ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182.

Бұл мақалада 1750 жылдардың орта тұсы шамасында Ертістің орта ағыс аумағындағы қазақтардың Ресей империясының шекаралық билігімен әскери қақтығысына қысқаша сараптама беріледі. Аталмыш кикілжің жоңғарлармен әскери қақтығыстың күшеюі салдарынан, сонымен қатар Ресей Империясының шекаралық межесі Қазақ Хандығының Солтүстігіндегі Орта жүз жайылымдық жерлеріне ішкері ентелей кіріп, Жаңаертіс (Новоишимск) әскери шебінің құрылуымен пайда болды. Ертістің сол жағалауындағы жайылым жерлерінің

тапшы болуына байланысты оң жағалауға көшуге қатаң тыйым салынуымен әскери саяси жағдай айтарлықтай шиеленісе түсті. Мақала «Архивы-2025» бағдарламасын жүзеге асыру аясында мұрағаттық құжаттар негізінде жазылды.

This article provides a brief analysis of the military clashes of the Kazakhs with the border authorities of the Russian Empire in the Middle Irtysh region as applied to the middle of the 1750s. The conflict situation arose as a result of the intensification of the military confrontation with the Jungars, the extension of the Russian border line deep into the Kazakh nomads of the Middle Zhuz (tribes association of Kazakhs) in the north of the Kazakh Khanate and the creation of the Novoishimsk military lines. The situation was noticeably aggravated by the fact that there were strict prohibitions on the migration of Kazakhs to the right bank of the Irtysh and the lack of food that took place on the left bank of the Irtysh. The article was prepared on the basis of archival materials within the framework of the «Archives – 2025» program.

Н. А. СЕРЕДА И ЕГО ТРУД О КАЗАХСКОМ ВОССТАНИИ 1869–1870 гг.

Казakhstanским историком Николай Акимович Середа (03.04.1840–07.08.1915) известен как чиновник канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, оренбургский городской голова, а также как талантливый публицист, историк-краевед, автор работы об освободительном движении казахского народа под предводительством султана Кенесары Касымова¹. Только узкому кругу специалистов-историков известны его труды, посвященные истории Пугачевского восстания, волнений государственных крестьян Приуралья, так называемых «картофельных бунтов» 1841–1843 гг., восстанию казахов Младшего жуза 1869–1870 гг.²

О жизни и деятельности Николая Акимовича Середы до недавнего времени практически ничего не было известно, и только усилиями оренбургских ученых и архивистов Ю. С. Зобова и Т. В. Судоргиной и других исследователей удалось восстановить вехи его жизненного пути³.

Отец Н. А. Середы – Аким Иванович Середа (1797–1852) происходил из дворян Кобелякского уезда Полтавской губернии, окончил 2-й кадетский корпус в Санкт-Петербурге, в 1815–1830 гг. принимал участие в войне против кавказских горцев и русско-персидской войне. В 1830 г. А. И. Середа назначается для особых поручений к оренбургскому военному губернатору графу П. П. Сухтелену, в 1832–1833 гг. – правитель его канцелярии, такую же должность он занимал и при В. А. Перовском (1837–1842 гг.), в 1842–1843 гг. временно исправлял должность начальника штаба Отдельного Оренбургского корпуса, а в 1843 г. переходит на службу в гражданское

¹ *Середа Н. А.* Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1838–1847 гг.) // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. – СПб., 1870. – № 8. – С. 541–573; № 9. – С. 61–86; 1871. – № 8. – С. 655–690.

² *Середа Н. А.* Позднейшие волнения в Оренбургском крае // Вестник Европы. – 1863. – № 4, 8; *Он же.* Пугачевский бунт // Оренбургские губернские ведомости. – 1869. – № 26, 28; *Он же.* Исетская провинция во время Пугачевского бунта и генерал-поручик Деколог // Оренбургские губернские ведомости. – 1869. – № 45, 46; *Он же.* Пугачевский бунт по запискам современника и очевидца // Вестник Европы. – 1870. – № 6. – С. 615–644.

³ *Зобов Ю. С.* Градоначальник Оренбурга и краевед Николай Акимович Середа // Вечерний Оренбург. – 1999. – 22 сентября (№ 39); *Он же.* Градоначальник Оренбурга и краевед Н. А. Середа // Помнят степи певца Украины: Мат. науч.-практ. конф., посвященной 185-й годовщине со дня рождения Т. Г. Шевченко. – Оренбург, 2000. – С. 96–102; *Он же.* Историк и исследователи Оренбургского края. Историко-биографические очерки. – Оренбург, 2007; *Судоргина Т. В.* Оренбургский городской голова – Николай Акимович Середа. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-155268.html>; Оренбург – «всем азиатским странам и землям... ключ и врата». – Оренбург, 2010. – С. 86–87.

ведомство с назначением чиновником особых поручений 5-го класса (т. е. статским советником) при министре внутренних дел. 6 декабря 1843 г. определен вятским губернатором, в декабре 1844 г. произведен в действительные статские советники. В 1851 г. А. И. Середа вновь возвращается на военную службу и назначается командующим Башкиро-Мещерякским войском с переименованием в генерал-майоры¹.

Мать, Наталья Николаевна, в девичестве Немятова, участвовала в любительских спектаклях; по некоторым данным, в 1833 г. была собеседницей А. С. Пушкина, который во время своего путешествия в г. Уральск останавливался в Оренбурге. Возможно, ей поэт посвятил строки: «...Затем, что эта Середа прелестней ангела иного».

В 1859 г. Николай Акимович окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, в службу вступил прапорщиком сначала в оренбургские линейные батальоны на должности батальонного адъютанта и казначея, затем был адъютантом начальника штаба Отдельного Оренбургского корпуса и старшим адъютантом штаба местных войск Оренбургского военного округа (в обязанности адъютанта входило руководство канцелярией). Отдав восемь лет офицерской службе, особой карьеры не сделал, дослужившись лишь до чина поручика².

Человек гуманных убеждений, большой эрудиции, имевший склонности к литературе и истории, Н. А. Середа решил перейти на гражданскую службу. 14 августа 1867 г. он был назначен кандидатом в мировые посредники по Челябинскому уезду, а 5 мая 1869 г. утвержден в должности мирового посредника 3-го участка Орского уезда и состоял в ней до 9 сентября 1875 г. Это была нелегкая, очень хлопотливая должность, связанная с разрешением многочисленных крестьянских жалоб, споров с помещиками. Должность мировых посредников была введена в период реализации крестьянской реформы 1861 г., отменившей крепостное право в России. Мировые посредники назначали и смещали сельских старост, волостных старшин, применяли к крестьянам и сельской администрации наказания за различные правонарушения (потравы посевов, порубки казенных и помещичьих лесов и т. п.). Кроме русских крестьян, в ведении Н. А. Середы находилось три башкирских волости. С марта 1870 г. по июль 1875 г. Н. А. Середа состоял сверхштатным чиновником особых поручений при оренбургском губернаторе, с оставлением при исправлении должности мирового посредника; на него возлагалось производство различных следственных дел и участие в ревизии губернских учреждений³.

В начале сентября 1875 г. в соответствии с недавно проведенной в России городской реформой в Оренбурге были проведены выборы городской Думы, которая избрала Н. А. Середу на пост городского головы (избирался сроком на четыре года).

¹ Биографические справки на вятских наместников и губернаторов (1780–1917) / Государственный архив Кировской области. – Киров, 1996. – С. 15.

² Послужной список состоящего при Министерстве внутренних дел, бывшего оренбургского городского головы коллежского асессора Николая Акимовича Середы. 18 января 1889 г. – ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 2. Д. 774. Л. 8–21.

³ Там же.

На этом посту Николай Акимович много внимания уделял развитию городского хозяйства, благоустройства, народного просвещения и здравоохранения. Его отличало, по свидетельству современников, «кротко гуманное обращение» с подчиненными, «свойственная ему от природы доброта и взыскательность к людям, по службе неисправным». Не случайно, что он прослужил на посту градоначальника три четырехлетия подряд, т. е. 12 лет.

Скандал в городской управе, не досчитавшейся в октябре 1885 г. после смерти казначея В. В. Степанова 4174 рублей 44 копеек общественных денег, получил развязку в 1887 г. – Правительствующий Сенат предал суду весь состав управы вместе с городским головой, признав их виновными «в преступном бездействии власти, последствием чего произошла растрата». По определению Оренбургской палаты уголовного и гражданского суда 1 сентября 1887 г. Н. А. Середа был отрешен от должности.

По ходатайству военного губернатора Тургайской области генерал-майора Я. Ф. Барабаша, Н. А. Середа, как состоящий при Министерстве внутренних дел, был откомандирован в его распоряжение и 20 октября 1888 г. назначен младшим чиновником особых поручений.

Спустя три года, 10 мая 1891 г., по выбору городского общества Н. А. Середа был избран гласным (депутатом) городской Думы, а в следующем 1892 г. вновь занял пост городского головы. Прекрасно справляясь со своими обязанностями, он в 1897 г. вновь был переизбран городским головой на новое четырехлетие. Таким образом, с некоторыми перерывами, Николай Акимович стоял во главе оренбургской городской администрации в течение более чем 20 лет.

В июле 1900 г. сослуживцы и общественность Оренбурга в торжественной обстановке отметили 60-летие со дня рождения, 30-летие избрания Н. А. Середы гласным городской Думы и 25-летие избрания на должность городского головы. В Общественном собрании состоялось чествование Николая Акимовича «обедом». Городская Дума назначила ему «в воздаяние его городской службы ежегодное пособие в сумме 1200 рублей пожизненно». Оценивая деятельность Н. А. Середы в Оренбурге, городская дума подчеркивала, что он «в продолжение всей своей службы в должности городского головы много способствовал упрочению благосостояния Оренбурга по всем отраслям городского хозяйства и украшения города».

Вплоть до преклонного возраста Н. А. Середа вел общественную работу: с декабря 1881 г. деятельно участвовал в работе Комиссии по приведению в порядок дел архива упраздненного управления оренбургского генерал-губернатора, ряд лет состоял действительным членом Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества, с 1911 по 1914 годы был действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии, состоял членом правления Попечительского общества о домах трудолюбия. Умер Н. А. Середа в Оренбурге 7 августа 1915 г.

Как было отмечено выше, Николай Акимович активно занимался литературной и историко-краеведческой деятельностью. Его публицистические статьи, заметки и обзоры на злобу дня с конца 1860-х гг. публиковались на страницах оренбургских газет «Оренбургский листок», «Оренбургские губернские ведомости», столичных

журналах «Вестник Европы», «Русская мысль», в изданиях Оренбургского статистического комитета и других. В своих работах он опирался на широкий круг различных источников, как малоизвестных архивных, так периодических изданий и доступных ему научных трудов тех лет по избранной им тематике, а также свидетельств очевидцев. Особый интерес для него представляли масштабные и яркие исторические события, как в Оренбургском крае, так и сопредельном ему Казахстане¹. Одним из таких событий, вызвавших у него огромный интерес, было выступление казахов Младшего жуза против введения Временного положения об управлении степными областями. К этой теме Н. А. Серeda впервые обратился во второй половине 1870 г., т. е. непосредственно после подавления восстания. По поручению оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского им была составлена записка «О киргизских беспорядках 1869–1870 гг.». Записка носила, по более позднему выражению самого Н. А. Середы, «казенный характер» и имела целью преуменьшение масштабов народного восстания и оправдание действий оренбургской администрации в правительственных кругах Санкт-Петербурга.

Спустя 20 лет Н. А. Серeda вновь вернулся к этой теме. В четырех номерах московского журнала «Русская мысль» в 1891–1892 гг. увидела свет последняя его объемная работа «Из истории волнений в Оренбургском крае. (Материалы для истории последнего киргизского восстания). 1869–1870 гг.» Более не стесненный рамками служебной субординации, Н. А. Серeda, исходя из личного опыта службы в качестве мирового посредника, подверг критике действия, как центральной власти, так и оренбургской администрации, ставшими одной из причин массового восстания казахов Младшего жуза в 1869–1870 гг. В своем исследовании Н. А. Серeda опирался не только на официальные документы архива оренбургского генерал-губернатора, но и привлек широкий круг письменных и устных свидетельств очевидцев происходящего, поэтому повторно публикуемая работа Н. А. Середы является ценным источником по истории последнего в XIX веке казахского восстания и до настоящего времени не утратила своего научного значения.

Публикуемые тексты воспроизводятся в соответствии с существующими правилами издания исторических документов. Пропущенные слова и окончания слов восстановлены в квадратных скобках. Имена собственные, этнонимы и географические названия даны в транскрипции оригинала. Примечания, принадлежащие Н. А. Серede, отмечены звездочками и помещены в подстрочных примечаниях. Примечания составителей по тексту и содержанию документов обозначены арабскими цифрами и приведены в подстрочнике и в конце публикации. В последнем случае арабские цифры заключены в квадратные скобки.

Составители выражают благодарность д. и. н. А. Е. Мусину (Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург) за помощь в подготовке публикации.

¹ Семенов В. Г. Выдающиеся деятели из рода Середы // Этнокультурное и религиозное многообразие Урало-Поволжского региона. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург, 2015. – С. 36.

**1870 г. – Записка сверхштатного чиновника особых поручений
при оренбургском генерал-губернаторе Н. А. Середы
«О киргизских беспорядках 1869–1870 гг.»¹**

Государь император, в постоянной истинно отеческой заботливости о благе своих верноподданных, удостоил остановить свой заботливый взор на судьбе кочевых народов, подвластных России. Мудрого преобразователя и обновителя нашего благодарного Отечества осенила мысль благоустроить на лучших началах быт киргизского народа, внедрить в его жизнь возможно больше гражданственности и поставить самый народ в более правильные отношения, как к верховной власти и государству, так и к местной администрации.

Те начала, на которых зиждились управление подвластных нам ордынцев, уже отжили свой век и требовали радикальной реформы в виду того разнообразия в системах управлений степью, которые существовали в Сибири и Оренбурге, и резкой противоположностью своей иногда служили поводом к разного рода недоразумениям. Так, управление Сибирской степью носило отпечаток административного устройства и более залогов прочности нашего влияния и власти, чем оренбургское.

Последнее, нося характер чисто пограничного управления, имело только влияние собственно на прилинейных киргизов, далее же, по мере углубления в степь, влияние наше на ордынцев становилось слабее, а племена, кочевавшие сопредельно со среднеазиатскими ханствами, были вполне чужды нашего влияния и только номинально считались в русской зависимости.

Государственные платежи, взимаемые с киргизов в генерал-губернаторствах Сибирском и Оренбургском, также не имели между собой ничего общего: так в Сибири взималась подать, или ясак, с числа голов скота, а в Оренбургском крае существовал кибиточный сбор, который находясь в полной зависимости от обстоятельств, никогда не мог быть заранее рассчитан и определен в известную цифру.

В силу изложенных обстоятельств правительство наше поручило особой комиссии под председательством статс-секретаря [1] Буткова [2] (управляющего делами Сибирского комитета) [3] выработать новое положение относительно благоустройства находящихся в нашей зависимости кочевых народов. Комиссия эта, обзрев системы управления киргизами, существовавшие в то время в Оренбурге и Сибири, пришла к заключению, что как та, так и другая из упомянутых систем имеют каждая свои хорошие и дурные стороны, и что, следовательно, отдать предпочтение той или другой из них довольно трудно, но при тождественности предметов занятий обеих администраций, разрозненность и бессвязность начал в управлении одним и тем же племенем, по мнению комиссии, не может иметь благоприятных следствий для развития гражданственности полудикого народа; не может внушить ордынцам надлежащее понятие о силе и могуществе верховной власти и соответствовать видам правительства.

¹ Записка была составлена по поручению оренбургского генерал-губернатора генерала от артиллерии Н. А. Крыжановского. См.: Письмо Н. А. Середы от 2 ноября 1870 г. – ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8321. Л. 2 и об.

Поэтому комиссия признавала рациональным заменить прежние системы управления киргизским народом радикальной реформой, которая главным образом должна была заключаться в том, чтобы управление степью сосредоточить в одних руках. Затем подвергнув критическому разбору результаты обеих систем, ввести постепенно, по возможности, одинакие начала администрации во всей Киргизской степи.

Вместо существовавшего деления на три области, Киргизскую степь комиссия признавала более должным разделить на две: Западную и Восточную киргизские степи. Центры управления сих областей предполагалось перенести в степь: Западной области – в укрепление Оренбургское или иной пункт, Восточной – в Сергиополь, Каркаралинск или иной пункт по ближайшему соображению местных обстоятельств.

Мнение этой комиссии*, согласно высочайшей воле, было передано статс-секретарем Бутковым вместе с другими вопросами по устройству степи на заключение бывшего оренбургского и самарского генерал-губернатора генерал-адъютанта Безака [4]. Последний в письме своем от 22 декабря 1864 г. за № 1975 к г-ну статс-секретарю Буткову высказал свое мнение, заключающееся в следующих главных пунктах:

а) генерал-адъютант Безак не одобрял систему управления Степью сибирских киргизов на том основании, что форма этого управления, отличаясь бюрократическим характером, не соответствовала и была чужда быту и обычаю киргизского народа; что форма эта, вводя порядок, выработанный в образованных странах, вместе с тем ввела чиновничество и русские формы судоустройства, чуждые понятиям и условиям жизни кочевников;

б) отдавая предпочтение характеру пограничного управления оренбургского пред административно-сибирским, генерал Безак признавал за лучшее дать киргизам устройство общественного управления применяясь к началам высочайше утвержденного 19 февраля 1861 г. положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, насколько это согласно с обычаями кочевого населения. При этом бывший генерал-губернатор выразил мнение, что реформа эта, последовательно вводимая в степи, начав с прилинейных киргизов, в течение 20 или 30 лет приготовит ордынцев к принятию всецело формы управления, общие для прочих сословий империи;

в) относительно перенесения центра управления Западной области из Оренбурга в степь генерал-адъютант Безак заметил, что нахождение центра управления в городе Оренбурге на самом деле не так неудобно, как это кажется с первого взгляда; во-первых, потому что в летнее время к линии прикочевывает более $\frac{2}{3}$ всех киргизов Оренбургского ведомства, которые уже свыклись с этим и не заявляли жалоб о неудобствах, предоставляемых для них местонахождением областного правления на окраине степи, потому что во время летних кочевок они всегда имели возможность заявлять о своих желаниях и просьбах областному правлению, и в большинстве случаев успевали получать удовлетворение; во-вторых, потому что степные пункты, как луч-

* Письмо статс-секретаря Буткова от 30 августа по объяснительной записке.

ший из них – Оренбургское укрепление, так и еще менее удобные – Уральское укрепление, Карабутакский форт и Эмбенский пост, не представляют никаких решительно удобств ни в физическом, ни в других отношениях для перенесения в них центра управления степью, на что потребовался бы громадный расход, который, в конце концов, все-таки не мог бы поправить условий, которые препятствуют к перенесению и устройству в одном из помянутых пунктов центрального управления степью;

г) генерал-адъютант Безак признавал полезным увеличить власть управлявшего областью до пределов власти, предоставленной губернаторам, а относительно замены кибиточного сбора каким-либо иным видом подати он высказался за оставление кибиточного сбора до тех пор, пока нельзя будет установить этот сбор с земли, так же как и в Сибири, где уже существует деление степи не только на округа, но и на волости; налог со скота взывается приблизительно и все-таки в точности не может быть определен. Указывая далее на то обстоятельство, что кибиточный сбор возрос в последнее время до 250 тыс. рублей, Александр Павлович Безак находил возможность увеличить таковой с 1 рубля 50 копеек до 2 рублей 80 копеек.

Все эти проекты и соображения впоследствии были переданы Особой комиссии под председательством действительного статского советника Гирса [5]. Комиссия эта должна была обозреть в натуре все киргизские степи, познакомиться на месте с условием жизни и обычаями кочевников, и своими практическими замечаниями восполнить тот пробел, который легко мог вкрасться в первые работы по вопросу о благоустройстве на новых началах киргизского быта и администрации степей. Когда же комиссия эта окончила обозрение степей Сибирского и Оренбургского ведомств и возвратилась в Петербург, тогда в трудах ее принял деятельное участие нынешний тургайский военный губернатор Свиты его величества генерал-майор Баллюзек [6].

В 1868 г. труды комиссии были окончены, проект нового положения удостоился высочайшего утверждения и в 21-й день октября того же года высочайше было повелено:

1) образовать из областей оренбургских и сибирских киргизов и Семипалатинской и земель Уральского и Сибирского казачьих войск четыре области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую в предположенных в проекте положения для этих областей границах;

2) разрешить главному местному начальству упомянутый проект положения вводить в действие с 1 января 1869 г. в виде опыта на два года.

Об этом высочайшем повелении министр внутренних дел сообщил оренбургскому генерал-губернатору для надлежащего исполнения.

По получении настоящего уведомления оренбургский генерал-губернатор генерал-адъютант Крыжановский [7] в предложениях господам исправлявшим должности военных губернаторов Тургайской и Уральской областей признал необходимым сделать следующее:

1) образовать в областях Тургайской уезды – Илецкий, Николаевский, Тургайский и Иргизский, и в Уральской – Уральский, Калмыковский и Гурьевский; в Эмбенский же пост и Мангышлакское приставство назначить начальствующих лиц и послать их на место для составления соображений по введению там нового положения, когда это окажется возможным;

2) для организации местных уездных и волостных управлений образовать под председательством уездных начальников для Тургайской области по числу уездов четыре комиссии, а в Уральской на первое время – только три, которым начать вводить положение, руководствуясь данными военными губернаторами инструкциями.

Уездные организационные комиссии, на которые возложено было введение положения в Тургайской области, с половины декабря 1868 г. начали свои действия, и к 1 февраля, как видно из донесений их, было уже окончательно сформировано 9 волостей. Организация этих волостей производилась при самых благоприятных условиях: киргизы охотно подчинялись новым порядкам, в должности по общественным управлениям избраны люди достойные.

Одновременно с распоряжениями по Тургайской области и в Уральской сформированы были три комиссии, которые отправились по назначению: Гурьевского уезда – 19-го, а Уральского и Калмыковского – 21-го декабря 1868 г.; что же касается до киргизов Эмбенского уезда и Мангышлакского приставства, то военный губернатор Уральской области объяснил, что таковые оставлены пока на прежнем основании и сбор повинностей с них взимались по старому порядку.

1. Начало беспорядков по введению положения

Начальник Уральской области в донесении к генерал-губернатору от 16 января 1869 г. сообщил, что председатель организационной комиссии Уральского уезда подполковник Черноморсков при направлении действий комиссии на реку Хобду (в 6-ю волость по Уральскому уезду), в ауле, расположенном при озере Карасу, неподалеку от Буранной станицы, встретил серьезное затруднение и полное невнимание народа к вновь вводимому положению.

1869 г., января 12-го бывший начальник 1-й половины 8-й киргизской дистанции бий Тасбулат Туяков, получив приказание комиссии, с муллою Хайруллою Шамаевым, управляющим приуильскими киргизами зауряд-хорунжим Лепесовым и почетными биями Кулбаем Ушаровым и Балганом Джанбаевым отправился ночью с 11-го на 12-е число этого месяца вверх по реке Хобде к зимующим там киргизам и уже приближаясь к аулу киргиза Джапара, известного влиянием своим на народ, в это время до 40 человек вооруженных преградили им дорогу и объяснили, что двух чабаров¹ с бумагами от бия Туякова они дальше не пустили, а бумагу изрубили, и что их самих и комиссию также не примут и дальше не пустят, потому что так распорядились их старики, уехавшие к киргизу Мунайтпасу Батамбекову и Айжарыку Бикбауу Тургайской области на совещание: принять ли положение или нет? Когда же посланные, не зирая на это, направлялись к аулам, то некоторые из толпы, в том числе и сын Джапара – Казаубай, окружили муллу, отъехавшего несколько вперед, угрожая ему оружием, а Казаубай кольнул пикою лошадь и намеревался мулле нанести вред, но тот удачно отклонился от удара и погнал лошадь назад, за ним направились и остальные спутники, причем шайка провожала их с версту, не переставая угрожать оружием. Во время переговоров народ не оказывал никакого уважения к словам.

¹ Т. е. гонцов, курьеров.

Из народной молвы открылось, что киргизы, оказывающие неповиновение, подстрекаются приверженцами султана есаула Хангалия Арасланова [8], коего народ желает, будто бы, избрать в управители, если просьба их об оставлении старого порядка будет принята. Главной руководящей причиной народного волнения послужили слухи о том, что будто бы через два года из киргизов будут брать в солдаты; последнее сомнение высказано было и вооруженной толпой.

Отправленные помянутым начальником 1-й половины 8-й киргизской дистанции бием Тасбулатом Туяковым киргиз табынского рода Кулнак Утяпов с другим Ирмекбаем на вершины реки Хобды для предупреждения киргизов о приезде комиссии и для передачи двух конвертов: одного – на имя местного начальника Кадрали Казыбаева, а другого – почетному бию Кулмахамбету Китарову, по возвращении оттуда объявили, что бий Китаров, в виду собранного народа до 20 человек, прочитав вслух поданную ему бумагу, изрубил ее кинжалом, после чего он и бывший с ним народ отозвались, что никаких распоряжений до возвращения стариков из Тургайской области не примут и их дальше не пустят; бывшие в мечети¹ люди все были вооружены и к доставлению другого конверта не пропустили, угрожая оружием. Из лиц, находящихся в толпе, киргиз Утяпов лично знает джилкичи-табынского рода, сармантакова отделения трех сыновей Запарбая и муллу Молвая Амандыкова.

Зауряд-хорунжий Лепесов, отправившийся по поручению комиссии с киргизом Айкузом Джапатовым в аул киргизов того же рода, кунгурова отделения Джапалыка Айдасова и китинского рода Башильды для приготовления народа к приезду комиссии, остановился у последнего в землянке, и когда объяснил цель своего приезда, то получил от киргиза этого в ответ, что его, Лепесова, принять он готов, но комиссию не пустит, что народ не соберется, и комиссия им вовсе не нужна, объяснив, что так согласились все киргизы. На обратном пути из этого аула Лепесов был окружен народом конным и пешим, который подтвердил то же самое.

Ночевать Лепесов остановился в землянке киргиза Телеубая в ауле Айдасова и около полуночи был разбужен шумом собравшихся у землянки киргизов. От хозяина Телеубая Лепесов узнал, что они хотели напасть на комиссию и убить его самого; по совету хозяина он из землянки не вышел и тем только спасся. Утром, когда уезжал Лепесов, киргизы кричали ему вслед, чтобы он не ездил к ним ни один, ни с комиссией. Из них лично Лепесову известны Аймамбет Рамазанов и Раманкул, а остальных знает бывший с ним киргиз Апечут.

Военный губернатор Уральской области, в виду столь опасно распространяющегося настроения народа и в предупреждение более серьезного волнения, рапортом от 20 января 1869 г. испрашивал разрешения генерал-губернатора собрать в станице Озерской по Новоилецкой линии сотню уральских казаков и в Буранной и Изобильной станицах сотню оренбургских, поручив командование первою опытному в степных делах подполковнику Рукину. Начальникам этих отрядов вменить в обязанность арестовывать подозрительных султанов и других лиц, и первого из них бывшего правителя Средней части Баймухамедова, семейство коего замечено

¹ Так в документе.

в изменничестве. Между тем генерал-губернатор командировал на реки Хобду и Киил полковника Баймухамедова, предложил генерал-майору Веревкину [9] не принимать пока никаких решительных мер.

Организационная комиссия по Уральской области встречала однакож все более и более затруднения в исполнении своей обязанности. Председатель организационной комиссии Гурьевского уезда капитан 1-го ранга Тверитинов [10], открыв Бланскую волость, направился в соседний с нею аул тазларцев, находящийся от устья Эмбы в пяти верстах; образовав там три аула, намеревался двинуться вверх на Тентяк-сор до Сагиза к зимующим на этом пространстве исыковцам уразова отделения, и оттуда на Эмбу к урочищу Ишень-Берды к тобыр-адаевцам разных отделений, а потом вниз по Эмбе к черкесовцам кара-кемперова отделения, но в ожидании местных старшин приостановился исполнением этого.

Когда собрались старшины, именно: исыковского рода Додсаня Аитов, тобыр-адаевского рода Магомет Исламов, Исан Урумбаев и с ними несколько биев, Тверитинов вкратце растолковал им новое положение, которым, по-видимому, они остались довольны, но при прощании адаевский старшина Исламов заявил, что в его ведомстве зазимовало до 200 кибиток адаевцев с Мангышлака, за которых он не ручается, и в то же время просил Тверитинова не приезжать к нему в аулы по недостатку помещения, а что он сам приведет Тверитинову адаевцев для разъяснения чего-либо непонятного.

21-го числа поутру приехали к Тверитинову из зимующих по Тентяку и Сагизу бии исыковского рода с просьбою введение нового положения отсрочить на семь дней. Ввиду того, что введение положения предстояло и у адаевцев, Тверитинов дал им на это разрешение.

Между тем с 3½ часа показалась недалеко от аула толпа верховых, человек в 400, вооруженных пиками, саблями и топорами. По распоряжению Тверитинова все находившиеся при нем немедленно устроили из кулей с овсом и провиантом баррикады, а с тылу закрылись лошадьми, спутав их так, чтобы они не могли двигаться. Вышедший навстречу толпе отставной казак Шамсутдинов спросил, что им надо? Толпа с криком требовала выдачи изменника их Косумбая Тавасорова*, обещаясь в противном случае всех перерезать. Тавасорова спрятали в кибитку и объявили, что он уехал в соседний аул. Затем толпа кричала, что не хотят нового положения, русских начальников и просила прежних султанов, а подать оставить старую. Все принятые увещания оставить такое безрассудство были напрасны, толпа, наконец, удалилась, а старшина Исламов, оставшийся тут от имени народа просил Тверитинова отсрочить введение положения до Уильской ярмарки. Тверитинов в этом отказал, но обещался ходатайствовать у высшего начальства, в чем по просьбе старшины дал расписку. Вслед за прочтением записки толпа с гиком бросилась и окружила маленький лагерь Тверитинова, отрезала верблюдов, и потом, спешившись, ринулась вперед, но была отражена ружейными выстрелами (под ружьем было 12 человек). При этом у них был один убит и двое ранены; у Тверитинова же проколоты пиками две лошади. После того шайка удалилась.

* Младший помощник начальника Гурьевского уезда.

Ночью трое мирных киргизов, прокравшись в стан Тверитинова, сообщили ему, что киргизы на совещании, ожидают подкрепления из ордынцев с ружьями и тогда сделают вновь нападение, а потому предложили услуги проводить Тверитинова к морю мимо их пикетов. Тверитинов, не ожидая более успеха, после совещания с бывшими с ним лицами, отправился в Гурьев, куда прибыл благополучно 23-го числа.

Потеря покраденного имущества при нападении простирается на сумму до 900 рублей. Из напавших на Гурьевскую комиссию киргизов оказались известными из тобыр-адаевцев и черкесовцев Исан Урунбаев, Бабай Айбасов, Магистау Калкин, Джуламан Тлянчин, Чанглык Джаманкулов с сыном, Космамбет Сукуров, Юсуп Саденов, Маулунов, местный начальник Мухамет Исламов, Талбай Бекбаув и Избасар.

Введение положения в Тургайской области шло более успешно и большая часть киргизов, хотя и отозвалась к новому положению с гораздо большим сочувствием, чем киргизы Уральской области, но, несмотря на это, и там отразились беспорядки, вызвавшие со стороны правительства меры к их прекращению.

Военный губернатор Тургайской области генерал-майор Баллюзек от 12 марта 1869 г., сообщая г-ну генерал-губернатору об окончательном организации Николаевского и Тургайского уездов, в Иргизском уезде двух волостей, присовокупил в отношении чиклинцев, кочующих в Барсуках и по западному берегу Аральского моря до Хивы, что введение там положения пока невозможно: во-первых, по огромности пространства, препятствовавшего собранию старшин для предварительных совещаний; и, во-вторых, вследствие невозможности проникнуть комиссии в те места по затруднительности зимних дорог и буранов, препятствовавших достижению цели.

Что же касается до Илецкого уезда, то после образования там при самых благоприятных условиях первых пяти волостей по Илеку, Уралу и Ори, комиссией, с приездом ее на вершины Илека в 28-ю дистанцию (нынешняя Актюбинская волость), с образованием там четырех аулов, встречено было затруднение по отказу народа к принятию положения под влиянием подстрекательств киргиза Саттыка Таева [11] и главных исполнителей его действий биев Идилбая, Джангабая, Сапака и Турлыбая*, а также советов на илецких киргизов со стороны хобдинцев.

При вторичном выезде Илецкой организационной комиссии в 30-ю дистанцию (по Илеку же), в бытность комиссии в ауле местного начальника Каракула, примерно в 60 верстах от Григорьевского форпоста, ею встречено было новое сопротивление.

Из представленной генерал-майором Баллюзекем копии с полученного им донесения Илецкой организационной комиссии от 12 марта 1869 г. видно, что по подстрекательству мулл Ихласа, Досана, Алемжана и Джандавлета, посылавших в последних числах февраля 1869 г. своих учеников на Хобду и Илек, присоединились к ним кроме киргизов 30-й дистанции еще из 57-й, 28-й и 29-й дистанций, и, образовав, таким образом, шайки по 600 и 700 человек, разъезжали по аулам и силою скло-

* Откочевавшие после беспорядков к Эмбе вместе с Саттыком, но после возвратившиеся на Илек. Сам же Саттык ушел к хивинским пределам.

няли на свою сторону мирных киргиз. Все меры, принятые комиссией к убеждению неповинующихся киргизов оказались безуспешны, ибо они не только не слушались никаких советов, но, ни одного из посланных комиссией лиц не допустили до Ихласа для переговоров, отозвавшись, что нового положения не примут и спокойно встретят смерть в случае вступления к ним русских отрядов.

Соображая все происходившее в то время в степи, комиссия пришла к убеждению, что вспыхнувшее в 30-й дистанции волнение необходимо подавить теперь же с помощью военного отряда не менее как из двух сотен казаков при двух орудиях. К такой решительной мере комиссия нашла необходимым прибегнуть, во-первых, потому что чрез усмирение в 30-й дистанции дела по беспорядкам в 28-й и 57-й дистанциях и вообще в степи между китинцами, алачинцами и байбактинцами Уральской области могут принять другой исход, более благоприятный; во-вторых, усмирение 30-й дистанции послужит примером для чиклинцев Уральской области, интересующихся ходом дела по введению положения, как в Тургайской, так и Уральской областях; в-третьих, отложенное усмирение 30-й дистанции может тревожно отозваться на те волости Тургайской и Уральской областей, в которых уже введено положение и откуда злонамеренные шайки угоняют скот, чтобы склонить киргизов соединиться с ними; в-четвертых, в виду прекращения воровства, усилившегося с враждебной целью, особенно со стороны китинцев, в селениях, сопредельных с Уральской областью, начиная от Буранной станицы.

Между тем смуты и беспорядки в Уральской области не приостанавливались. Калмыковская комиссия, в виде подготовительной меры по введению положения у киргизов алачинского, байбактинского и других родов, 14 марта 1869 г. послала из Карманского форпоста на урочище Тайпак предписание управляющему 2-й частью алачинского рода султану Кувангалию Урманову о высылке жоака¹ и о приготовлении кибитки для казаков, а 15-го числа отправила туда же трех почетных биев внушить киргизам необходимость и пользу принятия нового положения. Посланный на Тайпак киргиз возвратился утром 16 марта и объявил, что его не допустили до зимовки Урманова, отняли предписание, а самого избили.

Вследствие полученного слуха, комиссия того же числа с конвойной командой двинулась по направлению к Тайпаку и верстах в 12 от форпоста встретила возвращающихся трех биев, которые объяснили, что доверенные от народа передали желание переговорить с членами комиссии, но чтобы конвоя тут не было.

17-го числа комиссия отправилась на Тайпак и в верстах в двух от этого урочища встретила толпу киргизов, около 1000 человек, из коих семь, вооруженных пиками и саблями, и с ними мулла, вышедшие вперед, объявили, что не хотят принимать нового положения и просят оставить им по-прежнему управителей по назначению, и что они подождут, как примут положение адаевцы и тазовцы на Мангышлаке, а в заключение добавили, что комиссию в свои аулы не допустят. В виду таких обстоятельств комиссия, не прибегая к экзекуционным мерам, отошла к аулам прилинейных киргизов против Карманского форпоста.

¹ Т. е. проводника.

Принимая во внимание, что все меры убеждения, как в прежних случаях, так и в настоящем, вызывают со стороны толпы только большие дерзости и упорство, и что подобные примеры могут вредно подействовать на прилинейных киргизов уже организованных волостей по новому положению, начальник Уральской области генерал-майор Веревкин для наказания явных ослушников и бунтовщиков разрешил [войсковому] старшине Голованову арестовать подстрекателей и, кроме того, объявить киргизам, что не повинующиеся, если не изъявят полной покорности, лишатся своих зимовок, а затем прогнать их вглубь степи. Во всяком же случае, прежде употребления этой меры, троекратно потребовать от киргизов покорности, стараясь вызвать побольше влиятельных ордынцев для растолкования сущности нового положения.

Между тем тургайский военный губернатор в донесении от 12 марта 1869 г. объяснил, что настоящее брожение умов в степи явно обнаружило всю несостоятельность прежней системы управления и неблагонадежность султанского элемента, служившего опорой этому управлению, почему происходящие от них беспорядки требуют необходимого восстановления спокойствия и, по всей вероятности, без отправки отряда в Илецкий городок обойтись будет нельзя. С этой целью генерал-майор Баллюзек признал необходимым для твердого восстановления нашей администрации в степи и во избежание повторения беспорядков перевести управление Илецкого уезда в степь на урочище Актюбе, с назначением туда в подкрепление команды из 150 или 100 человек, которых на первую зиму разместить в нарочно устроенных для того бараках.

Ротмистр султан Сейдалин [12], которому поручено было совместно с полковником¹ Тверитиновым дознать о виновных в оказанном Гурьевской комиссией сопротивлении, между прочим, донес, что вообще по поводу вводимых преобразований из степи киргизов Гурьевского уезда доходят разнообразные слухи. По отзывам одних видно, что причиною непринятия положения служит увеличение подати против прежнего более чем вдвое, другие жаловались на невыгоду изменения управления с назначением начальников из русских и, наконец, третьи отказались принять положение до общего совещания с другими соплеменниками по прикочевании их на летние кочевки. Открытое сопротивление, оказанное комиссии адаевцами и каракемпировцами не было обдумано и преднамеренно, но сделано с целью вытребовать от нее Косумбая Тавасорова, которого они считали орудием комиссии против народа, и просить комиссию приостановиться введением положения до весенней Уильской ярмарки. Главными зачинщиками и предводителями нападения оказались тобыр-адаевец Салих Бекбау, исентемировец Аменкул Басбаев и каракемпировцы Мангетау Калкин и Танглиб Джаманкулов. При этом Сейдалин объяснил, что, судя по настоящему настроению умов в киргизском народе и тем беспорядкам, которые обнаруживаются грабежом, разбоем и убийством, кражею скота, как на линии, так и в степи, а также открытым сопротивлением организационным комиссиям, нельзя не опасаться, чтобы с открытием весны не произошло общенародного волнения.

¹ Так в документе. Согласно Табели о рангах военные чины *капитан 1-го ранга* во флоте и *полковник* в армии относились к VI классу.

В предупреждение чего ротмистр Сейдалин находил необходимым выдвинуть в степь при первой к тому возможности достаточное количество войска.

По соображении всех выше изложенных донесений, оренбургский генерал-губернатор генерал-адъютант Крыжановский положил: с открытием весны, т. е. с 1 мая 1869 г., снарядить две комиссии: одну для Тургайской области под председательством военного губернатора генерал-майора Баллюзека, а другую – для Уральской области под председательством статского советника Юрковского [13], более других знакомого с киргизами и степью. Обеим комиссиям придать достаточное военное прикрытие и обязать, разогнав все шайки и оттеснив их на Эмбу, истолковать киргизам, остающимся мирными, сущность положения. Если бы, невзирая на то, киргизы не захотели принять нового положения, то отнюдь не вводить его силой, а в крайнем случае оставлять при старом порядке, но с причислением их к уездам, с наложением новой подати усиленного размера. Но, для того, чтобы на будущее время подобные беспорядки от нелепых толков злонамеренных людей не могли повторяться и чтобы администрация в степи могла утвердиться на более прочных началах, перевести управления Илецкого уезда на урочище Актобе, а Калмыковского – на реку Уил.

Сообщив об этом до сведения г-на министра внутренних дел, генерал-губернатор упомянул, что для усмирения степи полагает необходимым принять сколь можно скорее решительные меры, на что, к сожалению, раньше 1 мая прибегнуть к ним невозможно по неимению готовых подвижных войск, а равно потому, что в скором времени начнется весеннее таяние снегов, следовательно, движение в степи делается невозможным, а потому полагал отложить всякие меры до начала лета, рискуя, конечно, что в это время могут быть производимы шайками разбои и грабежи у киргизов, принявших уже новое положение.

До начала действий означенных двух комиссий, начальник Оренбургской губернии, с донесения оренбургского уездного исправника, основанного на сообщении начальника Илецкого уезда, писал от 25 марта 1869 г., что злонамеренные киргизы сосредоточивают свои скопища по реке Илеку, в 30 верстах выше отряда Григорьевского, и производят значительные грабежи как у линейных жителей, так и у мирных киргизов, почему и представлялась необходимость усиления мер предосторожности в селениях, расположенных по Илеку, и, в особенности, малонаселенном отряде Григорьевском.

Уральский же военный губернатор 27 марта 1869 г. за № 27 с полученных им известий доносил, что бунтующиеся киргизы все более увеличиваются числом и, по-видимому, организуются в постоянные отряды, выставляют в нужных пунктах передовые посты конных и пеших киргизов, которые никого не пропускают с линии в степные аулы и на линию, захватывают не только скот у мирных киргизов и казаков, но и самих людей увозят в степь. Так, например, байбактинского рода, байтурина отделения Дустан Янкин и Умер Карагулов с шайкой в числе 12 человек захватили 13 марта двух мирных киргизов 3-го аула Суналинской волости, из числа гнавшихся за ними для отбития 8 лошадей, угнанных у них шайкой; 15 и 17 марта шайка в числе 30 человек угнала у покорных киргизов Суналинской волости 27 лошадей и одну лошадь отняла из-под сына управляющего 1-й частью байбактин-

ского рода бия Омара Казыева [14], члена организационной комиссии, которому из числа сих лошадей принадлежат 20. Так как семейство Казыева находится на озере Тузлук-куль среди враждебных киргизов, то и было предложено ему в обеспечение семейства и имущества перейти на сайковые казачьи земли.

В Карасуйской волости из аула № 10 мирные киргизы байбактинского рода, иманкулова отделения трое братьев Чикеевых и еще пять других, в числе восьми кибиток, 20 марта, отказавшись от законной власти и от платежа подати по новому положению, бросили свои зимовки и передались бунтовщикам, которые шайкой в 30 человек приезжали в аул со своими верблюдами и взяли их на урочище Азнабай. Местный бий Акбал Куванычев, узнав об этом, хотел остановить их, но вооруженная шайка, прикрывшая беглецов, нанесла Куванычеву побои и изранила его лошадь: помочь ему было некому, так как у него осталось всего 4 кибитки из 12-кибиточного аула. Возвратить беглецов с урочища Азнабай даже вооруженною рукою не было возможности, ибо местность эта была всего в четырех верстах от Тайпака, где сосредоточена значительная шайка киргизов. Бунтующие установили у себя отдельную власть в лице избранного ими в ханы или эмиры киргиза Беркения Усманова.

Ротмистр Сейдалин, в проезд свой из Гурьева, остановился в землянке, где находилась организационная комиссия, и по соглашению с войсковым старшиной Головановым послал утром 20 марта своего рассыльного Тастемира Сагирова на урочище Тайпак для приглашения трех известных ему по влиянию лиц. Посланный, вернувшись, объявил в присутствии всех членов комиссии, что из означенных лиц одного не было, а другие два отказались ехать, и затем Тастемир был приведен к Беркину Усманову (хану), от которого получил для передачи Сейдалину письмо от 21 марта за подписью лже-хана, муллы и бия. В письме говорилось, что Сейдалин может безбоязненно проезжать степь, но если хочет говорить с ними о положении, то пусть лучше и не приезжает.

По собранным Головановым сведениям, бунтующие киргизы большими шайками собрались в следующих местах: на Азнабае, Тайпаке, Уленте, Курайле, Чедырте и Анкате. Столь неблагоприятные факты, при недостатке средств принять действительные меры к подавлению восстания, поставили военного губернатора Уральской области в необходимость ограничиться приказанием войсковому старшине Голованову идти с комиссией к Калмыковской крепости через Индерскую волость для того, чтобы показать киргизам, принявшим новое положение, что их готовы защищать, по возможности, от обид бунтовщиков. Делать поход как можно не торопясь и о тех киргизах, кои ушли к бунтовщикам, объявить, что они навсегда теряют свои зимовки, которые и отдать покорным, а волостным и аульным старшинам внушить осторожность и бдительность, разрешив, где необходимо, иметь также свои посты.

После того в донесении от 3 апреля 1869 г. за № 33 начальник Уральской области сообщает более важные данные по поводу возмущения, в которых ясно выразилось полное непонимание киргизами нового положения. Сведения эти доставлены были Сейдалиным, который по приглашению лже-хана Усманова 22 марта был на урочище Кандыке, где нашел вместе с вооруженными людьми влиятельных киргизов Чемама Сютемгенева и Буркутбая Жиздыбаева, за которыми посылал прежде. Ротмистр Сейдалин беседовал с ними с 5 часов вечера до 2 ночи, разьясняя все не-

удобства сопротивления воле государя императора, после чего они обещали послать в главное место нахождения скопища за испрошением согласия на допуск комиссии без отряда, но посланный не вернулся, и бии предложили Сейдалину возвратиться на линию, сказав, что причины противодействия, о коих они толковали с ним накануне, будут изложены на бумаге и пришлются к нему в место пребывания комиссии.

Действительно, обещанное волновавших разъяснение причин неудовольствия на новые порядки ордынцев было прислано к Сейдалину в форме «всенижайшего ответа», в котором недовольные изложили самые причины своего неудовольствия. Причины эти главным образом заключались в следующем. В толках, распускаемых злонамеренными людьми, о том, будто бы правительство, изъяв киргизов из ведения муфтия, имеет намерение обратить их в православие чрез два года, что заключали ордынцы из того обстоятельства, что положение было высочайше утверждено только на два года в виде опыта; говорили также, что правительство решило ввести у киргизов рекрутство, обратить их в оседлое население и строить в степи города. Но главная причина заключалась в том, что новым положением оставались недовольны самые влиятельные люди в степном населении, лица султанского происхождения, которые с введением нового положения теряли все свои привилегии и преимущества.

К возбуждению неудовольствия султанов-правителей на новые порядки, несомненно, имело влияние то, что ни в одной из сформированных волостей народ не выбрал ни одного султана в аульные старшины и волостные управители. В не меньшей мере содействовали брожению умов и к возбуждению беспорядков фанатические киргизские муллы, во многих случаях бывшие даже предводителями шаек, и, наконец, подстрекательство хивинского хана. Эмиссары последнего в течение всей зимы, весны и части лета неустанно распространяли по степи воззвания, приглашавшие киргизов воевать с неверными русскими и платить дань не России, а Хиве, за что хан обещал поддержать восстание ордынцев присылкой сильного войска, а беднейшим из кочевников дать богатые земли в своем ханстве. Все эти неприязненные действия хивинского хана подтверждаются захваченными нами грамотами хана и приближенных к нему лиц, адресованные на имя влиятельных киргизов.

Несмотря на то, что еще до приведения в действие нового положения генерал-губернатор издал особое объявление к киргизскому народу, в котором, объяснив, что его императорское величество, заботясь о благе своих подчиненных, соизволил обратить все милостивейшее внимание на киргизский народ и даровать ему новое положение, старался в общих чертах разъяснить сущность ожидавшейся реформы, выражая надежду, что киргизы поймут и оценят милости, даруемые им новым положением, и что поведением своим отблагодарят за них своего великого государя. Но ожидания эти к несчастью не сбылись и, несмотря на всевозможные усилия достигнуть мирным путем вразумления и покорности волновавшихся родов, все меры эти остались тщетны; волнение не только не уменьшилось, но, напротив, принимало большие и большие размеры и, наконец, перешло в открытый и вооруженный мятеж, заставивший прибегнуть для подавления его к вооруженной силе.

Карая преднамеренных виновников возмущения, генерал-адъютант Крыжановский, в то же время хотел по-прежнему в отношении заблуждающихся действовать

убеждением и продолжать введение положения мирным путем. С этой целью он послал к волновавшимся киргизам влиятельнейших ордынцев для вразумления их и рассеяния ходящих в среде их ложных слухов. С этой же целью, как сказано выше, с открытием весны, т. е. с 1 мая 1869 г., генерал-губернатор командировал две комиссии: одну из Тургайской области под председательством военного губернатора той области свиты его величества генерал-майора Баллюзека, другую – для Уральской области под руководством бывшего вице-губернатора статского советника Юрковского. На комиссии эти возложено было: разогнать шайки и, оттеснив их на Эмбу, истолковать киргизам, оставшимся мирными, сущность положения, так как неприязнь их к нему главным образом объяснялась полным незнакомством ордынцев с сущностью нового положения. К ряду мер вразумления киргизов мирным путем, принятых главным начальником края и увенчавшихся самыми благоприятными последствиями, находится посылка в конце марта 1869 г. начальника Иргизского уезда Тургайской области подполковника Вогака [15] к киргизам чиклинского рода.

Начальник названного уезда отправился один в пески Большие Барсуки к чиклинцам, где был занят исключительно разъяснением нового положения прибывшему к нему значительному числу наиболее влиятельных лиц. Лица эти, убедившись вполне в пользу нового положения, своим влиянием подготовили умы степных киргизов к восприятию ожидавшей их реформы и 11 тыс. кибиток чиклинского рода, самого богатого и влиятельного не только между одноплеменниками их по Тургайской области, но и между киргизами Уральской, признали новое положение. Глава же их, известный по происшествию 1853 г., уважаемый по значению своему в народе бий Исет Кутебаров не только принял положение, но и звание второго помощника начальника Иргизского уезда. Принятие же положения влиятельным чиклинским родом в свою очередь имело самое благоприятное влияние и на киргизов иных родов, которые одни за другими с этого времени выражают готовность подчиниться новому порядку вещей и принять новое положение.

II. Действие отрядов

В то же время было приступлено к сформированию отрядов долженствовавших выступить в степь для уничтожения шаек и возведения согласно высочайшей воле укрепленных уездных пунктов в областях: в Тургайской – на урочище Актюбе и в Уральской – при реке Уил.

Тургайская область. С этой целью в Тургайскую область были командированы две сотни оренбургских казаков и одна рота стрелков в Уральское укрепление (в марте и мае) для временного усиления гарнизона и для защиты Орско-Казалинского тракта. Одна из этих сотен с 18 стрелками была послана во второй половине августа в Большие Барсуки в погоню за хищниками, угнавшими из-под Уральского укрепления до 300 лошадей, принадлежащих жителям, но, пройдя более 500 верст, отряд захватил в Барсуках только несколько подозрительных лиц и скот из аулов, в которых нашлись две лошади из похищенного табуна.

Потом обе сотни с одною ротой стрелков трехфунтовым единогодом [16] и тремя ракетными станками [17] под начальством начальника Иргизского уезда капитана Вогака были двинуты 21 сентября на Большие Барсуки для рассеяния и истребления

скрывавшихся там шаек хищников. Отряд этот не достиг ни одной из крупных шаек, которые, узнав о движении отряда, разбежались, частью к северу, спеша соединиться с мирными киргизами, частью же бросились на Усть-Урт и далее в хивинские владения. Отряд успел захватить лишь несколько непокорных аулов, удалявшихся на Усть-Урт. По возвращении отряда в Уральское укрепление 18 октября обе сотни отправлены по назначению в Туркестанский военный округ, а рота стрелков оставлена в Уральском укреплении для усиления на зиму гарнизона.

Одна сотня оренбургских казаков, двинутая из Орска 29 апреля в Уральское укрепление, была размещена с 29 мая по 1 октября по станциям Орско-Казалинского тракта для охранения его от мелких шаек грабителей и для наблюдения за почто-содержателями. Затем сотня эта была собрана в Уральское укрепление для усиления на зиму гарнизона. Кроме роты и сотни в это укрепление был послан для усиления гарнизона на зиму один взвод 8-й донской конной батарее.

1¼ сотни оренбургских казаков из сменных конных команд степных укреплений, двинутая из Орска 22 мая, находилась в форте Карабутак с 30 мая до половины сентября для временного усиления гарнизона, а потом разведена по укреплениям.

Две роты Оренбургского пешего казачьего № 4 батальона, команда Оренбургского губернского батальона (169 человек), одна сотня оренбургских казаков и 14 артиллеристов под начальством флигель-адъютанта его императорского величества полковника графа Борха [18] двинуты 5 мая из Илецкой Защиты для постройки Актюбинского укрепления. В октябре две казачьи роты возвращены на линию и распущены по домам, а остальные войска оставлены в составе гарнизона.

Две сотни оренбургских казаков и два конных орудия под начальством подполковника Круторожина были посланы 6 мая из Илецкой Защиты для очищения от шаек пространства между реками Илеком и Большой Хобдой. Но, не встретя ни одной шайки, отряд забрал только семейство и имущество бывшего султана Хангалия Арасланова (одного из главных зачинщиков мятежа) и 29 мая присоединился к актюбинскому отряду.

Засим 1¾ сотни и два конных орудия из этого отряда под начальством подполковника Круторожина сопровождали с 12 июня организационную комиссию под председательством тургайского военного губернатора генерал-майора Баллюзека на вершину реки Ори, где на съезде чиклинских биев принято новое положение всеми чиклинцами и дюрткаринцами; причем было образовано пять волостей из 11 тыс. кибиток.

После этого организационная комиссия, вернувшись в Актюбе, выступила отсюда 23 июля с одной сотней оренбургских казаков под командой штабс-ротмистра Зерницкого на реку Большую Хобду для окончательной организации Илецкого уезда. По окончании действий комиссии конвойная сотня была оставлена на реке Хобде до октября для обеспечения Тургайской области от набегов китинцев, а также для наблюдения за перекочеванием из Тургайской области в Уральскую назаровцев и чуреневцев.

В октябре обе сотни и казачий артиллерийский взвод без орудий из отряда подполковника Круторожина возвращены на линию, где сотни распущены по домам; орудия же оставлены в Актюбе с выступившими туда пешими артиллеристами.

В степи Уральской области. Две сотни оренбургских казаков и 10 артиллеристов под начальством подполковника Новокрещенова в конце февраля были двинуты из Оренбурга в Эмбенский пост для действий на нижней Эмбе против мятежных скопищ, а также для наказания мятежников, нападавших на устьях Эмбы на организационную комиссию под председательством капитана 1-го ранга Тверитинова в декабре 1868 г. На пути к Эмбенскому посту отряд отразил скопище киргизов около 700 человек. 10 июня отряд с присоединением одного трехфунтового единорога, одного ракетного станка выступил из Эмбенского поста вниз по реке Эмбе на урочище Исен-Берды. Как при движении туда, так и при возвращении в Эмбенский пост отряд рассеял все нападавшие на него скопища киргизов. Потом отряд этот участвовал в августе и сентябре в поисках в окрестностях Эмбенского поста вместе с отрядом полковника графа Комаровского. В октябре отряд возвращен на линию, где обе сотни распущены по домам.

Две сотни уральских казаков, команда Оренбургского губернского батальона в 157 человек и два пеших орудия под начальством подполковника барона фон Штемпеля двинуты 6 мая из Илецкого городка на урочище Казыбек для постройки Уильского укрепления. Но после нападения на отряд огромного скопища киргизов у озера Джамансая, он перешел с урочища Казыбек за недостатком провианта к Калмыкову 6 июня и поступил в состав отряда генерал-майора Веревкина.

Три сотни уральских казаков под начальством подполковника Рукина выступили из Уральска 19 мая для конвоирования организационной комиссии под председательством вице-губернатора Тургайской области действительного статского советника Юрковского и для очищения от шаек пространства от реки Кайтыгалты до Челкарского озера. Но по получении известий о нападении огромных шаек на отряд подполковника Штемпеля действия организационной комиссии были прекращены, а отряду подполковника Рукина приказано было сблизиться к Калмыкову на такое расстояние, чтобы войска, сосредотачиваемые в Калмыкове для действий на среднем Уиле, могли в случае надобности поддержать его. Вследствие чего отряд этот двинулся к устью Джаксыбая у озера Сасыкуль (в трех больших переходах от Калмыкова) и оставался здесь до соединения с отрядом генерал-майора Веревкина.

Одна сотня оренбургских казаков, одна сотня уральских казаков и одна рота стрелков, посаженная на казачьих лошадей, под начальством полковника графа Комаровского выступили 17 мая из станицы Буранной к Эмбенскому посту для действий против мятежных шаек в окрестностях поста. Во время движения к Эмбенскому посту 100 казаков и 50 конных стрелков под командой майора Приорова отразили нападение шайки китинцев 24 мая близ Аще-Уила. 10 июня весь отряд был на поиске на горе Мастегат против адаевских аулов, в которых забрал значительное количество скота, отразив при этом все нападения скопища. 24 июня отряд по приказанию военного губернатора Уральской области выступил из Эмбенского поста на урочище Баркин на реке Уиле для действий против скопищ. Во время движения по Уилу была рассеяна отрядом шайка киргизов от 150–200 человек.

Две сотни оренбургских казаков и два конных орудия под начальством подполковника Веревкина выступили 11 июня из станицы Буранной на урочище Казыбек

на реке Уиле для действий против мятежных шаек. Отряд этот при движении к Казыбеку имел незначительные стычки с шайками.

Уральская местная команда, одна рота стрелков и 1½ сотни уральских казаков вместе с отрядом подполковника Штемпеля, под общим начальством военного губернатора Уральской области генерал-майора Веревкина, выступили 21 июня из Калмыкова на урочище Казыбек для рассеяния мятежных скопищ и постройки Уильского укрепления. 26 июня к этому отряду присоединился отряд подполковника Рукина, а 28 июня все эти войска соединились с отрядом подполковника Веревкина на урочище Кинен, близ Казыбека.

Таким образом, на реке Уил близ урочища Казыбек были собраны значительные наши силы, и киргизские скопища, потеряв надежду напасть на какой-либо слабый наш отряд, начали, по-видимому, разбегаться в разные стороны. Чтобы окончательно удостовериться в рассеянии скопищ и повлиять на настроение духа бунтовщиков, генерал-майор Веревкин двинул отряд подполковника Веревкина с урочища Кинен вверх по реке Уилу с приказанием уничтожить на пути всякую шайку и преследовать мятежников как можно решительнее. Подполковника же Рукина с двумя сотнями двинул вниз по реке Уилу для наказания в песках Тайсуйган аулов черкесова и тазова родов, как главных участников во всех скопищах, нападавших на наши отряды. Подполковник Веревкин при движении от урочища Кинена в Илецкую Защиту не встретил на пути ни одной шайки. Подполковник же Рукин рассеял в песках сильную шайку мятежников и отобрал у них довольно значительное количество скота.

Между тем генерал-майор Веревкин, не найдя удобного места для укрепления на урочище Казыбек, перешел со всем своим отрядом, включая и отряд Рукина, с урочища Кинен на урочище Баркин 3 июля, где избрал место для постройки Уильского укрепления при овраге Сагизсай. Сюда же 5 июля прибыл из Эмбенского поста отряд полковника графа Комаровского, который 9 июля выступил обратно в Эмбенский пост, не встретя на пути туда ни одной шайки.

Начиная с 3 июля к генерал-майору Веревкину стали являться киргизы разных бунтовавших родов с изъявлением полной покорности и с желанием принять новое положение. К 7 июля такие заявления были получены более чем от 8 тыс. кибиток, а к 20 июля – более чем от 20 тыс. кибиток, и вообще сделалось очевидным, что вооруженное восстание в этой части степи подавлено окончательно.

Такое быстрое усмирение бунтующих киргизов главным образом надобно отнести к концентрическому направлению наших отрядов с разных сторон к среднему течению реки Уила, к важнейшему в степи пункту по расположению киргизских кочевков и по сбору на нем киргизских скопищ, а именно: отряда генерал-майора Веревкина из Калмыкова, отряда подполковника Веревкина из станицы Буранной и отряда полковника графа Комаровского от Эмбенского поста.

Отряд подполковника Рукина (три сотни) 16 июля был двинут в урочище Баркин, сначала к устью реки Аще-Уила, а потом между реками Уилом и Сагизом, чрез пески Тайсуйган к линии для действий против китинцев, из которых часть еще не изъявляла тогда покорности, а также для очищения той местности, удобной для

укрывательства шаек. Но с первых же переходов отряд был встречен китинцами самым дружелюбным образом. Одна сотня из этого отряда возвращена в августе во вновь строящееся Уильское укрепление и оставлена там для усиления на зиму гарнизона.

В августе отправлены с урочища Баркин на линию 2½ сотни казаков и одна рота стрелков, из них одна сотня распущена по домам, а в Уильском укреплении оставлены две сотни казаков, Уральская местная команда, команда Оренбургского губернского батальона (157 человек) и 14 артиллеристов при двух орудиях. Сюда же 20 октября прибыл для усиления гарнизона на зиму взвод 8-й донской конной батареи.

3 октября выслана была из Уильского укрепления одна сотня казаков на реку Сагиз в погоню за хищниками, угнавшими 21 лошадь, принадлежащую ездовым артиллерийского взвода. Сотня эта успела только нагнать и забрать довольно значительное количество скота, награбленного хищниками.

Отряд подполковника Веревкина, по возвращении с урочища Кинен на линию и по возобновлении запасов продовольствия, выступил 20 июля из Илецкой Защиты к верховьям реки Бабатая для действий против собравшегося там скопища китинцев. Во время этого движения отряд рассеял скопище китинцев близ реки Ку-Агач 24 июля и забрал значительное количество скота. На обратном пути с реки Бабатая отряд не встретил уже ни одной шайки и 4 августа возвратился на линию. Обе сотни этого отряда, по сопровождении транспорта в Уильское укрепление и по возвращении на линию, отправлены 23 октября по назначению на службу в Туркестанский военный округ.

Отряд полковника графа Комаровского, по возвращении с урочища Баркин к Эмбенскому посту, 25 июля был на поиске на реке Аты-Джаксы против аулов байулинцев, алачинцев и исыковцев, отделившихся под предводительством так называемого эмира Беркены Сарымова от аулов своих родов, изъявивших покорность. Причем разорено до 100 кибиток и отражены все нападения мятежников.

24 августа отряд этот вместе с отрядом подполковника Новокрещенова забрал на реке Акджарлы-Букумбае аул из 30 кибиток, занимавшийся грабежами и принадлежащий байбактинцам, такинцам и чумичли-табынцам разных отделений.

8 сентября был послан на Усть-Урт летучий отряд из 300 казаков из отрядов полковника графа Комаровского и подполковника Новокрещенова с одним ракетным станком, под командой майора Приорова, в погоню за хищниками, угнавшими лошадей, принадлежащих уральской сотне, находящейся в гарнизоне Эмбенского поста. 9 сентября близ родника Ащебулака отряд забрал скот в китинских аулах, в которых нашлось свежее лошадиное мясо и только что снятые лошадиные шкуры, на которых места тавров были уничтожены. У ачибековцев, сидевших вместе с китинцами, взято было два киргиза аманатами, с тем чтобы они немедленно кочевали за отрядом к Эмбе, так как они уверяли, что до сих пор не шли к Эмбе только из страха сыновей Дауда, сидевших на Усть-Урте у Архар-Тулубня.

14 октября обе сотни из отряда полковника графа Комаровского с одним ракетным станком были двинуты от Эмбенского поста к урочищу Ходжикуль в Больших Барсуках для открытия разъездов между Эмбенским постом и Уральским укрепле-

нием. С урочища Ходжикуль оренбургская сотня направлена в Уральское укрепление, откуда 21 ноября отправлена на линию и распущена по домам, а уральская сотня с одним ракетным станком возвращена в Эмбенский пост и оставлена здесь для усиления на зиму гарнизона.

Открытые разезды между Эмбенским постом и Уральским укреплением были прекращены за недостатком подножных кормов, наступающей ненастной погодой и по случаю очищения Барсуков от шаек отрядом начальника Иргизского уезда. Рота 3-го стрелкового батальона, бывшая в отряде полковника Комаровского, в октябре возвращена в Оренбург.

Для усиления гарнизона Эмбенского поста на зиму, кроме помянутой одной сотни, туда посланы в октябре одна рота 18-го стрелкового батальона и один взвод донской 8-й конной батарее.

Кроме вышеисчисленных отрядов в степь Уральской области, а именно: в Уральский, Калмыковский и Гурьевский уезды были посланы конвойные отряды с организационными комиссиями под председательством уездных начальников для окончательной организации уездов и для проверки порядка управлений в организованных уже волостях. Так, с начальником Уральского уезда из Уральска 1 октября одна сотня уральских казаков и взвод 8-й донской батарее. По прибытии в Уильское укрепление артиллерийский взвод оставлен там для усиления на зиму гарнизона, как сказано выше, а сотня в ноябре возвращена на линию, где $\frac{1}{2}$ сотни распущена по домам. С начальником Калмыковского уезда послана из Калмыкова сотня уральских казаков 1 октября, которая возвращена на линию 14 ноября. С помощником начальника Гурьевского уезда отправлены из Гурьева 108 пеших казаков и 80 стрелков 17 января 1870 г., которые возвращены в Гурьев 19 февраля.

Независимо всех поименованных передвижений, в ноябре была произведена рекогносцировка устьев реки Эмбы с целью избрания там пункта под укрепление на основании высочайшего его императорского величества соизволения, сообщенного начальником Главного штаба от 7 сентября 1869 г. № 288. Рекогносцировочный отряд состоял из 107 пеших казаков и 50 стрелков под начальством начальника Гурьевского уезда капитана 1-го ранга Тверитинова. Из всех осмотренных мест на устьях Эмбы Тверитинов нашел, что местность на урочище Бийбек-Тюбек единственная пригодная для укрепления, но что вообще характер почвы на устьях Эмбы однообразен и имеет общее свойство равнинной стороны, покрытой новейшими наносами. Но дабы не рисковать здоровьем гарнизона в низменных устьях реки, окончательный выбор места там под укрепление отложен был до 1870 г., с тем, чтобы высланный туда на лето отряд был бы в состоянии ближе и лучше ознакомиться с местными условиями страны.

III. Деятельность комиссий

Между тем командированные в степь комиссии продолжали свое дело умиротворения степи мирным путем. Правда, комиссия, высланная из Уральска, под председательством статского советника Юрковского почти не имела никакого успеха, но зато тургайский военный губернатор, при объезде вверенной ему области, личными

вразумлениями и внушениями с успехом успел ввести положение почти по всей области совершенно спокойно, без разорения киргизов и без выстрела, так что новое положение везде вступило в свою силу: должностные лица были избраны народом и на месте же утверждены военным губернатором. С тех пор почти и земские сборы вносятся исправно и без особенного обременения для плательщиков.

IV. Умиротворение степи

С принятием положения влиятельным и богатым народом чиклинцев и с движением в степь наших отрядов под личным начальством военного губернатора Уральской области в места, наиболее объятые мятежом, и по наказанию бунтовщиков силой оружия, киргизы смирились, и доверенные лица от разных родов стали являться к военному губернатору помянутой области с заявлением желания с покорностью принять новое положение.

Таким образом, все рода киргизов уездов Уральского, Гурьевского и Калмыковского покорились, и в Эмбенском уезде, в котором по местным обстоятельствам не было приступлено к введению положения, таковое было введено без особенных замешательств. В августе 1869 г. волнение было подавлено, мятежническая организация уничтожена и некоторые из главных виновников и предводителей мятежа арестованы и над ними наряжено следствие.

Таким образом, умиротворение Киргизской степи достигнуто в обеих областях, частью мирным путем, не прибегая к вооруженной силе, за исключением нескольких случаев по Уральской области, в которой было употреблено оружие для обуздания непомерного своеволия значительных скопищ бунтовавших киргизов.

V. Меры, принятые к удовлетворению пострадавших во время мятежа от барантовщиков

В продолжение мятежа произведены были киргизами различного рода нападения на казаков по линии, граничащей со степью, и на отряды, действовавшие в степи, а также было несколько случаев грабежей у русских купцов, ведущих торг в степи и со Средней Азией, казаков и киргизов, принявших новое положение и оставшихся верными правительству. Большинство этих преступлений следует прямо отнести к простому грабительству (баранте), но часть из них сопровождалась убийством и характер чисто политический.

Достигнув умиротворения степи, генерал-адъютант Крыжановский считал делом первой важности наказать виновных и удовлетворить пострадавших от грабежей, но, приступая к достижению этой цели, генерал-губернатор желал действовать так, чтобы достигнуть следующих результатов:

а) принятыми мерами не возобновить новых беспорядков или, по крайней мере, бегства значительного числа киргизов за Эмбу к оставшимся на Усть-Урте бунтовщикам, что легко могло последовать в случае объявления по степи, что все киргизы, участвовавшие в каких бы ни было шайках, будут преданы суду и подвергнутся наказанию. Кроме того, по большому числу всех участвовавших в

мятеже киргизо не было никакой возможности доискаться и наказать всех виновных;

б) достигнуть полного удовлетворения пострадавших от грабежей, для чего главный начальник края полагал, все дела, возникшие по этому поводу, предоставить киргизам, в определенный срок покончить по их обычаям.

Затем генерал-адъютант Крыжановский ходатайствовал пред государем императором об облегчении участи киргизов, увлеченных в мятеж подстрекательством злонамеренных людей, и в декабре 1869 г. удостоился получить высочайшее повеление, уполномочившее его объявлять именем государя императора всемилоостивейшее прощение виновным в беспорядках киргизам при возвращении их в Оренбургскую степь, но с тем, чтобы эта монаршая милость была оказываема только тем из них, которые по ближайшему генерал-губернатора усмотрению будут признаны ее достойными.

VI. Учреждение съездов биев

Ввиду большого числа лиц, пострадавших от совершавшихся во время мятежа грабежей, и для удовлетворения материальных убытков, нанесенных киргизами торговым и неторговым частным лицам и прилинейным жителям, по распоряжению главного начальника края учреждены в городах Илецке, Уральске, Калмыкове и Гурьеве Уральской области и для Эмбенского уезда в Актюбинском укреплении области Тургайской чрезвычайные съезды биев из лиц, пользующихся у киргизов особенным доверием. А как удовлетворение материальных убытков по народным обычаям нашло характер мирового разбирательства, то для наблюдения за действиями съездов и посредничества между сторонами назначены в Калмыкове и Гурьеве тамошние уездные судьи, а в Уральске и Илецке – особые чиновники по усмотрению военного губернатора.

Но так как бывали случаи грабежа и угона скота киргизами Уральской области у киргизов Тургайского ведомства и наоборот, то для рассмотрения преступлений по месту их происшествия составлены были особые смешанные пограничные съезды из биев или уполномоченных обеих областей. Съезды эти окончили свои занятия и из донесений их извлечены следующие результаты:

1) на Илецком съезде всех исков заявлено было на 28 326 рублей 64 копеек, к удовлетворению приговорено съездом на 22 876 рублей 56 копеек;

2) на Уральском съезде исков предъявлено было – 11 774 рубля 84 копейки, удовлетворено – 4003 рубля;

3) на Калмыковском заявлено исков – 85 642 рубля 60 копеек, удовлетворено – 67 395 рублей 24 копейки;

4) Гурьевскому съезду заявлено на 90 751 рубль 70 копеек, удовлетворено – 39 031 рубль 62 копейки;

5) о действиях Эмбенского съезда донесений еще не получено.

VII. Учреждение следственных комиссий

Для наказания главных виновников мятежа по распоряжению генерал-губернатора были учреждены следственные комиссии, по одной для каждой области. На

обязанности этих комиссий возложено было производство следствия [не] только над главными зачинщиками, подстрекателями, но [и] над должностными лицами, состоявшими при введении положения на службе по киргизскому управлению, которые явно уклонялись от исполнения своих обязанностей по собственной воле и, наконец, над взятыми с оружием в руках при грабежах и нападениях на отряды, караваны, почты и линейные селения.

Что же касается бывших в степи случаев одиночного разбоя и убийств, то следствие по означенным преступлениям производилось обыкновенным порядком чрез посредство судебных следователей.

Все же остальные затем киргизы, виновные в причинении убытков, как своим однородцам, так и частным лицам во время вспыхнувшего мятежа, от судебного преследования избавлены.

Местопребыванием вышеозначенных комиссий избраны: для Уральской области – город Уральск и для Тургайской – город Илецк (бывшая Илецкая Защита). Поручив помянутым комиссиям открытие и наказание виновных в бывшем мятеже, главный начальник края, по успокоении степи и по возврату наших отрядов на линию, признал рациональным обратить серьезное внимание на принятие безотлагательных [мер] к пресечению возможности повторения подобных смут в степи и для ограждения киргизов, принявших положение, от нападений злонамеренных их однородцев, бежавших в пределы Хивы, и киргизов адаевского рода, у которых положение не вводилось; тогда же учредить особый комитет под личным председательством своим, составленный из уездных начальников отрядов, возвратившихся из степи, который признал необходимым сделать следующие распоряжения:

1) возложить на личную ответственность уездных начальников, каждого по своему уезду, иметь постоянно самые верные сведения о всяких покушениях со стороны хищников к нарушению восстановленного в степи порядка и спокойствия и к нападениям для грабежа на киргизов, принявших положение, чтобы начальники уездов всегда сообразно полученным сведениям имели возможность принимать энергические меры к уничтожению шаек;

2) обязать уездных начальников находящиеся под командою их войска держать в таком положении, чтобы они были готовы при первом угрожающем известии немедленно двинуться туда, где присутствие их признается необходимым, предоставляя им полную свободу действий под личной их ответственностью;

3) а так как при незначительности отрядов, находящихся в распоряжении каждого из уездных начальников, могло легко встретиться крайнее затруднение действовать исключительно военной силой на громадном пространстве уезда, то, для повсеместного по возможности ограждения покорных киргизов от хищников, предоставить непосредственному усмотрению уездных начальников учреждать караул из самих киргизов и содержать посты в тех местностях, где это окажется необходимым;

и 4) если бы, сверх всякого ожидания, хищнические шайки появились в столь значительных размерах, что все способы, изложенные выше, оказались бы недостаточными, то предоставить уездным начальникам разрешать по личному усмотрению киргизским волостям, которым будет угрожать опасность, защищать свою

личность и имущество всеми возможными способами до оказания им помощи военной силой.

Кроме этого генерал-адъютант Крыжановский, убежденный в необходимости удалять из степи административным порядком ордынцев, обвиняемых в составлении шаек, подстрекательстве киргизов и т. п. вредных поступках, хотя бы против таких лиц и не имелось бы очевидных юридических улик в их виновности, испрашивал чрез г-на министра внутренних дел разрешения удалять таких ордынцев в более отдаленные от степи места, так как удаление сих виновных и подозреваемых лиц в губернии Оренбургского края не послужило бы еще к совершенному разъединению высланного лица с ордою. На каковое ходатайство в 22-й день ноября прошлого 1869 г. последовало высочайшее соизволение, но с тем, чтобы меру эту считать временной, и чтобы лица, подозреваемые и завиняемые местным начальством в подобных важных преступных намерениях, высылались на житье в северные губернии России, кроме сибирских, под надзор местных полиций, без назначения, однакож, времени пребывания их там и с предоставлением ходатайства о возвращении их на родину по ближайшему усмотрению генерал-губернатора.

Все эти меры послужили к тому, что подавление мятежа было достигнуто по преимуществу одними внушениями, разъяснениями и благоразумными распоряжениями начальников отрядов, направленных генерал-адъютантом Крыжановским в местности, где группировались тогда непокорные киргизы.

В данное время там тихо, и хотя встречаются в степи грабежи и угоны скота у киргизов, что, может быть, будет и впредь повторяться время от времени, но действия эти уже не имеют никакого политического оттенка, а просто подходят под категорию тех прискорбных случайностей, какие могут встретиться во всякой внутренней губернии империи. Для возможного же предупреждения грабежей, угонов лошадей и прочего скота у мирных киргизов шайками хивинских хищников и неблагонамеренных ордынцев, главный начальник края распорядился, чтобы уездные начальники объявили всенародно, что за каждого пойманного предводителя награда в 300 рублей и за каждого захваченного и представленного начальству хищника – от 100 до 300 рублей. Независимо сего предписано всем уездным начальникам объявить управителям и аульным старшинам, чтобы они преследовали хищников и грабителей всеми мерами, причем уездные начальники обязывались предварить управителей и старшин, что если они не будут добросовестно исполнять лежащих на них обязанностей, то начальство вынуждено будет взыскать убытки за грабежи с того общества, на месте расположения которого произошел грабег.

Все эти мероприятия позволяют надеяться, что добросовестное их исполнение не только поведет к окончательному успокоению степи и к совершенному прекращению на будущее время тех прискорбных случайностей грабежа, о которых было сказано выше.

Подписал Николай Серeda.

**1891–1892 гг. – Статья Н. А. Середы
«Из истории волнений в Оренбургском крае»***

(Материалы для истории последнего киргизского восстания)**. 1869–1870 гг.
(Посвящается памяти Ол. Ив. Середы)

Последнее киргизское восстание, вспыхнувшее в начале 1869 г. по поводу преобразований в управлении Оренбургской степью, навело нас на мысль, прежде чем мы посвятим данному событию настоящую статью нашу, бросить беглый взгляд вообще на те скорбные страницы нашей истории, которые известны в литературе под именем политических движений народных масс, составляющих Русское государство.

Строгий анализ этих печальных явлений в нашей политической жизни невольно убеждает в том, что с официальным, так сказать, с казенным объяснением причин болезней нашего государственного организма помириться невозможно. И в самом деле, что могут объяснить нам те поверхностные, крайне близорукие и туманные фразы и доводы наших провинциальных администраций, которыми они издревле привыкли объяснять всякий взрыв народного неудовольствия по поводу какой-либо реформы, беззастенчиво объясняя его лишь невежеством и неспособностью простого народа вникнуть и оценить смысл тех реформ, которыми правительство старалось улучшить положение этого народа?

Но объяснять одним невежеством всякое проявление народного неудовольствия реформами и притом такими, которые должны были облагодетельствовать этот самый народ – могут только неисправимые рутинеры, хватающиеся за неразвитость масс, как утопающий за соломинку, лишь бы свалить с себя ту долю нравственной ответственности и пред правительством, и пред народом, которую они смутно сознают и сами.

Вот это-то смутное сознание администрацией своей виновности в народных смутах, которое помимо воли администраторов проглядывает на каждой странице бесчисленного множества архивных дел, заведенных в разное время, по поводу упомянутых печальных явлений нашей политической жизни, и внушило нам мысль исследовать их с тем вниманием, какого они вполне заслуживают по своей серьезности.

Ближайшим последствием такого исследования было вынесенное нами твердое убеждение, что причин политических движений народа следует искать не в народе и реформах, исходящих от высшего правительства, а в приемах местных администра-

* См. «Вестник Европы», апрель и август 1868 г.; тот же журнал, август и сентябрь 1870 г., август 1871 г.

** Материалами для настоящей статьи послужили следующие источники: 1) дела канцелярии генерал-губернатора, 2) особая неизданная записка о беспорядках в степи в 1869 и 1870 гг., 3) брошюра г-на Юр-ко «События в степи Уральской области в 1869 г.» (изд. «Уральских войсковых ведомостей»), 4) «События в Уральской области и Мангышлакском приставстве в 1869 и 1870 гг.», соч. Корина, 5) «События в Оренбургской степи», «Русский Инвалид», 1869 г. и 6) частные записки и частные корреспонденции газет, в которых рассказывалось о ходе дел в степи в 1869 и 1870 гг.

ций, в неучастии в этих реформах самого народа и в той канцелярской тайне, которая до времени скрывает от масс всякую предлагающую в строе их жизни перемену.

Для подтверждения высказанных сейчас мыслей мы не станем искать примеров в летописях допетровского периода, но нарочно возьмем из истории народных движений первой половины текущего столетия, когда Россия во внешнем отношении достигла апогея своего величия и когда внутренняя ее жизнь далеко не соответствовала этому внешнему блеску, что так убедительно и вместе тяжело подтвердила Крымская война, окончательно доказавшая, что страна давно и настоятельно требует полного обновления и широких внутренних преобразований.

Возьмем, например, эпоху учреждения в конце 30-х годов Министерства государственных имуществ, в ведение которого поступили тогда все бывшие казенные крестьяне. Кому неизвестно, что учреждение этого министерства преследовало самые благие цели: оно хотело дать народу голос, которого он до того не имел, оно дало ему свой суд и управление, где должны были заседать лица, выбранные самим народом из его среды – ну, словом, реформа эта была как бы преддверием к народному самоуправлению и самосуду, какие были дарованы народу лишь в 1861 г. Казалось бы, что такая благотворительная реформа должна была вызвать в крестьянстве одно лишь пламенное сочувствие к себе и умиление перед великостью ее цели, и, однакож, она не только не вызвала нигде народной благодарности, но местами была встречена недоверием, открытым озлоблением и даже явным мятежом. Вообще реформа эта, неумело проведенная в народную жизнь, достигла, в конце концов, результатов, диаметрально противоположных тем, которых вправе было ожидать правительство, даруя народу эту реформу.

Кого же винить в том, что народ отнесся столь враждебно к такому гуманному преобразованию? Конечно, менее всего самый народ и его невежество, а канцелярскую тайну и неумелость или нехотение плохих исполнителей воли высшего правительства.

Канцелярская тайна искони отличалась той особенностью, что всегда, ревниво скрывая суть дела от заинтересованной массы, она в то же время в лице особ, близко к ней стоящих, давала чувствовать обществу, что эти жрецы различных тайн готовят для народа сами или по инициативе сверху какую-то реформу, имеющую облагодетельствовать темные массы простонародья в самом непродолжительном времени. Но в чем должно было заключаться это облагодетельствование, никто не ведал, потому что администрация, заигрывая с обществом, для вящего интереса, говорила намеками и полуфразами о предстоящей реформе, умалчивая о самой сути дела.

Вот это-то всеинтригующее умолчание властей и вызывало на размышления и догадки разных провинциальных политиканов, пытавшихся «своим умом» разоблачить тайны; политиканы эти, искони отличаясь колоссальной нелепостью своих измышлений и догадок при раскрытии государственных тайн, выдавали потом свои измышления за непогрешимое сведение о сути предстоящей реформы, распространяя, таким образом, в обществе «нелепые толки», нисколько не думая о последствиях. Между тем толки эти переходя из уст в уста, достигали, наконец, в самом искаженном виде народного уха и заранее воспитывали в народе враждебные чувства к предстоящей реформе. Это последнее обстоятельство, в свою очередь,

давало местным администрациям возможность обвинять в народном брожении не существовавшую в действительности особую корпорацию политических агитаторов, возбуждавших народные страсти разглашением нелепых толков. Но при этом в донесениях всегда умалчивалось о тех мерах, какие принимались властями для рассеяния заблуждений масс. Умалчивалось об этом очевидно потому, что в сущности никаких мер принимаемо не было, ибо простое своевременное ознакомление народа с сутью предстоявшего преобразования не оставило бы места для доступа в крестьянскую среду «нелепых толков», получивших со временем гражданственность в административной практике как средство весьма полезное в известных случаях; разумное же искание действительных виновников этих смут показало бы, что эти «злодеи Русской земли» суть никто иные, как те мелкие чиновники, которыми доднесь переполнены разные канцелярии и другие присутственные места в губерниях.

Так как обвинения, взводимые нами на провинциальную администрацию, слишком серьезны, то, чтобы они не показались голословными, мы приведем сейчас тот ряд исторических фактов, исследование которых привело нас к изложенному заключению.

Вот для примера несколько эпизодов из истории народных смут в Оренбургском крае, которыми он так богат, в конце 30-х и в первой половине 40-х годов текущего столетия. Так, в 1843 г. вспыхнул бунт челябинских государственных крестьян по поводу толков о передаче этих крестьян в ведение Министерства государственных имуществ. В апрельской книжке «Вестника Европы» за 1868 г. мы посвятили этому любопытному событию особую статью и потому считаем излишним обременять внимание читателей повторением всех подробностей этой характерной смуты, но лишь напомним, что первые волнения обнаружались сначала в соседственных Челябинскому уезду – Камышловском и Шадринском уездах Пермской губернии, куда впервые проник слух о «закреплении тех уездов за баринном».

Пермская администрация не принимала никаких своевременных мер к рассеянию этого слуха, новое крестьянское начальство тоже не обратило должного внимания, и мятеж возгорелся. Что же делали оренбургские власти в то время, когда в сопредельной губернии мятеж простого народа разгорался с часу на час все сильнее, пока, наконец, не был прекращен военною силой? Принимались ли какие-нибудь меры к тому, чтобы от тех же «нелепых толков» не вспыхнул бунт в Челябинском округе, как ближайшем к волновавшимся местностям?.. Что никаких мер в этом отношении подлежащими властями заблаговременно принимаемо не было, доказательством тому служит грустный факт восстания 1843 г., когда и Челябинский уезд в назидание потомству познал горьким опытом, что значит верить всякому вздору, от которого зарождались на Руси многие смуты. Ибо там, где начальство отнеслось к соседственному брожению умов с должным вниманием, поспешая предупредить возможность возникновения подобных беспорядков у себя, как то сделал исправляющий должность тобольского губернатора М. В. Ладыженский, там волнения эти не появились. Кто же виноват в том, что челябинцы бунтовались, а курганцы (уезд Тобольской губернии) остались равнодушными к нелепым толкам, смутившим их соседей?

Челябинский бунт 1843 г. скоро был прекращен военной рукой и крестьяне подчинились новому порядку вещей; но этим, т. е. одной экзекуцией, и заключились все мероприятия оренбургского начальства. Никто из умиротворителей не принял на себя труда объяснить крестьянам, за что именно они были наказаны: за то ли, что поверили лживым толкам более чем установленным над ними властям, или за то, что вздумали отбиваться от барина, «ехавшего к ним в золотой бочке».

Это обстоятельство поселило недоумение в крестьянах, продолжающих доселе с уверенностью утверждать, что если бы не их бунт в 1843 г., то быть бы им барскими*. Немногих из более разумных мужиков удалось мне разубедить в заблуждении, большинство же стояло на своем – так глубоко пустило корни это убеждение, не излеченное в свое время.

А неразборчивое наказание правых и виноватых, участвовавших и не принимавших участия в бунте, в свою очередь также не могла удовлетворить крестьян. Впоследствии оба эти обстоятельства повели к новым толкам и рассуждениям о только что пережитом факте. Сначала крестьяне пришли к заключению, что дело это еще не окончено, что оно по своей важности подвергнется новому разбору; затем к этим предположениям присоединились слухи о том, что для справедливого решения дела о бунте 1843 г. придет в Челябинский уезд кто-либо из особ царствующего дома – «царев сродник», как говорили крестьяне, которому и намеревались они подать просьбу на несправедливость к ним местного начальства.

В это самое время, когда возбуждаемый тревожными слухами и сочувствиями народ готов был принять на веру всякую несообразность, отвечающую хоть сколько-нибудь его надеждам и желаниям – какой-то безвестный бродяга, назвавшись великим князем Константином Павловичем, объявил о себе, что он прибыл в уезд для правильного решения дела о бунте, согласно с желанием недовольных. Едва уложившееся брожение народа с появлением самозванца готово было снова разразиться грозой, но, к счастью для крестьян, на этот раз, вследствие скоро принятых мер, бродяга-самозванец должен был поспешно оставить уезд и тем избавил челябинских простодушных мужиков от тяжелой административной кары за новое неповиновение. Едва ли кто будет оспаривать, что эти новые беспорядки, грозившие стотысячному населению уезда новыми бедами, были вызваны никем иным, как оренбургскими властями, не доведшими дело умиротворения до конца и послужившими причиной сначала «нелепых толков», а потом и появлением самозванца.

В том же 1843 г. вспыхнуло восстание в селениях новообращенных в козачество крестьян. Причины, вызвавшие это волнение, следующие. Когда создавалась по проекту генерал-адъютанта Перовского новая Оренбургская линия, то высшим правительством было предоставлено жителям тех селений, которые должны были войти в проектируемую линию, буде они не пожелают записаться в козаки, право переселиться на особо отведенные для них земли, если не ошибаемся, в Бузулук-

* «Дорого стоило нам, ваше благородие, – говорили мне челябинские мужики, когда я расспрашивал их о бунте, – и больно тяжело пришлось, много в те поры по острогам и под розгами поумирали – царство им небесное! – зато, благодарение господу, от тяжелой неволи ослобонились».

ском уезде ныне Самарской губернии. Бывший в то время гражданским губернатором Талызин [19], желая, вероятно, отличиться, счел возможным умолчать о дарованной государем льготе и объявил кратко, что жители тех селений, где должна была пройти линия, поступают в козаки.

Сначала мужики безропотно и беспрекословно покорились этому распоряжению, но как скоро в массу проник слух, что она обманута, что государь предоставлял не желавшим идти в козаки право переселения – козаки возмутились, прогнали своих полковых командиров и открыто требовали возвращения им высочайше предоставленных прав высела на новые места. А как требование это шло вразрез с тем донесением, какое на основании заявлений Талызина было сделано в Петербург, то военный губернатор Обручев признал за лучшее задавить волнение военной силой, и крестьяне, против воли и вопреки прав своих, должны были подчиниться новому порядку вещей.

Участие мелкого чиновничества в массовых движениях также нетрудно доказать, как и косвенное участие в них провинциальных администраций. В 1872 г. в практике крестьянских мировых учреждений, в том же Челябинском уезде, одному из мировых посредников пришлось встретиться лицом к лицу с таким участием чиновников в народном волнении. Дело происходило в имении г-на Качко, где крестьяне не хотели принимать надела на том основании, что они имеют у себя «царский указ», разрешающий им приписаться к обществам государственных крестьян. Мировой посредник, желая избегнуть крутых мер и не желая раздувать простого недоразумения в бунт, хотя крестьяне волновались и никого не слушались, употреблял все усилия, чтобы покончить дело мирно, с этой целью им вычитывались на сходах все законоположения, которыми определялся порядок перехода временно-обязанных крестьян в общества государственных, но все старания были напрасны. Крестьяне стояли на одном, что они имеют указ, которого у посредника нет или который он скрывает от них, и только после напряженных усилий и увещаний решились показать посреднику этот любопытный документ, оказавшийся циркуляром министра внутренних дел, подтверждавшим тот самый порядок, о котором только что толковали и читали на сходке. Когда, наконец, посреднику удалось убедить крестьян сличением чрез избранного ими грамотея, что их указ совершенно тождествен с тем законом, который он им читал, тогда крестьяне, понутив голову, сознались, что их обманул неизвестный чиновник, дорого продавший им указ в то время, когда они ездили в город Курган; при этом мужики говорили, что этот чиновник продал им указ на базаре и, не читая всего указа, прочел им только сбоку, где вкратце было означено содержание циркуляра так: «О приписке временно-обязанных крестьян к обществам крестьян государственных». Циркуляр этот, если не изменяет нам память, был вырван из дел курганской думы...

Мы привели здесь, правда, позднейший случай, но, сколько можно извлечь из архивных дел недавнего прошлого времени, где очень часто можно встретить крестьянские показания, что возбудившую смуту бумагу получили они от неизвестного им чиновника! Наконец, сколько есть дел в архиве канцелярии оренбургского военного губернатора, заведенных в 30-х и 40-х годах, озаглавленных весьма характерно, например, так: «Дело по донесению челябинского земского исправника о на-

мерениях челябинских и шадринских башкир воевать с русскими и сечь русские поселения!» В большинстве случаев все дело оканчивалось перепиской, но иногда в распоряжение исправника давались команды для усмирения бунта, созданного его воображением и корыстным поползновением поживиться на счет не подведомственных ему башкир, имевших свое начальство.

Впрочем, все, что мы говорили выше, всецело принадлежит первой половине текущего столетия; с тех пор Россия далеко шагнула вперед: правительство признало за народом бесспорное знание своих нужд и быта лучше всяких администраций и призвало все классы народа в земство для устройства общими усилиями своего быта на лучших началах; печать получила право обсуждать проекты государственных реформ, стало быть, на деле канцелярской тайны в отношении народного быта не существует более. Следовательно, при таких обстоятельствах взрыв народного неудовольствия по поводу реформы, где бы в данное время он не произошел, представляется нам явлением загадочным, каким-то анахронизмом, разгадать который возможно лишь предварительно разрешив следующие вопросы: участвовала ли провинциальная администрация в общем ходе русского прогресса за последние десятки лет и изменила ли она сообразно духу времени свой взгляд на свою задачу, т. е. на систему управления народом и на самый народ? Или, по-прежнему, чуждаясь умственного движения, охватившего все русское общество, администрация эта пребывала верной взглядам и убеждениям государственных деятелей, живших и действовавших более полувека тому назад?

Пусть на эти важные вопросы ответит нам история последнего киргизского восстания.

I

Мысли о преобразовании управлений киргизскими степями. – Работы комиссии статс-секретаря Буткова и заключения о них генерал-адъютанта Безака. – Подвижная комиссия действительного статского советника Гирса. – Участь мнений А. П. Безака и сенатора Левшина

Оренбургская степь по своему географическому положению составляет ближайшую часть Азии, примыкающую к Европейской России. Зависимость свою от России киргизы признали лишь в 1732 г., когда Абдул-Хаир, хан Меньшой киргизской орды, теснимый джунгарами, башкирами и калмыками, просил защиты России, отдавая в ее подданство.

В соседство же с киргизами, впоследствии вошедшими в Оренбургское ведомство, мы стали 300 лет тому назад, непосредственно за покорением Астраханского царства и почти одновременно с началом занятия нами Сибири.

Но в то время, когда в эти 300 лет мы успели продвинуться вдоль всей Сибири на 6000 верст к востоку до самого океана, постепенно занимая это огромное пространство не только военными постами, но и своими поселениями, в Оренбургском крае мы придвинулись только на 400 верст от Волги и до сих пор со своей колонизацией стоим на реке Урале. За этим рубежом мы имеем лишь несколько, и то в недавнее время возникших небольших военных постов с самыми ничтожными при

них выселками, признать которые за признак нашей колонизации в степи положительно было бы более чем странно. В западной же части Оренбургской степи до последнего времени не было даже и наших укреплений; ничтожный Эмбенский пост (с гарнизоном в 100–150 человек), расположенный при реке Эмбе, стоял уединенно у восточного ее края и, конечно, не мог охранять обширное пространство.

Между тем Оренбургская степь во все времена имела весьма важное значение для русских в торговом отношении, так как ее прорезывают пути, по которым издавна совершалась, да и ныне происходит большая часть торговых операций наших в Средней Азии.

Такая странная неподвижность наша относительно колонизации Оренбургской степи произошла не вследствие ничтожности значения этой окраины для России в политическом отношении, ибо одно положение этой страны на прямом пути в Среднюю Азию придает ей особую важность, а также не потому, чтобы условия самой местности препятствовали колонизации, для которой северная половина степи представляет все удобства (здесь, правда, нет леса, но зато есть хорошие земли и нет недостатка в воде и только в южной половине, прилегающей к Усть-Урту и к пескам каракумским, физические условия действительно становятся крайне неблагоприятными для оседлой жизни). Неподвижность эта не объясняется и никакой внешней причиной, потому что и здесь мы имели дело с такими же слабыми кочевыми племенами, как и в других частях Киргизской степи. Причины этой вялости нашей колонизации, по нашему разумению, кроются исключительно в системе, которой придерживались почти все прежние администрации, заведовавшие Оренбургским краем. Упомянутая система заключалась в постоянном устранении себя от прочного занятия степи и от ее внутренних дел, и во внешнем способе управления киргизами чрез султанов, родоначальников и вообще туземцев, словом, в так называемой «пограничной системе», название которой хотя и не употреблялось официально с 40-х годов, но которая существовала на деле до последнего преобразования.

Сущность устройства Оренбургской степи до реформы заключалась в следующем: вся степь делилась на три части – Восточную, Среднюю и Западную; каждой такой частью управлял султан-правитель, ставка которого находилась на линии. Внутри степи не существовало представителя или представителей собственно русской власти; аулы киргизов заведывались или своими родоначальниками, или избранными султаном старшинами (дистаночными); областное правление находилось в Оренбурге; расположенные же среди степи укрепления не имели никакого административного значения.

Последствие такой системы управления было то, что Оренбургская степь значительно отстала в своем развитии от степи Сибирского ведомства. В то время, когда в этой последней положение наше стало прочным, имелись уже города и селения, учредилось правильное почтовое сообщение, установилась полная безопасность и т. д., в Оренбургской степи, кроме нескольких упомянутых нами незначительных фортов, колонизации не заведено, обеспеченных средств сообщения нет и все положение дел не твердо, вполне зависимо от случая, что так ярко подтверждается

сначала бунтом Кенисары Касымова*, с которым в продолжение 9 лет боролась оренбургская администрация, и только благодаря убиению Кенисары дикокаменными киргизами, кое-как восстановила некоторое влияние свое на степь, пока в 1855 г. снова не завязались в ней смуты под руководством Исета Кутебарова, бывшего впоследствии помощника иргизского уездного начальника**. Таким образом, сто лет владычества нашего в степи оказались почти без результата...

В 60-х годах правительство наше обратило внимание на резкое различие в состоянии степей Оренбургского и Сибирского ведомств и на разницу в системе управления киргизами, которой держались в этих ведомствах, и признало, что управление степью требовало широкой реформы. Найдено было полезным перестроить заново быт киргизского народа, внедрить в его жизнь больше гражданственности и поставить самый народ в более правильные отношения как к верховной власти и государству, так и к местной администрации края. Те начала, на которых утверждалось управление подвластными нам ордынцами, уже отжили свой век, а различие управлений Оренбургского края от Сибирского служило иногда поводом к возникновению разного рода недоразумений в степи и препирательств двух администраций, державшихся в управлении одним и тем же народом разных систем. Управление Сибирской степью с 30-х годов получило лучшее административное устройство, представляло более залогов прочности наших влияний и власти на кочевников, чем оренбургское. Последнее, нося характер чисто пограничного управления, в действительности пользовалось некоторым влиянием лишь только на роды прилинейных киргизов. А затем сила нашего влияния и прочность русской власти слабели по мере удаления от линии вглубь степи и, наконец, на те племена, что кочевали сопредельно со среднеазиатскими ханствами, влияние России становилось до такой степени ничтожным, что племена эти фактически признавали свою зависимость от владельцев среднеазиатских ханств, хотя и числились в заведывании оренбургского пограничного начальства.

Государственные платежи, взимаемые с киргизов обоих ведомств, также не имели между собою ничего общего: так, в Сибири подать, или ясак, взималась по числу голов скота, а в Оренбургской степи выплачивался кибиточный сбор по 1 рублю 50 копеек, установленный, впрочем, лишь в 1836 г. Сбор этот, находясь в полной зависимости от обстоятельств чисто случайных, никогда не мог быть заранее рассчитан и определен в известную цифру.

Ввиду всего сказанного правительство поручило особой комиссии под председательством статс-секретаря Буткова*** выработать новый устав для управления находящимися в подданстве России киргизами. Комиссия эта, вполне добросовестно обзрев системы управлений ордынскими племенами, каких держались в то время в Оренбурге и Сибири, пришла к заключению, что обе из упомянутых систем

* Бунт Кенисары Касымова, «Вестник Европы», август и сентябрь 1870 г. и август 1871 г.

** См. статью: Последние события в Киргизской степи, «Русский инвалид», 1869 г., № 123.

*** Управляющий Сибирским комитетом.

имеют каждая свои хорошие и дурные стороны и что поэтому весьма трудно было бы, по мнению членов комиссии, отдать которой-либо из них явное предпочтение перед другой, «но, – говорится далее в записке комиссии, – при тождественности предметов занятий обеих администраций, разрозненность и бессвязность начал в управлении одним и тем же племенем не может иметь благотворных следствий для развития гражданственности полудикого народа, не может вселить ордынцам надлежущего понятия о силе и могуществе верховной власти и соответствовать видам правительства»*.

Поэтому для достижения упомянутых выше целей комиссия статс-секретаря Буткова признавала необходимым заменить существовавшие управления киргизами обоих ведомств радикальной реформой, которая, главным образом, должна была заключаться в том, чтобы, прежде всего, управление степями было сосредоточено в одних руках, затем предполагалось «подвергнувши критическому разбору обеих существовавших тогда систем, ввести постепенно, по возможности, одинакие начала администрации во всей Киргизской степи».

Признавалось также более удобным вместо существовавшего (приведенного нами выше) деления степи на три области, разделить ее на две: Западную и Восточную киргизские степи. Центры управления этих областей предполагалось перенести в степь: Западной области – в укрепление Оренбургское, расположенное при реке Тургае или иной пункт, и Восточной – в Сергиополь, Каркаралинск или иной пункт по ближайшему соображению местных обстоятельств.

Так возникла сначала мысль об образовании степного генерал-губернаторства.

Такое мнение комиссии, вместе с другими вопросами по устройству степи, было передано, согласно высочайшей воле, на заключение бывшего оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Безака. Последний в письме своем по этому поводу от 22 декабря 1864 г. за № 1975 высказывает следующие мысли: «Я не могу одобрить системы управления Сибирской степью, – писал А. П. Безак, – на том основании, что она, вводя порядок, выработанный в образованных странах, вместе с тем ввела чиновничество и русские формы судопроизводства, чуждые понятиям и условиям жизни кочевников». Далее, отдавая предпочтение характеру пограничного управления, каково было оренбургское, пред административно-сибирским, генерал-адъютант Безак признавал за лучшее «дать киргизам устройство общественно-го управления, применяясь к началам высочайше утвержденного 19 февраля 1861 г. Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, насколько это согласно с обычаями кочевого населения». При этом покойный генерал-губернатор выражал мнение, что реформа эта, последовательно вводимая в степи, начав с прилинейных киргизов, в течение 30–40 лет приготовит ордынцев «к принятию всецело формы управления общей для прочих сословий империи».

Относительно же перенесения центра управления Западной области (Оренбургской) из Оренбурга в степь, генерал Безак заметил, что нахождение центр управления в городе Оренбурге на самом деле не так неудобно, как это кажется в первого

* Записка статс-секретаря Буткова, присланная на заключение бывшего оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Безака.

взгляда. «В пользу Оренбурга говорит, во-первых, – писал генерал-губернатор, – то, что в летнее время к линии прикочевывает более $\frac{2}{3}$ всех киргизов Оренбургского ведомства, которые (по мнению А. П. Безака) уже свыклись с этим местонахождением их главного управления и никогда не заявляли (?) о неудобстве для них расположения областного правления на окраине степи, потому, вероятно, что во время летних кочевок все они (ордынцы) всегда имели возможность не только заявлять областному правлению о своих нуждах и просьбах, но и в большинстве случаев успевали получать удовлетворение, а, во-вторых, и то обстоятельство, что степные пункты, указываемые в записке статс-секретаря Буткова, как самый лучший из них – Оренбургское укрепление, так и еще менее подходящие для перенесения в них центрального управления степью, каковы, например, Уральское укрепление, форт Карабутацкий и Эмбенский пост, решительно не представляющие никаких удобств ни в физическом, ни в других отношениях, чтобы, как сказано выше, в один из них можно было бы перенести центр управления, на что потребовался бы громадный расход, который, в конце концов, все же не дал бы возможности достигнуть приспособления названных пунктов к сколько-нибудь удобному размещению в них центрального управления».

Этим мнением генерал-адъютанта Безака, очевидно, руководили экономические убеждения, его можно оспаривать, потому что нахождение центра управления внутри степи представило бы, несомненно, более удобств для управляемых, чем нахождение главной власти на окраине ее, вдали от жизни управляемого народа, хотя этот народ (по выражению А. П. Безака) и не приносил официальных жалоб по начальству «о неудобствах для дальних кочевников обращаться со своими нуждами к управлению, отстоящему так далеко от их кочевков». Можно даже сказать, что нахождение главного управления на окраине степи именно и было причиной того, что русские власти и значение их фактически признавались почти в полуторавековое русское господство лишь ближайшими к линии киргизскими родами.

Относительно замены существующего с киргизов Оренбургского ведомства кибиточного сбора каким-либо другим видом подати, генерал Безак высказался в смысле оставления этого сбора в том виде, как он есть, без всяких изменений до тех пор, пока получится возможность установить подать с земли взамен кибиточного сбора; даже и там, по его мнению, где, как в Сибири (где уже существует деление степи не только на округа, но и на волости), налог со скота взыскивается приблизительно, и все-таки в точности не может быть определен. Указывая далее на то обстоятельство, что кибиточный сбор возрос в последнее время до 250 000, Александр Павлович Безак находил возможным увеличить кибиточную подать с 1 рубля 50 копеек лишь до 2 рублей 80 копеек.

Покойный генерал-губернатор находил еще нужным увеличить власть управляющего областью до пределов власти, предоставленной губернатору, и затем в заключение своей записки (по поводу проекта статс-секретаря Буткова) Безак признал рациональным подчинить с течением времени киргизский народ законам империи, не создавая для него собственно особого положения, так как, по убеждению Александра Павловича, всякое обособление известной народности, входящей в состав единого Русского государства, как самой этой народности, так и вне России дает

чувствовать и напоминать, что народность эта была втиснута силою в русскую семью, с которой она не имеет ничего общего, и что поэтому для нее создаются особые законы и положения, имеющие ублажать или устрашать данную народность, лишь бы только так или иначе не выскользнула она из наших рук...

Все эти проекты, соображения и замечания, высказанные разными местами и лицами, для окончательных работ были переданы особой комиссии под председательством действительного статского советника Гирса. Комиссия эта должна была обозреть на деле все киргизские степи, познакомиться на месте с условиями жизни и обычаями кочевников и своими практическими замечаниями и собранными сведениями имела восполнить те пробелы, которые легко могли вкрасться в прежние работы по устройству на иных началах киргизского народного быта и степной администрации.

Когда комиссия эта окончила обозрение степей и возвратилась с собранными на месте материалами для продолжения своих работ в Петербург, тогда в трудах ее принял деятельное участие бывший тургайский военный губернатор Л. Ф. Баллюзек.

К сожалению, на мнение генерала Безака новой комиссией не было обращено должного внимания, хотя оно в частностях имело несомненные достоинства истинны и знания народа и его жизни. Впрочем, как было слышно в то время, не лучшая участь постигла и мнение известного автора «Киргиз-кайсачьих орд» сенатора Левшина, находившего будто бы много недостатков и несовершенств в новом проекте Положения о киргизах. Строго обвинять комиссию за это нельзя, ибо с ее стороны было очень естественным согласиться с мнением лиц, стоявших в данное время ближе к киргизскому народу, которые поэтому могли иметь более современный и компетентный взгляд на дело нового преобразования, чем лица, знавшие степь и ее население в минувшее время.

II

*Утверждение нового Положения. – Новая реформа и старые промахи. – Поспешность образования областей и вызванные ею беспорядки. – Причины волнений по официальным источникам и причины действительные. – Предупреждения печати и отношения к ней местной администрации **

В последних месяцах 1868 г. труды комиссии были окончены, выработанный ею проект нового Положения об устройстве киргизов удостоился высочайшего утверждения и 21 октября состоялось высочайшее повеление:

1) образовать из областей оренбургских и сибирских киргизов и Семипалатинской, а также Уральского и Сибирского козачьих войск четыре области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую в предположенных в проекте Положения для этих областей границах;

2) разрешить главному местному начальству упомянутый проект Положения вводить в действие с 1 января 1869 г. в виде опыта на двухгодичный срок.

* Дела канцелярии оренбургского генерал-губернатора и неизданная записка о беспорядках в степи в 1869 и 1870 гг.

Такое высочайшее повеление министром внутренних дел, в числе других ведомств, было сообщено и оренбургскому генерал-губернатору для надлежащего исполнения.

Тотчас по получении упомянутого сообщения главный начальник края предложил исправляющим должность военных губернаторов Уральской и Тургайской областей, вошедших в район его ведения, следующие меры по введению в действие нового Положения:

а) образовать в Тургайской области уезды: Илецкий, Николаевский, Тургайский и Иргизский, а в Уральской – Калмыковский, Гурьевский и Уральский, в Эмбенский же пост и Мангышлакское приставство назначить начальствующих лиц и послать их на места для составления соображений по введению там нового Положения, когда это окажется возможным;

б) для организации местных уездных и волостных правлений предписывалось образовать под председательством уездных начальников: для Тургайской области – четыре комиссии, а для Уральской на первое время только три*, которым начать вводить Положение, руководствуясь данными от губернаторов инструкциями.

В силу этих распоряжений поспешно организованные комиссии приступили к делу введения нового Положения – в Тургайской области с половины декабря 1868 г., а в Уральской области комиссии отправились по назначению: Гурьевского уезда – 19, Уральского и Калмыковского 21 декабря того же года, как сообщил о том военный губернатор Уральской области, присовокупляя, что киргизы Эмбенского уезда и Мангышлакского приставства оставлены пока на прежнем основании и сбор повинности взимается с них по прежнему порядку.

Из этих предварительных распоряжений видно, что в Оренбурге слишком торопились введением нового Положения в степи, так как все упомянутые выше меры по введению Положения состоялись в то время, когда еще не только в орде, но и в уездных управлениях не было ни одного печатного экземпляра нового Положения, и организационные комиссии имели у себя лишь инструкции военных губернаторов, заключающие краткие выписки из самого Положения тех статей, которыми определялся порядок образования уездов и волостей.

Это был первый промах администрации, повлекший за собой другие ошибки, имевшие весьма печальные последствия. Прежде всего, такая поспешность и подобный порядок вещей не могли предвещать успеха организационным комиссиям в их действиях; так и случилось. Вначале дело, по-видимому, пошло успешно, и в Тургайской области к 1 февраля 1869 г. уже было сформировано девять волостей, но вскоре затем организационные комиссии встретили затруднения сначала в Уральской, а потом и в Тургайской областях. Так, губернатор Уральской области уже от 16 января 1869 г., следовательно, менее чем через месяц по открытии действий комиссии, доносил генерал-губернатору, что председатель организационной комиссии Уральского уезда подполковник Черноморсков при направлении действий комиссии на реку Хобду (пятая волость Уральского уезда), в ауле, распо-

* По числу уездов: четырех – в Тургайской и трех – в Уральской области.

ложенном при озере Карасу (неподалеку от станицы Буранной), встретил серьезные затруднения к дальнейшему следованию и полное невнимание народа к вновь вводимому Положению.

Командированный этой комиссией (бывший начальник 1-й половины 8-й киргизской дистанции) Ташбулат Туяков в сопровождении муллы Шамаева, управляющего приуильскими киргизами зауряд-хорунжего Лепесова и почетных биев, отправившийся ночью с 11 на 12 января вверх по реке Хобде к зимующим там киргизам, доносил, что он, приближаясь к аулу киргиза Джапара, был остановлен 40 вооруженными киргизами, преградившими ему путь и объяснившими, что двух чабаров, посланных с бумагами от него, они задержали, бумаги изрубили, и что как их самих, так и комиссию к себе не примут и дальше не допустят, потому что так распорядились их старики, уехавшие к киргизам Батанбекову и Айжарыку Бикбауу Тургайской области* на совещание, следует ли им принимать Положение или нет. Когда же посланные комиссией, невзирая на это сообщение, направились к аулам, то некоторые из толпы окружили посланных, угрожая им оружием, и принудили первых повернуть лошадей назад, причем шайка провожала Туякова с товарищами более версты и, возвращаясь к переговорам, выражала крайнее раздражение.

Не менее печальные вести привез посланный упомянутым дистанчным начальником Туяковым киргиз табынского рода Утяпов на вершины реки Хобды для предупреждения о приезде туда комиссии и для передачи двух конвертов: одного на имя местного начальника Казыбаева и другого – почетного бия Китарова. Возвратившийся посланный рассказывал, что бий Китаров, принявший от него конверт в виду бывшего с ним народа, прочитал вслух врученную ему бумагу, изрубил ее кинжалом, и вместе с народом объявил Утяпову, что они никаких распоряжений до возвращения стариков из Тургайской области не примут и другого конверта на имя Казыбаева доставить не позволят.

Зауряд-хорунжий Лепесов, отправившись по поручению той же комиссии с киргизом Айткузом Джапатовым в аул киргизов того же рода, кунгурова отделения Джапалака Айдосова и китынского рода – Байгильды для приготовления народа к приезду комиссии, встретил тоже одни неудачи. Остановившись у киргиза Байгильды в землянке, Лепесов, объясняя ему цель своего приезда, услышал в ответ, что его, Лепесова, Байгильды принять готов, но что комиссию не пустит, что народ не соберется и комиссия им вовсе не нужна, причем хозяин объяснил Лепесову, что так согласились поступать все киргизы. На обратном пути из этого аула Лепесов был окружен народом, конным и пешим, который подтвердил то же самое. Ночевать Лепесов остановился в землянке Тлеубая, в ауле Айдосова, и около полуночи был разбужен шумом собравшихся у землянки киргизов. От хозяина Тлеубая Лепесов узнал, что они хотели напасть на комиссию и убить его самого; повинуясь советам хозяина, Лепесов из зимовки не вышел и тем только спас свою жизнь. Утром, когда уезжал Лепесов, киргизы кричали ему вслед, чтобы он не ездил к ним ни один, ни с комиссией.

* Неизданная записка о беспорядках в степи в 1869 и 1870 гг.

Из дальнейших донесений губернатора Уральской области видно, что положение дел в степи ухудшается с каждым днем; мятеж, быстро распространяясь по Уральской области, принимал весьма широкие размеры и оказывал серьезное сопротивление к введению нового Положения.

Председатель организационной комиссии Гурьевского уезда капитан 1-го ранга Тверитинов, образовавший три аула тазларовцев, находящихся в пяти верстах от уезда Эмбы, намеревался двинуться на Теньтяк-сар до Сагиза к зимующим на этом пространстве исыковцам уразова отделения, а оттуда на Эмбу к урочищу Исенберды – к тобыш-адаевцам разных отделений и затем вниз по Эмбе – к черкесовцам кара-кемпера отделения, но потом приостановился в исполнении этого намерения в ожидании приезда к нему местных старшин, от которых он надеялся получить нужные ему сведения об их родах и которым считал нужным растолковать новое Положение. Когда собрались старшины исыковского рода Джалия Аитов, тобыш-адаевского – Магомет Исламов, Исян Уражбаев и с ними несколько биев, начальник уезда вкратце объявил им новое Положение, которым, по-видимому, они остались довольны; но при прощании адаевский старшина Исламов заявил, что в его ведомстве зимовало до 200 кибиток адаевцев с Мангышлака, за которых он не ручается, и в то же время просил г-на Тверитинова не приезжать к нему в аулы будто бы по недостатку помещения, обещаясь в случае нужды обратиться к начальнику уезда для разъяснения чего-либо для них непонятного.

Утром 21 января приезжали к г-ну Тверитинову из зимующих по Тентяку и Сагизу бии исыковского рода с просьбой об отсрочке у них введения нового Положения на семь дней, в виду того, что введение Положения предстояло у адаевцев*; начальник уезда согласился на их просьбу. Между тем, в 3½ часа показалось недалеко от аула, в котором расположилась организационная комиссия Гурьевского уезда, толпа всадников человек в 400, вооруженная пиками, саблями и топорами, видимо принявшая угрожающее положение относительно комиссии и ее конвоя. Ввиду этой опасности по распоряжению уездного начальника все находившиеся при нем люди немедленно устроили из кулей с овсом и провиантом род баррикады, а с тылу закрылись лошадьми, спугав их таким образом, чтобы они не могли двигаться. Прошло несколько минут тягостного ожидания; видя, что толпа не отваживается на нападение, председатель комиссии выслал навстречу ей отставного козака Шамсутдинова, которому велел спросить у киргизов, что им надобно. В ответ на этот вопрос толпа яростно требовала выдачи ей изменника Косумбая Тавасорова (младшего помощника уездного начальника), угрожая в противном случае всех перерезать. Тавасорова спрятали в кибитку и объявили толпе, что он уехал в соседний аул. Тогда шайка киргизов предъявила новые требования: «Не хотим мы нового Положения (кричала толпа), не желаем иметь русских начальников, а просим оставить прежних султанов и старую подать...»

* Адаевский род искони отличался особой дикостью нрава и своеволием, и поэтому с ним всегда начальники старались поступать осторожно и делали уступки, чтобы не раздражать их без особенной надобности.

Все увещания, обращенные к ордынцам, – отказаться от заявления таких нелепых просьб и требований, – были напрасны, после долгих споров о преимуществе старого порядка перед новым толпа, наконец, удалилась, оставив старшину Исламова заявить именем всего народа просьбу к начальнику уезда об отсрочке введения Положения на новых началах до Уильской ярмарки. Капитан 1-го ранга (ныне генерал-майор) Тверитинов отказал в этой просьбе Исламову, но обещался в виде уступки ходатайствовать у высшего начальства, в чем по просьбе старшины и дал ему записку для представления волновавшимся киргизам. Тотчас по получении Исламовым данной ему записки толпа с гиком бросилась и окружила маленький лагерь Тверитинова, отрезала верблюдов и, спешившись, ринулась вперед, но была отражена ружейным огнем (под ружьем было 12 человек), при этом киргизы потеряли до 6 человек и двое из шайки были ранены, у Тверитинова же проколоты пиками две лошади. После этого неудавшегося набега толпа удалилась и не тревожила более до самой ночи стан уездного начальника.

Ночью трое мирных киргизов, прокравшись в стан Тверитинова, сообщили ему, что киргизы намереваются повторить нападение и лишь ожидают подкрепления, вооруженного ружьями, а потому предложили ему услуги проводить его к морю мимо их пикетов.

Соображая полученные сведения, осязательно говорившие не в пользу дальнейшего успеха, начальник уезда, по совещании с бывшими с ним лицами, отправился в Гурьев, куда прибыл благополучно 23-го числа. Потеря покраденного имущества во время нападения на комиссию Гурьевского уезда простирается до 900 рублей.

Между тем, волнения, начавшиеся в пределах вновь образованной Уральской области, перешли вскоре и в область Тургайскую. Так, военный губернатор Тургайской области от 12 марта 1869 г., сообщая генерал-губернатору об окончательном образовании двух уездов – Николаевского и Тургайского и в Иргизском уезде двух волостей, присовокупляет в отношении чиклинцев, кочующих в песках Барсуках и по западному берегу Аральского моря до Хивы, что там введение Положения пока невозможно, во-первых, по громадности пространства, препятствующего собранию старшин для предварительных совещаний и, во-вторых, вследствие невозможности для комиссии проникнуть в те места по неудобству зимних дорог и частых бурнов, препятствующих передвижениям. Что же касается Илецкого уезда (говорится далее в донесении), то после образования там при самых благоприятных условиях первых пяти волостей по Илеку, Уралу и Ори, комиссия, прибыв в 28-ю дистанцию (в вершинах реки Илека, где ныне Актюбинская волость) и образовав четыре аула, встретила в дальнейшем образовании волостей затруднение вследствие отказа народа принять новое Положение, сделавшего это заявление по наущению киргиза Саттыка Таева и главных его сподручников биев Идилыбая, Джангибая, Сапака и Турлыбая, а также и вследствие влияния на илецких киргизов со стороны хобдынцев (живущих на реке Хобде).

Все эти сведения о положении дел в степи при начале введения новой реформы (находящиеся в сообщениях губернаторов обеих областей и донесениях председателей организационных комиссий), очень ясно свидетельствуют о полной неподго-

товленности ордынских племен к принятию нового порядка вещей, с которым они совершенно были незнакомы, а если и имели о новом Положении какие-либо сведения, то в самом неблагоприятном для него свете. И все это произошло от застарелой болезни, известной под именем «канцелярской тайны».

Правда, организационная комиссия Илецкого уезда не остановилась перед первой неудачей и решилась еще раз испытать счастья, но и новая попытка ее не увенчалась успехом. Из представленной генерал-майором Баллюзеком (тургайский военный губернатор) копии с полученного им донесения упомянутой комиссии видно, что по подстрекательству мулл Ихласа, Досова, Алимжана и Джандавлета, посылавших в последних числах февраля 1869 г. своих учеников на Хобду и Илек к волнующимся киргизам, кроме ордынцев 30-й дистанции, присоединились киргизы 28-й, 29-й и 57-й дистанций и, образовав шайки от 600 до 700 человек, разъезжали по аулам и силою склоняли к бунту мирных киргизов. Все убеждения комиссии о покорном подчинении новому порядку вещей были отвергнуты волновавшимися киргизами, последние не только не хотели слушать никаких советов, но даже ни одного из посланных комиссией лиц не допускали до муллы Ихласа (главного руководителя движения) для переговоров с ним, открыто заявляя посланным с этим поручением, что они нового Положения не примут и готовы спокойно встретить смерть в случае вступления к ним русских отрядов, защищая старые порядки.

29 марта получилось, наконец, донесение и оренбургского гражданского губернатора о том, что по реке Илеку сформировалось много значительных хищнических шаяк, которые начали неприязненные действия по Илецкой линии Оренбургского козачьего войска и что Григорьевский отряд уже потерпел от бунтующихся киргизов, угнавших у жителей этого отряда скот, и что подобная же участь грозит и другим жителям линии и мирным киргизам.

Такое положение вещей ясно свидетельствовало, во-первых, о том, что ордынцы не в шутку задумали отстаивать старую жизнь и, во-вторых, указывало на то обстоятельство, что большинство киргизов было сильно предубеждено против нового Положения, которому они предпочитали даже смерть в неравном бою с регулярными войсками. Подобное обстоятельство заставило в свою очередь призадуматься и организаторов, понудив их усердно искать причины такого предубеждения. Разумеется, как того и следовало ожидать, по мнению губернаторов и председателей комиссий, прежде всего, причинами волнений служили невежество масс, не могущих понять своей пользы, подстрекательства мулл и султанов, терявших свое значение и авторитет со введением нового Положения, и всегдашняя готовность к грабежам своего рода «голытьбы», известной под именем «байгушей», из-за куска хлеба готовых на всякую дерзость.

Таковы были по официальным соображениям причины, вызвавшие последние беспорядки в степи в 1869 и 1870 гг., если еще к этому прибавить «нелепые толки» о рекрутстве натурой, об обращении киргизов в православие, о чрезмерном увеличении податей, то более причин, вызвавших волнения, по крайней мере, по официальным источникам, не оказывается.

Повторяем, таковы причины бунта по административным сведениям. Сеем, однако, думать, что правдивый историк не может удовольствоваться такими изби-

тыми объяснениями народных движений; что, всматриваясь глубже в ход событий, он непременно придет к убеждению, что выставленные администрацией причины суть не причины, а только следствия тех промахов и ошибок, которых, к сожалению, и на этот раз не умели или не хотели избежать и которые именно послужили настоящими причинами к народному возмущению, имевшему, как то увидим ниже, такие грустные последствия.

Для того чтобы убедиться в справедливости высказанного нами замечания, проследим шаг за шагом сначала за тем, как создавалось новое Положение о киргизах, а потом – с какими приемами и как приступлено было к проведению его в жизнь «полудикого народа».

Как создавалось новое Положение о киргизах читатель знаком из первой главы настоящего исследования; нам остается лишь обратить его внимание на тот факт, что все работы производились в тиши кабинетов, сначала в Петербурге, в комиссии статс-секретаря Буткова, без всякого участия в этих работах не только уж кого-либо из влиятельных и преданных нам киргизов, хотя бы в виде депутата от народа, жизнь которого хотели перестроить на новый лад и о котором не имели в Петербурге никакого понятия, но даже и из прежних знатоков степи, каковы, например, В. В. Григорьев и М. В. Ладыженский, жившие в Петербурге, не приглашались к участию в этих работах. Поэтому и труды комиссии г-на Буткова разбились о практический взгляд Александра Павловича Безака, близко знакомого со степью и культурно-нравственным качествами ее населения. Мнение генерал-адъютанта Безака тоже было отчасти плодом его кабинетных измышлений, и потому-то оно также местами грешит против истины, хотя, надо отдать справедливость покойному генерал-губернатору, его взгляд на дело преобразования в степи был единственно правдивым, целесообразным и лучше других удобоприменимым к жизни кочевников.

Комиссия Гирса, специально посылавшаяся в степь для изучения киргизского быта и для изыскания такой формы управления ордынцами, которая наиболее соответствовала бы образу жизни кайсаков, собрала много ценных материалов и с успехом провела свои взгляды в работы по проекту нового Положения, но и она, придерживаясь, вероятно, учения о канцелярской тайне, не допускала к участию в своих трудах, хотя бы и косвенному, лиц киргизского происхождения, мнения которых могли быть во всяком случае не бесполезны для комиссии.

А между тем продолжительные разъезды этой комиссии по степям немало встревожили подозрительных кочевников, нередко намеренно искажавших истину, когда к ним обращались с каким-либо вопросом, касающимся их жизни. Впоследствии степная комиссия действительного статского советника Гирса послужила к разного рода толкам и предположениям в среде ордынцев и, конечно, все эти толки и предположения не были в интересах русского правительства. Затем в дальнейших работах по устройству быта киргизов и их управления на новых началах приняла участие и оренбургская администрация. Слухи о готовящейся реформе сильно занимали оренбургское общество и толки о ней прошли «от верхнего края до нижнего» и достигли, наконец, и степи; отсюда стали приезжать в Оренбург разные влиятельные лица султанского происхождения, муллы и бии, разумеется, под каким-либо благовидным предлогом, а, в сущности, с целью разведать что-нибудь о

новой реформе. Толкаясь в дни своего приезда с разными просьбами в присутствии областного правления и в квартирах знакомых им чиновников, киргизы, разумеется, влиятельные, увозили некоторые сведения о реформе в степь, но распускали по орде лишь те слухи, которые могли предубедить народ против нового порядка вещей. Так, рассказывали они об увеличении податей почти в два с половиной раза, о назначении к ним русских начальников, о прикреплении киргизов к земле, об обращении их в православие, о рекрутстве и т. д. в том же роде. Поступая так, лица султанского происхождения и духовенство преследовали своекорыстные цели, зная по слухам, что их прибыльная роль со введением нового Положения должна кончиться, они всеми правдами и неправдами старались оттянуть на возможно дальнейшее время введение новой реформы, рассчитывая в то же время, что в случае серьезного сопротивления, оказанного ордынцами введению Положения, оно будет отложено в долгий ящик, а, пожалуй, и навсегда отменено. Верить в возможность подобных уступок приучила ордынцев прежняя политика полного невмешательства в жизнь кочевников, которой по совершенно ложному убеждению держались все бывшие администрации края, старавшиеся ладить с киргизами посредством уступок наиболее беспокойным из них, каковы были, например, Кенисара и в недавнее время Исет Кутебаров*. Правда, киргизы, как бы в благодарность за сделанные им уступки, кочевали покойно, но зато и русская власть почти в полтора столетия своего владычества не отличалась особенной прочностью: бунты Кенисары и Исета убедительнее всех других доказательств подтверждают высказанное мнение.

Теперь перейдем к тем ошибкам, которые сопровождали введение нового Положения и послужили первоначальными причинами к возбуждению бунта или создавали те вторые причины, которые были выставлены администрацией на основании заявлений, сделанных киргизами в письме к ротмистру Сейдалину, командированному для исследования причин сопротивления, оказанного киргизами Гурьевской организационной комиссии.

Первым и самым крупным промахом со стороны администрации края была та поспешность, с которой приступлено ею к введению нового положения между киргизами, тотчас по получении этого положения в Оренбурге. Как замечено нами выше, первые распоряжения главного начальства по поводу новой реформы заключались в предложениях губернаторам вновь утверждаемых областей организовать немедленно уезды и волости своих губерний; причем распоряжение это последовало столь поспешно, что решительно не оставляло никакой возможности военным губернаторам не только заготовить достаточное количество экземпляров нового положения на русском и татарском языках для распространения их по орде с целью ознакомления ордынцев с сутью нового положения, о котором они имели самые превратные понятия, но даже и организационные комиссии не могли получить экземпляров вводимого ими положения, а должны были довольствоваться краткими выписками чуть ли не из единственного тогда экземпляра положения собственно тех же параграфов, которые при первоначальной организации были нужны для

* Даже и новая реформа носила название «Временного положения», вводимого в виде опыта на два года.

сформирования уездов и волостей и заключавшиеся в инструкциях, полученных комиссиями от своих губернаторов.

Такая быстрота распоряжений решительно ничем не вызывалась и трудно объяснить, почему в Оренбурге так спешили [с] этим делом, приняв во внимание, что новое положение высочайше повелено было вводить с 1 января будущего 1869 г., что оставляло около полутора месяца на предварительные к тому приготовления. Необходимость последних вызывалась теми неприязненными новому положению толками, которые ходили между киргизами и о которых знали в Оренбурге, потому что печать, пользуясь дарованным ей правом, более чем за полгода до введения положения, предупреждала о них администрацию. Так, в № 46 газеты «Голос» за 1868 г. (от 28 мая) в корреспонденции из Оренбурга после сетований корреспондента на то, что дело преобразования степи держится в страшном секрете, мы читаем: «Недавно нам случилось говорить о степи со здешним купцом, отправляющимся в степь с товарами. Он уверял, что грабежи прошлого (1867) года около реки Эмбы были следствием устройства ярмарки в степи на реке Уиле – ярмарки, которую киргизы-адаевцы сочли за начало устройства города; поэтому говоривший с нами выражал опасение, чтобы не случилось чего-нибудь хуже прошлогодних грабежей при объявлении киргизам о переустройстве степного управления». Еще ранее приведенной нами корреспонденции «Голоса» появилась статья в «Биржевых ведомостях», тоже трактовавшая о степных делах и предупреждавшая начальство, что толки о новом положении в степи образовали две сильные партии, равно не желавшие преобразований.

Обе приведенные корреспонденции обратили на себя внимание кого следовало, в особенности первая из них, т. е. статья, помещенная в «Голосе», на голову злополучного автора упомянутой статьи посыпались в изобилии упреки, опровержения и укоризны в намеренном искажении истины. В той же газете появилась впоследствии статья одного из уездных начальников Тургайской области В. Плева [20] с целью восстановления истины, будто бы искаженной корреспондентом. В статье этой, между прочим, говорилось: «Далее корреспондент “Голоса”, говоря о предстоящих преобразованиях в степи и о том, что к преобразованиям этим несколько не подготовлены киргизы, ссылается, между прочим, на корреспондента “Биржевых ведомостей”, который говорит, что от этого степь разделилась на две партии. Корреспондент “Голоса” (продолжает оппонент) хотя и прибавляет в своей статье, что такое деление существует лишь в воображении корреспондента “Биржевых ведомостей”, но, тем не менее, соглашается с его мнением, что предполагаемым разделением степи, когда о том узнают киргизы, они останутся недовольны. По нашему мнению (гласит официальное опровержение), не правы корреспонденты обеих газет. По всему видно, что сообщаемые ими известия основываются они на одних только слухах, не будучи знакомы с тем, как об этом толкуют киргизы на месте; мы не отвергаем (значит, знали), что в степи действительно есть толки об ожидаемых там преобразованиях, но не особенно ими смущаемся (вот это-то и худо было со стороны администрации) и не придаем им большого значения, зная очень хорошо, что самое обыкновенное нововведение в степи, не говоря уже о такой реформе, как введение там нового положения, не может обойтись без

толков, столь свойственных, чтобы не сказать простительных, киргизам (!) по исключительному образу их жизни».

Таково официальное опровержение корреспонденции «Голоса», вылившееся из-под пера чиновника, служащего в управлении киргизами, опровержение, в котором без всякой застенчивости сознаются, что о толках по поводу новой реформы, ходящих между киргизами, знают, но ими-де начальство и мы нимало не смущаемся и не придаем им никакого значения, а, следовательно, прибавим мы от себя (как бы продолжая мысль автора), и мер никаких против этих толков принимать не следует.

За такое поистине легкомысленное, чтобы не сказать более, отношение автора опровержения к своим обязанностям и к тому народу, с которым он имел служебные отношения, судьба жестоко подшутила над ним. Вводя положение у илецких киргизов, г-н В. Пл-в встретил активное сопротивление введению нового положения в одной из дистанций своего уезда, вызванное именно теми толками, о которых сообщал корреспондент названной газеты. На этот раз начальник уезда не только позабыл свое олимпийское спокойствие и смутился, признав за толками некоторое значение, но в видах личной безопасности дал подписку по требованию волновавшихся киргизов не вводить у них до времени положения и вообще организационную деятельность свою приостановил, направившись в Оренбург, ради личной безопасности, по совершенно иному пути, чтобы избежать встречи с киргизами.

Говоря о статье г-на В. Пл-ва, мы должны сказать, что она отличается всеми правилами литературной вежливости, зато произведения других авторов, писавших в защиту местной администрации, которая в этом, по-видимому, совершенно не нуждалась, преисполнены были самых нелепых, самых невыносимых инсинуаций и брани частным корреспондентам газет за то, что они, исполняя долг гражданина, сообщаемыми сведениями хотели указать на зарождающееся зло и меры к его пресечению, другими словами, желали своими сведениями служить незримыми помощниками для местных властей. Но не так посмотрели на это честное дело те, которые вместо услуги видели в этом какое-то зоиство [21], исходящее будто бы из темных уголков форштадта*. Последствием такого игнорирования сведений, сообщаемых печатью об истинном положении, в которое легко может встать степь при введении новой реформы, были те затруднения, на которые мы указывали и которые встретили организационные комиссии. Так, приступая к организации уездов и волостей, комиссии, прежде всего, наткнулись на слухи о рекрутстве, православии и громадных сборах и не имели ничего, чем бы опровергнуть все эти вредные вымыслы лиц султанского происхождения, потому что не имели полных экземпляров нового положения, а имевшиеся у вводивших положение организаторов выписки различных параграфов положения без строго логической связи только убеждали киргизов в том, что в тех параграфах, которые не вошли в выписки организационных комиссий, и должно именно заключаться распоряжение о рекрутстве, православии и т. п. сведения, о которых они знали частно и которые, по их убеждению, тщательно старалось скрывать от них новое начальство...

* Форштадт – козачье предместье города Оренбурга.

От других комиссий киргизы требовали печатную бумагу о том нововведении, к которому те приступали, говоря, что такое важное дело, как перемена управления, без царской бумаги (которая, по их понятиям, должна быть непременно печатной) совершиться не может. В доказательство же правоты своих убеждений киргизы указывали на тот факт, что даже и о поимке беглых, укрывающихся в степи, рассылаются по орде печатные объявления.

Публичное объявление об изъятии киргизского духовенства и народа по делам духовным из ведения муфтия также было величайшей ошибкой администрации – ошибкой, возбудившей фанатизм до крайнего раздражения и породившей толки духовенства о том, что если киргизы спокойно подчинятся этому новому закону в течение двухлетнего опыта, то их обратят в православие. Здесь, кстати, будет заметить, что власть и влияние муфтия и до реформы были лишь фиктивными, на деле же почти все более или менее важные дела разрешались в областном правлении номинально с согласия муфтия и фактически без всякого его участия. Такой порядок, как нам кажется, будучи сохранен и в новом положении, не принес бы значительно ущерба делу преобразования степи на новых началах.

К причинам неудовольствия киргизов на новые порядки также следует отнести и назначение к ним русских начальников, как выразились ордынцы при заявлении своих доводов против принятия ими реформы. Но под понятием русских начальников не следует разуметь вообще русских чиновников, так как с русскими попечителями они давно были знакомы; под понятием русского начальника киргизы разумели уральцев, с которыми они в вековой вражде из-за поземельных отношений. Это предположение тем вероятнее, что ордынцы высказались не в пользу русских начальников в пределах Уральской области.

Господин Юр-ко (брошюрой которого мы пользуемся для описания волнений в Уральской области) в своей статье старается опровергнуть существование в действительности вражды между Уральским войском и киргизами. Вот что говорит он по этому поводу: «В нашей прессе указывалось не раз, что киргизы и уральцы, как исконные враги, никогда не могут жить дружно между собою и что по одному этому, если бы не существовало никаких других причин, киргизы непременно должны были бы восстать при слиянии с уральцами в одну область». С этим мнением прессы г-н Юр-ко отчасти соглашается, говоря, впрочем, «что в нем есть доля правды, а и того более правды», и указывает следующие резоны: «Уральские козаки, – повествует г-н Юр-ко, – положительно не могут обходиться без киргизов. Торговля козаков направлена по преимуществу в степь; все домашние работы, пастьба скота, рыболовство и сенокосение совершаются через наемных киргизов. Такая взаимная необходимость народов в друг друга, – по мнению г-на Юр-ко, – основанная на взаимности экономических выгод и интересов, должна привести их к полному замирению»*. Как на доказательство справедливости этой мысли г-н Юр-ко ссылается на факт принятия положения прилинейными киргизами, что, по его убеждению, при взаимной враждебности двух названных народностей было бы немислимо.

* «События в степи Уральской области в 1869 г.», брошюра Юр-ко, изд. «Уральских ведомостей».

Мы не станем входить в пространные препирательства с г-ном Юр-ко по этому поводу и не будем вдаваться в разрешение вопроса: какая доля правды заключается в его предположениях о замирении киргизов с уральцами взаимностью экономических выгод обоих народов. Заметим только, что экономические отношения «бай-гуша» (батрака) к козаку-хозяину не могут быть признаны нормальными и притом одинаково прибыльными как для труда, так и для капитала.

Не признавая, таким образом, за экономическими отношениями, какие существуют теперь между уральцами и киргизами, значения примиряющего начала, мы не можем согласиться и с другим положением г-на Юр-ко, в котором он старается объяснить эту враждебность киргизов другими причинами. Так, он указывает как на причину некоторой враждебности киргизов к уральцам на усмирение последними киргизских мятежей, вспыхивавших в степи в прежнее время. «По понятиям киргизов, – говорит г-н Юр-ко, – поддерживаемым Кораном, они имеют право на кровомщение».

Если бы это в действительности было так, и на пути к сближению киргизов с уральцами не лежало других исторических причин враждебности их отношений, то подобные же чувства кровомщения ордынцы питали бы и к Оренбургскому войску, которое не менее уральцев принимало участие в подавлении киргизских смут. Очевидно, что причин этих следует искать не в кровомщении, а в чем-либо другом...

По нашему мнению, корень этого векового раздора двух названных народностей следует искать в вековом споре уральцев и киргизов из-за обладания левым берегом Урала и Между-Узенским участком. Правда, спор этот в настоящее время решен в пользу уральских козаков, но, тем не менее, вражда из-за этих земельных участков еще долго будет служить яблоком раздора между кайсаками Уральской области и козаками. Дело в том, что киргизы издавна привыкли считать эти земли своими, и немудрено, что вековое заблуждение, если только это было заблуждение, так как уральцы основывали свои права на самых шатких доказательствах, не может в глазах ордынцев быть рассеяно сразу. И потому-то они не скоро помирятся с совершившимся фактом. Да и в самом деле легко ли, например, для Внутренней, или Букеевской, орды привыкать к мысли об утрате Между-Узенского участка, на котором кочевало до 20 000 душ, теперь не знающих, куда приклонить голову?

Поэтому-то мы тоже почитаем ошибкой со стороны местных властей старание уверить киргизов, что замена султанов-взяточников и грабителей честными русскими начальниками поведет к вящему преуспеянию их материального быта. Нет спора, что указания на притязательность и лиходействие султанов совершенно справедливы, но не следует забывать, что в султанах киргизы видели своих законных властителей и на их взяточничество, с русской точки зрения, смотрели как на тяжелую, но вполне законную подать своему владельцу. Тогда как в притязаниях (даже и совершенно справедливых), заявляемых уральцами на те земли, что ныне отошли к названному войску, киргизы видели насилие и захват вполне незаконные, за которыми они вправе были прозревать новые притязания и захваты, и потому-то ордынцы не особенно радовались замене султанского управления уральским.

Ко всему сказанному нами следует прибавить, что киргизы не могут простить уральцам и того высокомерия, с каким последние относятся к киргизу, который, по

их понятию, не человек, а «собака». Все это взятое вместе не может не породить сомнений в близком и в окончательном замирении обеих народностей. Правда и то, что вражда киргизов не простирается на все Уральское войско, но, главным образом, направлена против чиновных представителей этого войска, начиная с урядников, в которых собственно, а не в простых козаках, киргизы и видят виновников их последних материальных утрат. Справедливость заставляет нас сказать, что вражда эта не простиралась и на молодое поколение уральских офицеров, на долю которых выпал завидный жребий своим человеколюбием и гуманным обращением содействовать не только примирению киргизов с уральским начальством, но и заставить первых не жалеть о временах султанского управления.

Переходя затем к изложению самых беспорядков в Киргизской степи, мы считаем нужным обратить внимание читателей еще на факт тождественности упомянутых нами ошибок с промахами администрации дней давно минувших, как явление весьма знаменательное. Вопрос разъясняется очень легко, стоит только припомнить, как отнеслись местные власти к печати и к голосу общественного мнения. Как высокомерно отнеслись власти к общественному мнению и советам печати, читателю известно из настоящего исследования; нам остается лишь прибавить, что такое высокое мнение о своем всеведении и умелости не позволили официально самолюбию спуститься до советов людей, хотя и знающих край, но не почтенных доверием начальства в то время, когда пришлось уже действовать и когда жестокая действительность без сожаления показала администрации всю ее неопытность в делах такого рода, как введение нового строя жизни у полудикого народа.

Поставив себя в такое изолированное положение, администрация края поневоле должна была обратиться за примерами для своих действий к практике дней минувших; по всей вероятности, из примеров «доброе старое времени» власти почерпнули мысль, что стоит только им приказать ввести положение и все дело будет сделано в мгновение ока. Такое предположение только одно в состоянии объяснить нам ту тождественность ошибок нового и старого времени, какая замечена нами выше. Из практики же прежних дней, вероятно, обречено и указание на «нелепые толки злонамеренных людей» (с прибавкой к последнему понятию султанского происхождения) и на невежество народа, неспособного понять своих выгод, как на причины последнего киргизского движения.

Мы не станем, конечно, оспаривать, что киргизы – народ невежественный, но не можем отказать себе в удовольствии заявить в печати, что здравый смысл этого народа дал ему возможность отлично понять и уразуметь те стороны нового положения, которые казались ему выгодными. Так, киргизы отлично воспользовались выборным началом там, где введено было положение, не избрав ни одного султана в аульные старшины или волостные управители.

В виду этого красноречивого факта невольно задаешься вопросом: одно ли народное невежество виновато в последней смуте? Или виновность в этом несчастном событии должны разделять с темным народом и те, чьи ошибки дали возможность ненавистникам новой реформы употребить народное невежество как пригодное орудие для оказания посильной оппозиции новому порядку вещей и для достижения своекорыстных целей?..

III

*Положение дел в степи в марте 1869 г. – Паника линейцев и жителей города Илецка. – Мятеж принимает широкие размеры. – Разногласие администрации; невозможность действовать оружием и ее причины. – Киргизы Кекин, Айчуваков и стерлибашевский мулла, действующие в пользу умиротворения степи**

Дела в Оренбургской степи принимали с каждым днем все более и более серьезный оборот. С марта месяца волнение киргизов получает определенную форму и характер. Брожение умов и толки о непринятии киргизами новой реформы переходят к делу: сначала формируются партии барантовщиков, которые вскоре затем сплываются в значительные по численности шайки хорошо вооруженных людей, имеющие каждая своего начальника или руководителя. Так организовались в Тургайской области отдельные группы вооруженного восстания по рекам Илеку и Хобде, а в Уральской – почти повсеместно. Шайки эти имеют не только непрерывное сообщение между собой в обеих областях, но постоянно сносятся чрез нарочно посылаемых почтарей и с киргизами, кочующими на Усть-Урте, как бы желая согласиться насчет одинакового образа действий повсюду, где обнаружилось движение. Словом, с марта месяца 1869 г. в степи замечается лихорадочная деятельность, принимающая реальные меры к воспрепятствованию введения у ордынцев нового положения и угрожающая спокойствию края.

Такой оборот дел в степи, прежде всего, отразился паникой на прилинейных жителях. Паника эта обнаруживалась говором прилинейных козаков о том, что с наступлением весны у них угонят весь скот и сожгут дома. По рассказам линейцев, слух этот был основан на угрозах самих киргизов, которые будто бы не стеснялись заявлять об этом линейным жителям. Подобным угрозам со стороны ордынцев козакки тем более расположены были верить, что слышали такие грозные известия в виде предостережений из уст своих хороших степных приятелей, советовавших козакам во избежание ограбления продать или угнать подальше свой скот и припрятать имущество. Такое общее тревожное состояние отразилось и на жителях Илецкой Защиты, известной своими соляными копиями**.

Здесь страх за свое имущество и жизнь проявился несколько комически. В 12 часов ночи с 9-го на 10-е число марта распространился по городу слух, что к нему подступают киргизы. Городского надзирателя не было в городе, и его помощник поднял тревогу, забили в набат. Мужчины, женщины и дети, кто с вилами, кто с дубиной, с кочергой, кто с чем попало, бегут к церкви, забираются в самую церковь и посылают просить священника служить молебен; рассказывают, что с просьбой о молебне приступали так усердно, что выдавили в доме священника окно, и хозяин,

* Дела канцелярии генерал-губернатора. Неизданная записка о беспорядках в степи в 1869 и 1870 гг. Брошюра Юр-ко «О событиях в степи Уральской области». Корреспонденции «Современных известий».

** Мы приводим рассказ о переполохе жителей города Илецка как факт, какому страху поддавались даже местности, близкие к Оренбургу, ввиду развивающегося восстания; что же испытывали жители тех местностей, которые соприкасались со степью?

раздосадованный, вероятно, причиненным ему убытком, наотрез отказал просителям в их просьбе.

В минуту этого переполоха все потерялись и все бессознательно в страхе повторяли одну только фразу: «Подступают!.. Подступают!..» Даже местное чиновничество переполошилось, а некоторые дамы перепугались до обморока. В эту более тягостную и грустную, чем смешную для илецких жителей минуту, когда уже была отправлена в Оренбург летучка с известием о нападении киргизов и с просьбой о помощи, в город вернулись из станицы Буранной чиновник и лекарь, успокоившие жителей города Илецка, что никакой опасности городу со стороны киргизов не грозит и что поэтому следует вернуть эстафету и спокойно разойтись по домам.

Поводом к такому страху илецких жителей, как рассказывает предание, послужил следующий факт. Верстах в трех от города расположен какой-то завод, все население которого состояло будто бы из старика и старухи; ночью, как полагают, кошка выбила стекло в том помещении, где жили старики, потому что стекло выпало наружу, а не внутрь избы; старуха, испугавшись спросонок, бросилась к окну, приняла столбы навеса за киргизов, а порез о стекло – за рану от нападающих, сей час заставила старика запрячь лошадей и гнать в город, где известие о нападении и подняло описанную нами тревогу*.

Между тем дела в степи вообще и в Уральской области в частности день тот дня становились все хуже и хуже. Уральский военный губернатор, убедившись, что дело введения нового положения между киргизами Уральской области не может окончиться мирно в виду формирующихся шаек, готовых с оружием в руках отстаивать старый у киргизов порядок вещей, настаивал у главного начальника края о принятии мер сильных и скорых для рассеяния бунтовщиков, пока мятеж не охватил еще всей степи и пока волнующиеся бродят отдельными шайками, прочие же ордынцы находятся в выжидательном положении, не решаясь примкнуть к восставшим.

Появление в степи русских отрядов и разгромление бунтовавших киргизов могло, несомненно, произвести в степи впечатление панического страха, а наказание виновных в вооруженном восстании легко могло привести прочих ордынцев к безусловной покорности русской власти и принятию положения. Однакож эти предположения генерала Веревкина не были встречены сочувственно в Оренбурге: во-первых, потому что главный начальник края, по чувству гуманности, не хотел до времени употреблять против киргизов военную силу, не теряя надежды ввести положение у них мирным путем; и, во-вторых, потому еще, что Оренбургский округ в данный момент не располагал такими военными средствами, которые могли быть с успехом употреблены для усмирения мятежа, к чему и самое время весенней распутицы было мало благоприятным.

Такое критическое положение края в военном отношении произошло от того, что все подвижные войска, которыми он располагал прежде, были передвинуты в Туркестанский округ, и для действия надо было бы формировать отряды преиму-

* Корреспонденция «Современных известий», 1869 г., № 87.

щественно из козаков Уральского и Оренбургского войск, что не могло сделаться тотчас же и на что потребовалось бы довольно много времени.

Еще в большей степени затруднял быстрое движение отрядов в степь недостаток в перевозочных средствах, которых лишился край со времени возмущения киргизов. А, между прочим, отряды, действующие в степи, должны иметь с собою продовольствие на все время похода, что требовало громадных перевозочных средств, которые совершенно неизвестны войскам, действующим на наших западных границах.

Оренбургский край всегда считался богатым перевозочными средствами, и такое понятие совершенно справедливо, если иметь в виду и степь, которая действительно обладает большим числом лошадей и верблюдов, но бунтующаяся теперь степь, конечно, не могла уже служить источником для приобретения средств к перевозке. Устранив же перевозочные средства степи, останется край едва ли не беднее перевозочными средствами других губерний России, в особенности, если принять во внимание его малонаселенность. Если, наконец, та часть края, о которой мы сейчас говорили, хотя и нелегко, но все-таки могла выставить требуемое количество лошадей, волов, телег и т. п., то являлось бы новое, не меньшее затруднение: откуда получить достаточное число подводчиков и убедить последних не только следовать всюду за отрядами, подчиняясь в походах всем требованиям военных порядков, но и быть готовыми всякую минуту подвергать жизнь свою опасностям наравне с людьми тех отрядов, при которых они находились? Впоследствии при стычках с киргизами бывали случаи не только легкого увечья подводчиков, но и самой смерти их от руки нападавших на отряды киргизов.

При подобных обстоятельствах неудивительно, что цена на подводу сделалась очень высока: за телегу одноконную или пароволовую брали в месяц от 40 до 50 и более рублей*.

Во Внутреннюю орду нарочно посылался чиновник интендантства, чтобы нанять верблюдов и вожаков, но киргизы этой орды, опасаясь за свою жизнь (и, конечно, тайно сочувствуя мятежникам), не соглашались быть жожаками ни за какие деньги и отделались пожертвованием 400 верблюдов в распоряжение начальства. Впоследствии главный начальник края отдал этих верблюдов в распоряжение уральского военного губернатора, так как область эта, по словам г-на Юр-ко, испытывала наибольшие затруднения в отыскании перевозочных средств. Кроме киргизов Внутренней орды, некоторые из зажиточных уральских козаков также пожертвовали до 70 верблюдов и несколько юламеек (войлочных палаток).

Все эти пожертвования в значительной степени облегчили устройство перевозочных средств при отрядах, впоследствии имевших выступить в степь с Уральской линии. Такие обстоятельства, естественно, ставили генерал-губернатора в необходимость отвечать отказом генералу Веревкину на его представления действовать на мятежников силой оружия.

В течение марта, пока велись переговоры с уральским губернатором, дела в степи заметно ухудшились: один за другим стали появляться самозванные ханы – Бер-

* Юр-ко «События в степи Уральской области в 1869 г.», изд. «Уральских войсковых ведомостей».

кин, Сеиль, султан Арасланов, мулла Рискул, Айбасов и Мамбет-Али, окруженные своими приверженцами, которые грабили и своих, и чужих. Восстание развивалось безостановочно, дерзость бунтующихся дошла до того, что они не только стали угонять козачий скот с линии, но, переходя за Урал, делали нападения на форпосты.

Видя восстание развивающимся, главный начальник края признавал необходимым создать по возможности скорее вооруженную силу к его укрощению. По представлению генерал-адъютанта Н. А. Крыжановского части войск, которые имели с наступлением весны выступить в Туркестан или на смену, или на усиление войск того округа, распоряжением Военного министерства были оставлены в ведении оренбургского генерал-губернатора, но все же войска эти тотчас не могли быть употреблены в дело, с одной стороны, потому, что начиналась весенняя бездорожница, а с другой, потому что отряды эти нужно было снабдить продовольствием, по крайней мере, на все предстоящее лето. Последнее обстоятельство рождало новые затруднения: в самое короткое время предстояло заготовить такую массу продуктов, чтобы с наступлением весны отряды могли двинуться в степь совершенно обеспеченные в продовольственном отношении. Отряды эти не могли выступить в поход, имея с собой муку, им нужны были сухари, а интендантство отказывалось выдать провиант в сухарях ввиду краткого срока на их заготовление. Пришлось обратиться к услугам жителей края, которые и взяли на себя труд печения сухарей для войск, имевших выступить в степь. По словам г-на Юр-ко, жители города Уральска, Илецкого городка, Калмыковской крепости, Гурьева и некоторых форпостов деятельно принялись за печение сухарей, чем оказали большую услугу правительству.

Вместе с отрядами предположено было командировать в степь две областные организационные комиссии в Уральскую и Тургайскую области, на обязанности которых лежало введение положения мирным путем.

Обстоятельства слагались, таким образом, крайне неблагоприятно для администрации края, лишая ее возможности ранее месяца мая выдвинуть войска в степь, в которой мятеж разгорался, в то время как власти самым порядком вещей осуждены были на полное бездействие. Понятное дело, администрация не могла оставаться равнодушной зрительницей всего происходившего на ее глазах; она употребляла всевозможные усилия, чтобы найти такие средства, которые, по крайней мере, могли бы удержать от бунта тех киргизов, что находились еще в выжидательном положении и не рисковали примкнуть к явным мятежникам. Отыскивая такие средства, главное начальство края сделало еще важный промах: оно решилось уклониться от основной мысли нового положения о киргизах, т. е. решило воспользоваться услугами духовенства и влиятельных ордынцев, влияние которых на народ признавалось вредным и которое поэтому так тщательно старались устранить в новой реформе.

К участию в подавлении мятежа мирным путем приглашены были киргиз Баядиль Кекин [22], султан Баймухамед Айчуваков [23] и пресловутый шарлатан, мулла селения Стерлибаш (Стерлитамакского уезда Уфимской губернии), известный под именем «ишана» (т. е. святого при жизни). Первый из названных лиц Баядиль Кекин, польщенный вниманием к нему главного начальника края, вопреки уверениям илецкого уездного начальника, давал обещание привести к генерал-губернатору двух главных руководителей восстания, действовавших в пределах Тургайской об-

ласти, Саттыка Таева и султана Арасланова. Конечно, эти обещания не были им выполнены, и Кекин, находясь вместе с уездным начальником, спасся от смерти лишь поспешным бегством.

Баймухамед Айчуваков был посылаем, но также безуспешно, к киргизам Уральской области, причем командирование сего последнего вызвало новое разногласие в действиях администрации. В то время как генерал-адъютант Крыжановский возлагал большие надежды на Айчувакова, уральский военный губернатор арестовал его семейство по подозрению в изменничестве*.

Стерлибашевский ишан (мулла) также оказал услугу администрации, написавши по просьбе генерал-губернатора род окружного послания к киргизам, в котором увещевал ордынцев принять новое положение [24]. Но это послание не имело ровно никакого успеха, как и изданное далеко ранее последних мер объявление от главного начальника края, в котором Н. А. Крыжановский старался познакомить ордынцев с той пользой, которая вытекает для них из нового порядка вещей, убеждая киргизов в знак признательности за милости, оказанные им императором, принять с благодарностью новое положение.

Как много было во всех этих распоряжениях административного такта, представляем сделать вывод самим читателям, от себя же заметим лишь то, что подобные отступления, сделанные администрацией, от основных мыслей нового положения свидетельствует о полной растерянности ее ввиду того оборота, какой приняли степные дела в течение марта месяца, доведя администрацию края до горького сознания своей беспомощности и бессилия.

По нашему мнению, такое критическое положение генерал-губернатора произошло оттого, что ему вовремя некому было подать разумного совета, основанного на твердом практическом знании края и его особенностей. Последнее обстоятельство явилось вовсе не случайно и не потому, чтобы в числе лиц, окружающих главного начальника края, не было людей способных и обладающих административными познаниями, утверждать что было бы не только несправедливо, но даже нелепо; затруднения же эти возникли просто потому, что лица, стоявшие на верхних ступенях служебной иерархии, не успели достаточно ознакомиться с бытовыми особенностями Оренбургского края. А это обстоятельство произошло в свою очередь от установившегося издавна ложного взгляда на легкость управления таким краем, как Оренбургский.

Край этот отличается существенно от внутренних губерний многими совершенно своеобразными особенностями, неизвестными в России и зависящими от разноплеменности и разнoverия его населения; здесь каждое племя имеет свою религию, культуру, предание, пожалуй, историю и бездну чисто бытовых особенностей. Поэтому такой край в отношении управления им может и для опытного администратора внутренних губерний представить бездну затруднений, если он, не изучивши хорошенько края и всех его особенностей, вздумает действовать в нем вполне самостоятельно, полагаясь лишь на свою опытность, честность и благонамеренность.

* Сообщение уральского военного губернатора (дела канцелярии оренбургского генерал-губернатора).

Кто-то остроумно сравнил Оренбург с почтовой станцией, и это совершенная истина: как там с переменной почтосодержателя являются новые работники и лошади, так и здесь к новому начальнику являются новые сотрудники; как там новые работники, отлично управляя лошадьми, завозят проезжающих по неведению дорог вместо станции в другое какое-нибудь селение, так и здесь отличные дельцы по неведению края могут при всей своей благонамеренности и энергии, стремясь к известной цели, достигнуть результатов диаметрально противоположных тем, которых ожидала новая администрации от деятельности своих сподвижников.

Поэтому-то все администраторы, получающие назначение на такой пост, как оренбургский, делают величайшую ошибку, набирая с собой лиц на высшие должности в крае, предварительно не убедившись в бесполезности и неблагонадежности лиц, занимавших эти места при прежних начальниках. Правда, на второстепенных и третьестепенных местах остаются лица, успевшие приобрести достаточное знакомство с краем, но, спрашивается, кто из этих чиновников осмелится явиться в кабинет главного начальника и отважится учить его, как следует ему поступить в том или другом случае?

Для таких лиц остается одно средство: прибегнуть к печати. Но это средство сопряжено с риском потерять место, ибо из практики известно, как начальство неодобрительно смотрит на таких местных «зоилов», которые за неуместную смелость часто лишаются своих должностей, хотя здравый смысл и подсказывает, что деятельность администрации есть деятельность публичная, вполне подлежащая общественной критике, иначе зачем бы, например, было допущено печатание в «Правительственном вестнике» извлечений из ревизии, произведенной в Пермской губернии сенатором Клушиным?

IV

*Действие отрядов в степи Уральской области. – Критическое положение отряда подполковника Штемпеля. – Уральская областная организационная комиссия. – Бегство действительного статского советника Юрковского. – Отступление отрядов на линию**

Апрель месяц прошел в приготовлении тех сил, которые предполагалось выдвинуть в степь Уральской области для действий против мятежников силой оружия и для возведения укрепленного пункта при реке Уиле.

С мая месяца силы эти, последовательно выдвигаемые в Уральскую степь, состояли из 13½ сотен уральских и оренбургских козаков, одной роты Оренбургского губернского батальона, местной уральской команды и четырех орудий Оренбургской козачьей конной артиллерии, что составило цифру 2700 вооруженных людей.

Первый отряд выступил в степь 6 мая на урочище Казыбек, где предполагалось возвести укрепление. Отряд этот, находясь под начальством подполковника Штемпеля, состоял из двух сотен уральских козаков и роты губернского батальона при

* «События в степи Уральской области в 1869 г.», брошюра Юр-ко и неизданная записка о беспорядках в степи в 1869 и 1870 гг.

двух орудиях. На Казыбеке по примеру прежних лет должна была открыться весенняя ярмарка, но на этот раз киргизы предпочли еще до прихода туда отряда часть ярмарочных построек уничтожить и поделаться из них себе копыя, как об этом было слышно в то время.

Вслед за этим отрядом должна была выступить из Уральска организационная комиссия г-на Юрковского под конвоем трех сотен, имевших с собой запас продовольствия (на три месяца), но сильные бури задержали отряд на переправе через Урал, так что он мог выступить только 19 мая.

24 мая отряд остановился на дневку у речки Куперле (Танас) Анкаты, в расстоянии 80 с лишком верст от Уральска; здесь председатель комиссии узнал, что отряд Штемпеля подвергся нападению скопища до 20 000 киргизов при озере Джамансай*. Обстоятельство это показалось настолько грозным непривычному к военному делу действительному статскому советнику Юрковскому, что он не рискнул двинуться далее, о чем и донес уральскому военному губернатору. Три предписания, одно за другим, были посланы генералом Веревкиным председателю комиссии (Юрковскому), чтобы, не теряя времени, идти на соединение с бароном Штемпелем, но гражданский военачальник, не отличаясь воинственностью, не исполнил этого приказа. В это время киргизы распустили слух, что отряд Штемпеля уничтожен. Этот слух окончательно смутил Юрковского и он решительно потерял всякую охоту, воспользовавшись случаем, доказать свету, что и вицмундир¹, поставленный в качестве главнокомандующего, может покрыть себя неувядаемой славой военного героя.

Безусловно веря этому слуху и опасаясь, по всей вероятности, чтобы и его отряд не постигла горькая участь отряда Штемпеля, председатель комиссии, признавая, что теперь заниматься организацией киргизов было бы совершенно немислимо, предпринял отступление. Простояв совершенно бесполезно пять дней при Танас-Анкаты, 29 мая отряд начал отступать, но не к Уральску, который находился ближе к месту действия, а кружной линией, но зато совершенно безопасной от киргизов дорогой на Илецкий городок. 1 июня отряд достиг речки Караганды, верстах в 60 от городка, отсюда Юрковский, бросив отряд, уехал в Илецкий городок, откуда прибыл совершенно больной в Оренбург, где встретив холодный прием, как полагал он, за свою трусость перед неприятелем и за неуспех в возложенном на него поручении относительно организации киргизов, г-н Юрковский просил об увольнении от занимаемой им должности вице-губернатора Тургайской области.

Хотя осуждать человека, всю жизнь проведшего в гражданской службе, за трусость, качество, бесспорно, постыдное в военных людях, было бы очень странным со стороны администрации, но не следует забывать, что администрации этой в то время некогда было разбирать, кто трусил – статский или военный? Она видела только одни неудачи и, раздражаясь, не могла видеть вещи в настоящем их свете.

После бегства главноначальствующего, отряд г-на Юрковского под командой подполковника Рукина повернул было назад и пошел на соединение со Штемпе-

* Юр-ко «События в степи Уральской области».

¹ Вицмундир (от *лат.* *vice* «вместо, наподобие» + мундир) – в Российской империи до 1917 г. форменная одежда гражданских чиновников в виде фрака.

лем, но уже было поздно, ибо Юрковский бесполезно потратил две недели времени, столь дорогого в военных делах.

Отряд барона Штемпеля действительно в течение семи дней подвергался нападению киргизов до 20 000 человек*; это был самый горячий их натиск. «Никогда, быть может, – говорит г-н Юр-ко, – киргизы не собирались в такую огромную толпу и, несмотря на громадное превосходство в силах, успели лишь отбить при первом натиске (когда обоз более чем в 300 телег был растянут на несколько верст) только 13 телег с овсом и сухарями. Во все время атак в отряде убито два козака (один из них подводчик) и пять ранено (в том числе два подводчика)». По прибытии на Казыбек киргизы оставили отряд в покое; здесь оказалось, что отряд истощил все свое продовольствие (он был снабжен только путевым запасом). Барон Штемпель, составив об этом обстоятельный акт, начал отступление к ближайшему пункту линии – к Калмыкову, отстоящему от Казыбека в 150 верстах, и прибыл сюда 7 июня.

Таковы результаты первых военных экспедиций в пределах Уральской области.

V

*Торжество бунтовщиков по поводу отступления русских отрядов. – Трудность сообщений наших отрядов с линией. – Возобновление военных действий в степи Уральской области. – План и образ действий генерала Веревкина против мятежников. – Подавление мятежа в Уральской степи***

К началу июня (гласит брошюра г-на Юр-ко) киргизское восстание достигло своего апогея. Отступления наших отрядов к линии были празднуемы киргизами как громкие и решительные победы; надежды, воодушевление и дерзость бунтующих возросли до невероятных размеров. К мятежным скопищам стали теперь примыкать киргизы тех родов, что до этого времени оставались покойными или еще колебались, не зная, которая из двух сторон выйдет победительницей.

Положение ближайших к линии родов, попавших теперь между двух огней, стало в высокой степени критическим: с одной стороны, им угрожали грабежи и убийства за непринятие участия в бунте, с другой – им первым предстояло испытать на себе всю тяжесть ударов русского оружия, если бы они примкнули к волновавшимся ордынцам.

Положение наших отрядов за это время было так стеснено, что барон Штемпель до выхода своего на линию решительно не имел никакой возможности переслать свои донесения в Уральск. По приходе на Казыбек подполковнику Штемпелю необходимо было сообщить в Уральск об истощении продовольствия и о своем намерении отступить. Доставить это донесение вызвался хорунжий (Уральского войска) И. С. Бородин; с ним поехали в качестве проводников два преданных киргиза из находившихся при отряде. Не доезжая верст 20 до Калмыковской крепости Бородин увидел колесный обоз, который принял за принадлежащий русским купцам. Обоз этот действительно незадолго перед тем был купеческий, теперь же владел им

* Юр-ко «События в степи Уральской области».

** Брошюра Юр-ко «События в степи Уральской области» и дела окружного штаба.

Асмандык, сын самозванного киргизского хана Сеиля, который, пользуясь ошибкой Бородина, выдал себя за приказчика при обозе, но вскоре по его приказанию хорунжий был схвачен и изрублен в куски. Та же участь постигла одного из проводников Бородина, другой же успел какими-то судьбами скрыться и тем избежал участи своих спутников.

Выход из критического положения, в котором находилась русская власть в Уральской области, заключался, по мнению генерала Веревкина, в том, что для подавления почти поголовного восстания, получившего более или менее твердую организацию с ханами и другими начальствующими лицами, необходимо употреблять не мелкие отряды, действующие на разных отдаленных пунктах, без всякой между собой связи и, по слабости своей, вынужденных держаться оборонительной системы действий, но сосредоточение в важнейшем месте степи сил, достаточных не только для отражения, но и для совершенного рассеяния всякого киргизского скопища. Важнейшей местностью в Уральской области в стратегическом отношении нужно было признать бассейн Уила, как по его центральности, так и по изобилию в окрестностях его, в особенности при среднем и нижнем течении, корма и воды; сюда действительно группировались все бунтующие массы киргизов. Если бы бунтовщикам было нанесено здесь поражение, то отступить им на север и запад к Оренбургской и Уральской линиям было невыгодно и даже невозможно, потому что с каждым шагом вперед они приближались к козачьим селениям и форпостам; при отступлении же на восток они неизбежно встретились бы с отрядами, расположенными в Тургайской области; оставалось отступление к югу, где, переправившись за Эмбу, они были почти вне опасности, но здесь сама природа заграждала путь – скудная растительностью и водою местность не позволила бы двигаться большими массами.

На основании этих соображений генерал Веревкин составил следующий план действий: стянуть к Калмыкову возможно больше сил и двинуть их под своим начальством к Уилу. Тотчас же стрелковая рота и полторы сотни [козаков] двинуты на подводах из Уральска в Калмыков. Подполковнику Рукину предписано направить движение на Калмыков и остановиться в таком от него расстоянии, чтобы отряд его можно было легко поддержать из Калмыкова. Сверх этого было предписано двум начальникам отрядов, высланных из Оренбурга в Уральскую степь, артиллерии подполковнику Веревкину с отрядом из двух оренбургских сотен при двух орудиях и полковнику графу Комаровскому с отрядом из двух сотен и стрелковой роты, посаженной верхом на лошадей, исполнить следующее: первому – с Кийла перейти на Уил и двигаться вниз по нему до Казыбека, второму – из Эмбенского поста (куда он прибыл незадолго перед тем) идти к верховьям Чийли, Аще-Уила, отсюда вниз по Уилу. Таким образом, все отряды направлялись к среднему течению Уила.

В Калмыкове стояла с первых чисел июня Уральская местная команда, предназначенная для работ по возведению нового укрепления на Уиле; она была обременена громадным обозом, в котором было местное довольствие команды, двухмесячный запас продовольствия для отряда Штемпеля и инженерные тяжести для предполагаемого укрепления.

По приезде в Калмыков военный губернатор приказал отряду Штемпеля, стрелковой роте, полутора уральским сотням и местной команде выступить в поход 21

июня из Калмыкова; 25-го числа эти войска соединились с отрядом Рукина. Движение это и последовавшие затем действия генерала Веревкина решили участь киргизского восстания.

Рукин стал 17 июня в трех больших переходах в местности, обильной кормами и водой. Узнав об его остановке, киргизы двинулись было с Уила против него в огромной массе, но, проведав о наступлении генерала Веревкина, не решились сделать нападение и отшатнулись опять к среднему течению Уила.

Соединенные силы названных отрядов (шесть с половиной сотен, стрелковая рота, рота губернского батальона и местная команда при двух орудиях и с огромным обозом, всего не свыше 1500 вооруженных людей) двигались до 27 июня. В этот день генерал Веревкин получил известие, что киргизские скопища, намеревавшиеся напасть на Рукина, обратились теперь против слабого отряда подполковника Веревкина, что отряд этот в этот день находится на Казыбеке, в расстоянии 50 верст от бивуака соединенных отрядов. Приказав подполковнику Веревкину держаться на Казыбеке, военный губернатор взял три сотни Рукина и стрелковую роту при двух орудиях и, оставив прочие войска и обоз под начальством барона Штемделя, форсированным маршем двинулся к Казыбеку, куда и прибыл 28 июня к вечеру. Отряд своего однофамильца генерал Веревкин застал уже совершенно спокойным. Киргизские скопища, не перестававшие тревожить его в течение нескольких дней, узнав о движении военного губернатора за день до соединения отрядов, совершенно рассеялись.

Киргизы, потеряв надежду разбить и уничтожить наши прежде разрозненные и слабые отряды, видя также, что сила русских растет, начали оставлять шайки и разбегаться в разные стороны. Чтобы окончательно повлиять на дрогнувший дух бунтовщиков, военный губернатор приказал подполковнику Веревкину двинуться вверх по рекам Уилу и Кийлу, но он бунтовщиков нигде не встретил и вышел затем на Оренбургскую линию, где ему необходимо было запастись продовольствием для отряда. Подполковнику Рукину приказано было двинуться вниз по Уилу и настигнуть бегущих мятежников. Рукин с тремя сотнями, пройдя на рысях 30 верст, нагнал в песчаных барханах шайку, быстро атаковал ее и мгновенно рассеял. Преследуя бегущих, он наткнулся на аул, откуда был встречен выстрелами; стрелявших постигла кара: скот их, кроме баранов, отобран.

Соединенные силы, с Рукиным включительно, прибыли на урочище Баркин на Уиле 4 июля. Это место, будучи почти в центре степи, лежащей на север от Эмбы, имеющее вблизи пресную воду, камыш и корм для скота, избрано военным губернатором под укрепление; 6 июля укрепление торжественно заложено. К концу октября укрепление было кончено; дома и казармы в нем приведены к такому виду, что в них возможно будет перезимовать гарнизону; с наступлением весны* здания и другие необходимые постройки будут приведены к окончательной годности. Работами под наблюдением строителя инженер-капитана Маресева занимался оставленный здесь гарнизон – две уральские сотни, рота губернского батальона и местная ко-

* 1870 г.

манда, здесь находится 4 орудия. Многие киргизы весьма усердно трудились над этим строящимся для их собственной пользы укреплением (что, вероятно, они сами вполне сознавали)!

Начиная с 3 июля (1869 г.) к генерал-майору Веревкину стали являться киргизы разных бунтовавших родов с изъявлением полной покорности и с желанием принять новое положение. К 7 июля такие заявления были получены более чем от 8 тыс. кибиток и вообще сделалось очевидным, что вооруженное восстание в этой части степи подавлено окончательно, но еще остались отдельные шайки, против которых были двинуты отряды.

Такое быстрое усмирение бунтующих киргизов, главным образом, надобно отнести к концентрическому направлению наших отрядов с разных сторон к среднему течению реки Уила – к важнейшему в степи пункту по расположению киргизских кочевок и по сбору на нем киргизских скопищ, а именно: отряда генерал-майора Веревкина из Калмыкова, отряда подполковника Веревкина из станицы Буранной и отряда полковника графа Комаровского от Эмбенского поста*.

Отряд подполковника Рукина (3 сотни) 16 июля был двинут с урочища Баркин сначала к устью реки Аще-Уила, а потом между рек Уилом и Сагизом, чрез пески Тайсуйган к линии для действий против китинцев, из которых часть еще не изъявила тогда покорности, а также для очищения той местности, удобной для укрывательства шаек.

Но с первых же переходов отряд был встречен китинцами самым дружелюбным образом. Одна сотня из этого отряда возвращена в августе во вновь строящееся Уильское укрепление и оставлена там для усиления на зиму гарнизона.

В августе отправлены с урочища Баркин на линию 2½ сотни козаков и одна рота стрелков; из них одна сотня распущена по домам, а в Уильском укреплении оставлены две сотни козаков, Уральская местная команда, команда Оренбургского губернского батальона (157 человек) и 14 артиллеристов при двух орудиях. Сюда же 20 октября прибыл для усиления гарнизона на зиму взвод 8-й донской конной батареи.

3 октября выслана была из Уильского укрепления одна сотня козаков на реку Сагиз в погоню за хищниками, угнавшими 21 лошадь, принадлежащих ездовым артиллерийского взвода. Сотня эта успела только нагнать и забрать довольно значительное количество скота, награбленного хищниками.

Отряд подполковника Веревкина, по возвращении с урочища Кинен на линию и по возобновлении запасов продовольствия, выступил 20 июля из Илецкой Защиты к верховьям реки Бабатая для действий против собравшегося там скопища китинцев. Во время движения отряд рассеял скопище китинцев близ реки Ку-Аиль 24 июля и забрал значительное количество скота. На обратном пути с реки Бабатая отряд не встретил уже никакой шайки и 4 августа возвратился на линию. Обе сотни этого отряда, по сопровождении транспорта в Уильское укрепление и по возвращении на линию, отправлены 26 октября по назначению на службу в Туркестанский военный округ.

* Мнение г-на Юр-ко (брошюра «События в степи Уральской области»).

Отряд полковника графа Комаровского, по возвращении с урочища Баркин к Эмбенскому посту 25 июля, был на поиске на реке Аты-Джаксы против аулов баулинцев, алачинцев и сеиковцев, отделившихся под предводительством так называемого эмира Беркиня Сарымова от аулов своих родов, изъявивших покорность; причем разорено до 1000 кибиток и отражены все нападения мятежников.

24 августа отряд этот вместе с отрядом подполковника Новокрещенова забрал на реке Ак-Джарлы-Букумбае аул из 30 кибиток, занимавшийся грабежами и принадлежащий байбактинцам, такинцам и чумичли-табынцам разных отделений.

Затем 8 сентября был послан на Усть-Урт летучий отряд в 300 человек из отрядов полковника графа Комаровского и подполковника Новокрещенова с одним ракетным станком под командой майора Приорова в погоню за хищниками, угнавшими лошадей, принадлежащих уральской сотне, находящейся в гарнизоне Эмбенского поста.

9 сентября близ родника Аизе-Булака отряд забрал скот в китинских аулах, в которых нашлось свежее лошадиное мясо и только что снятые лошадиные шкуры, на которых места тавров были уничтожены. У ачибековцев, сидевших вместе с китинцами, взято было два киргиза аманатами, с тем чтобы они кочевали за отрядом к Эмбе, так как они уверяли, что до сих пор не шли к Эмбе только из страха к сыновьям Дауда, сидевшим на Усть-Урте у Архар-Тулубая.

14 октября обе сотни из отряда полковника графа Комаровского с одним ракетным станком были двинуты от Эмбенского поста к урочищу Ходжикуль в Больших Барсуках для открытия разъездов между Эмбенским постом и Уральским укреплением. С урочища Ходжикуль оренбургская сотня направлена в Уральское укрепление, откуда 21 ноября отправлена на линию и распущена по домам, а уральская сотня с одним ракетным станком возвращена в Эмбенский пост и оставлена здесь для усиления на зиму гарнизона. Открытые разъезды между Эмбенским постом и Уральским укреплением были прекращены за недостатком подножных кормов, наступающей ненастной погодой и по случаю очищения Барсуков от шаек отрядом начальника Иргизского уезда.

Рота 3-го стрелкового батальона, бывшая в отряде полковника Комаровского, в октябре возвращена в Оренбург.

Для усиления гарнизона Эмбенского поста на зиму, кроме упомянутой сотни, посланы в октябре рота 18-го стрелкового батальона и один взвод донской батареи.

Кроме вышеисчисленных отрядов в степь Уральской области, в уезды Уральский, Калмыковский и Гурьевский были посланы конвойные отряды с организационными комиссиями под председательством уездных начальников для окончательной организации уездов и для проверки порядка управлений в организованных волостях. Сеем думать, что если б эти отряды в виду отсутствия подготовительных мер были приданы организационным комиссиям в начале их деятельности, то, может быть, присутствие войск в степи удержало бы ордынцев от мятежа и положение было бы введено, хотя и не вполне мирным путем, но с меньшими жертвами.

Независимо от всех поименованных передвижений, в ноябре была произведена рекогносцировка устьев реки Эмбы с целью избрания там пункта под укрепление. Рекогносцировочный отряд состоял из 107 пеших козаков и 50 стрелков под начальством начальника Гурьевского уезда капитана 1-го ранга Тверитинова. Из всех осмотренных мест на устьях Эмбы, Тверитинов нашел, что местность на урочище Бийбек-Тубек единственная пригодная для укрепления, но что вообще характер почвы на устьях Эмбы однообразен и имеет общее свойство равнинной страны, покрытой новейшими наносами. Но чтобы не рисковать здоровьем гарнизона в низменных устьях реки, окончательный выбор места под укрепление был отложен до 1870 г., с тем чтобы высланный туда на лето отряд был бы в состоянии ближе и лучше ознакомиться с местными условиями страны*.

(Окончание см. в № 2/2020)

1891–1982 жылдары «Русская мысль» журналында жарияланган «Записки о киргизских беспорядках 1869–1870 гг.» мақаласын және «Из истории волнений в Оренбургском крае (Материалы для истории последнего киргизского восстания). 1869–1870 гг.» еңбегі оқырман назарына ұсынылады. Авторы – Орынбор мен Самара генерал-губернаторы кеңсесінің қызметкері, Орынбор қаласының басшысы болған талантты публицист, өлкетанушы, тарихшы Н. А. Середина (1840–1915). Ол Орынбор облысы мен қазақ даласының XIX ғасырдың екінші жартысындағы тарихын жазған бірқатар мақаланың авторы. «Русская мысль» журналындағы мақала Кіші жүз қазақтарының 1869–1870 жылдардағы жаппай көтерілісі тарихына арналған іргелі еңбек, мұнда автор ресми архив құжаттарына ғана емес, сонымен қатар болған оқиға куәгерлерінің жазбаша және ауызша айғақтарына сүйенген. Н. А. Середина патша әкімшілігінің көтеріліске себеп болған әрекеттерін сынайды. Н. А. Середаның жұмысы бүгінгі күнге дейін ғылыми маңызын жойған жоқ, XIX ғасырдағы қазақтардың соңғы көтерілісінің құнды дереккөзі дер едік.

The readers are invited to the publication '«Notes on the Kyrgyz riots of 1869–1870» and the work «From the history of unrest in the Orenburg region (Materials for the history of the last Kyrgyz uprising). 1869–1870», published in the journal «Russian Thought» in 1891–1982, an official in the Chancellery of the Orenburg and Samara Governor General, Orenburg mayor, a talented publicist, historian and ethnographer; Nikolai Akimovich Sereda (1840–1915) – the author of a number of publications on the history of the Orenburg region and the Kazakh steppe of the second half of the 19th century. The article in the journal «Russian Thought» is a fundamental work devoted to the history of the mass uprising of the Kazakhs of the Junior' (Kishi) Zhuz in 1869–1870, where the author took into account not only official archival documents, but also a wide range of written and oral testimonies of eyewitnesses of the events.

Nikolai Sereda criticizes the actions of the tsarist administration that had led to the uprising. The work of Nikolai Sereda has not lost its scientific significance today, a valuable source on the history of the last Kazakh uprising in the 19th century.

* Дела окружного штаба и неизданная записка о беспорядках в степи в 1869 и 1870 гг.

АРХИВ ДЕРЕКТЕРІНДЕГІ ПАТШАЛЫҚ РЕСЕЙДІҢ ҚАДАҒАЛАУ-ЖАЗАЛАУ МЕКЕМЕЛЕРІНІҢ ӘРЕКЕТ ЕТУ ТӘСІЛДЕРІ (1867–1917 жж.)

Қазақстан тарихының өзіне ерекше назар аудартатын іргелі тақырыптарының бірі – Ресей империясының құрамында болған кезеңі. Қазақстанның оңтүстік өңірі, анығырақ айтқанда Сырдария және Жетісу облыстары (1867–1917 жж.) осы тарихи кезеңде Түркістан генерал-губернаторлығының құрамында болғандықтан ондағы полицейлік бақылау жүйесі де біртұтас ортақ еді. Ең алдымен Ресейдің өлкедегі мемлекеттік басқару жүйесі мынадай басты мақсаттарды көздеді:

– біріншіден, Түркістанды Ресейдің өнеркәсіп өнімдерін өткізетін ішкі рынокқа, сондай-ақ өлкені өзінің ішкі өнеркәсібі және басқа да сұраныстарына қажет арзан шикізат көзіне айналдыру;

– екіншіден, Түркістанды Ресейдің орталық губернияларындағы жерсіз, наразы тұрғындарын қоныстандыру арқылы отарлау аймағына айналдыру;

– үшіншіден, өлкені болашақта халықаралық империялық ықпалын жүргізетін геосаяси стратегиялық мақсатқа пайдалану.

Міне, осы шаралардың барлығы жинақтала келіп Қазақстандағы патша саясатының мазмұнын ашты. Ресейдің Қазақстандағы отарлау мәселесіне тоқталғанда осы уақытқа дейін үстем болып келген бірнеше пікірлердің болғанын жоққа шығара алмаймыз. Оның бірі Ресей отарлауының пәрменділігін төмендетіп көрсетуге ұмтылушылық, яғни ағылшын, испан, португал отарлауындағы сияқты жергілікті тұрғындар қырғынға ұшыраған жоқ делінеді. Бірақ, қандай да отарлауды ақтауға болмайды. Отаршылар ешқашан жергілікті халықтың мүддесімен санасқан емес.

Қазақ даласында әкімшілік басқару реформасын жүргізу нәтижесінде «бөліп ал да, билей бер» деген принцип жүзеге асырылды. Полиция департаментінің іс қағазында осы ұстанымға байланысты: «Қырғыз халқының бірлігін ыдырату, біздің оларға деген үстемдігіміз бен тәртібіміздің орнауын нығайтты», – делінген [1].

Міне, осы мақсаттардың барлығы Түркістандағы патша үкіметінің тірегі – әкімшілік әскери-полицейлік күштер арқылы жүзеге асырылды. Отарлау мекемелері жүйесі ішіндегі атқарушы орган, полиция қызметінде патша жарлығын орындаудағы асыра сілтеушілігі қатты көрініп, жергілікті тұрғындарға қатысты қанды террор жүргізілді. Түркістандағы полиция мекемелерінің қызметіне келсек, оған жүктелген міндеттердің Ресейдегіден өзгеше екенін көреміз. Империя орталығындағы полицияның міндеті патшаны, оның тағы мен ұлыдержавалық үкіметінің қауіпсіздігін, жалпы қылмыстар мен саяси қылмыстардың алдын алу, жазалау, қабылданған заңдар шеңберінде әрекет ету болды. Түркістандағы полиция мекемелерінің бұған қосымша атқарған қызметі, империялық отарлық мүддеден туындады. Ал полицейлік бақылау жүйесі осы көздеген мақсаттарға жеткізуге

тиіс аса маңызды құралдардың бірі болды. Сондықтан да тарихтану ғылымында бұл жүйенің арнайы зерттелуі Ресейлік отарлауды ғылыми негізде тура және терең түсінуге жол ашпақ.

Бұл мақаланың басты мақсаты патшалық Ресейдің Оңтүстік Қазақстандағы отарлық мүддеден туындаған қадағалау жүйесінің негізгі міндеттерін жүзеге асырудағы тәсілдерін архив деректері арқылы талдаудан туындайды. 1867 жылдың 11 маусымында «Түркістан генерал-губернаторлығы облыстарын басқарудың уақытша ережесі» қабылданды. Түркістан генерал-губернаторлығының құрылуымен ескі басқару жүйесі талқандалып, жергілікті тұрғындардың ұлттық және экономикалық мүдделерімен санаспаған, тар мақсаттарға бағытталған әкімшілік-территориялық басқару орнады. Ендігі жерде Түркістан генерал-губернаторлығы мен Түркістан өлкесі Әскери министрлікке бағындырылған әскери-әкімшілік арқылы басқарылды. Оның мәні, генерал-губернаторлар шексіз өкілеттілікке ие болып, саяси сенімсіздерді бес жылға дейін жер аударуға және үкіметке қарсылық көрсеткендерді әскери сотқа тартуға құқылы болды.

Облыстар басында жергілікті тұрғындарға шексіз билік жүргізуші – әскери губернаторлар отырды. Олардың билігінің Ресейдегі басқару жүйесінен ерекшелігі қаржы, шаруашылық және әкімшілік-полицейлік қызметіндегі – губерниялық басқарманы, қазына палатасы мен кейбір шаруашылық қызметтерді алмастырғаны.

Түркістан генерал-губернаторының өлкедегі қадағалау, жазалау шараларының пәрменділігінің арттыру үшін енгізген тәсілдерінің бастысы, әскери жағдайдың жарияланып, күшейтілген шаралардың қабылдануы еді. Бұның көрінісі, 1898 жылдың 30 мамырындағы № 88 бұйрық бойынша Ферғана және Самарқан облысы мен Сырдария облыстарының уездері: Ташкент, Шымкент және Әулиеата тұрғындарын қатал бақылау жағдайында делінуі негізінде мынадай шаралардың белгіленуі, архив деректерінде былай баяндалады [1]:

1) Кінә тағылғандар ісі:

а) өкіметке қарсы бүлік пен қарсылық ұйымдастыру және мемлекетке сатқындық жасағаны үшін;

ә) өкіметке қарулы қарсылық көрсету;

б) әскерге, қарауылға, күзетке, полиция қызметкерлеріне және қызмет бабындағы жалпы барлық қызмет иелеріне шабуыл жасағаны үшін;

в) кісі өлтіргені үшін;

г) тонау;

д) ұрлық;

е) темір жолдар мен составтарды әдейі бүлдіргені үшін;

ж) телеграфтарды әдейі бүлдіргені үшін – өлкенің Бас бастығына хабарланып, кінәлілерді соғыс уақыты заңы бойынша жауапқа тартып, соттау;

2) Жергілікті жерлердегі темір жол мен телеграф бағаналарын (қалалық тұрақтардан тыс жерлердегі) бүлдіруден қорғауды, жергілікті өкіметтің жауапкершілігі мен міндетіне беру;

Бұратаналардың ұйымдастырған бүлігі, темір жолдарды бұзушылар әрекеті, бұзақы, ұры-қарылардың тобының пайда болуы жайындағы хабарларды, жария қылмай, жақын жердегі полиция бөліміне хабарлау керектігі.

Қонақ үй, пәтерлер, жеке үй қожайындары бірінші күннен бастап бөтен адамдар жайында тез хабарлауға тиісті;

5) Бұратаналардың қандай да болмасын бас қосуларына жергілікті полицияның рұқсаты болмаса тиым салынады (діни жиылыстан басқасы). Қай жерде болмасын, көпшілік орында, жеке үйлерде олар осы тәртіпті сақтағанын қалалық және селолық полиция басшылары қадағалауға алу қажеттігі;

6) Бұратаналар өз болыстығы ауданынан шыққан жағдайда, қалалық және селолық полиция басшылары берген анықтамалық құжаты болуға тиістілігі.

Жоғарыда айтылған 2-6 баптарды бұзғаны үшін, кінәлілер «Мемлекет тыныштығы мен қауіпсіздігін қамтамасыз ету туралы ереженің» 15 бабына сәйкес үш айға қамауға алынады немесе 500 руб. дейінгі ақшалай айыпқа тартылады.

Қамау мен айып салу әскери губернатор құзырында, ол осы жайында өлкенің Басты бастығына мәлімет беріп отырады.

Сонымен осы бұйрық арқылы губернатордың жарлығын Сырдария мен басқа облыстарда жергілікті әкімшіліктің барлық қызметкерлерінің дәл және ешбір қарсылықсыз, сөзсіз орындауы нақтыланды [2].

Міне осы мәліметтерден шығатын қорытынды, әкімшілік-полицейлік билікті орнату арқылы патша өкіметі өз мақсаттарына жетті, территориялық тұтастық талқандалды, дәстүрлік басқару жүйесіне нұқсан келтіріліп, ел бірлігінің ұйытқысы бұзылды. Оны жүзеге асырудағы полиция қызметінің міндеті толығымен пайдаланылды.

Оңтүстік Қазақстанды отарлау барысындағы аса маңызды шаралардың бірі жергілікті тұрғындар арасындағы қобалжулар мен бүліктерді болдырмау мәселесі болды. Сондықтан аса маңызды бірнеше шаралар жүзеге асырылды. Бұл үшін ең алдымен қолға алынған іс жергілікті тұрғындардың қолындағы қару-жарақты жинап алып, оларды залалсыздандыру еді. Түркістан генерал-губернаторы 1891 жылдың 29 қарашасында Сырдария, Ферғана және Самарқан облыстары әскери губернаторларына жіберген айналымдық хатында өлкеде қарулы бұзақылардың пайда болуы, олардың кісі тонаумен айналысатындықтары туралы мәлімет бар екенін желеу етіп мынандай жарлық шығарады: «өлкедегі мұсылмандарға, жалпы азаматтарға өздерінде қару және оқ-дәрілерді ұстауға тыйым салынсын. Олардың тек қана мемлекеттік қызметтегілеріне ерекше себеппен уезд бастықтарының куәландыруымен қару-жарақты және оған оқ-дәріні дүкендерден сатып алуға рұқсат беріледі. Қару-жарақты өткізбегендер жауапқа тартылсын. Қару-жарақ ұстауға рұқсаты жоқтардан алынған қару-жарақ пен оқ-дәрілер артиллерия қоймаларына өткізілсін.

Осыны бұлжытпай орындауды сіздерге мәлімдеп отырмын. Растап қол қоюшы – генерал-лейтенант барон Вревский, бекіткен кеңсе меңгерушісі Пестровский» [4].

Жергілікті тұрғындардың қолындағы қару-жарақты жинап алумен қатар, қоныс аударушы орыс шаруаларына (қазақтардағы қару-жарақты есепке алмағанда) қару тарату орын алғаны Қазақстан Республикалық Орталық мемлекеттік архивінің «құпия» деп аталатын 73-ші қорында айтылады. Орыс шаруаларына қару таратудың себебі, олардың бөтен ел, бөтен жерде азшылық болып, қазақтар тарапынан малдарын барымталау, егіндерін таптап кететіні, қарумен қорқытып қокан-лоққы

жасайтыны себеп болды делінеді. Жетісу әскери штабының № 4259-шы 1898 жылдың 20 шілдесінде Верный қала басшысына жіберген хатында «Әскери министр Жетісу облысының орыс тұрғындарын қаруландыруды бұйырады. Верный аймақтық артиллерия қоймасынан сіздің қарамағыңызға 200 берданкі, 40 патронымен (әр қайсысына) жіберілсін. Оларды Верный қаласының сенімді деген орыс тұрғындарына тізім бойынша тегін таратылсын», – делінді [5]. Шын мәнінде деректерге жүгінсек, орыс үкіметі шаруаларды қаруландыруда қорғандан мүлде бөлек мақсаттарды көздегенін көреміз. Олардың қолына қару беру арқылы жергілікті тұрғындарға әр түрлі сылтаулармен күш көрсетіп, нағыз орысқа тән айуандыққа баруға жол ашқан еді.

Верный уезі бастығының таратылған қару-жарақты кезекті тексеруі барысындағы жазған мәліметіне тоқталайық, «Верный уезіне қарасты Михайловка, Маловодный және Зайцевскіні (қазіргі Шелек) тексеру барысында винтовкалар (бердан маркалы) мен патрондардың сақталу дәрежесі тексеріске алынды». Соның нәтижесін айта келе уезд бастығы Маловодный селениясында орын алып отырған ерекше жағдайға тоқталады. Бұл жердегі орыс шаруаларына 24 винтовка мен 960 патрон таратылғанын, оның 772 патроны қалғанын, 188-і түнгі ұрыларды қорқыту үшін аспанға атылды деген сылтау айтылғанын келтіреді. Тексеру барысында қолдан патрондар жасалатыны, селениядағы көпес Ивановтың шарап зауытының орналасуы мен Михайловка селениясында ішімдік үйінің ашылуы себепті, шаруалар арақ-шарапты керегінше алып, күндіз-түні ішімдікке салынатыны, қолдарындағы винтовкаға жауапсыз қарап, онды-солды атқылайтыны белгілі болды. Тіпті тексеріп жүрген уезд бастығы мен елдің көзінше шаруа Асенти Бортниковтың күндізгі сағат 2-де оқ атқаны да айтылған (44-к., 1-т., 1089 іс, 147-п.). Тура осындай жағдай Михайловка селениясында орын алған еді. Бұл да уезд бастығы мәліметінде кетірілген «шаруа Афиноген Туртаев қазынадан алған винтовкасымен күндізгі сағат 4-те мас күйінде көшеден өтіп бара жатқан Қарасу болыстығына қарасты тараншы Тайыр Мамед Құрбановты көздеп атып, бетінің төменгі жағын жаралады» [6].

Жоғарыдағы деректерге қарап отырсақ орыс солдатты мен полиция қызметкерлерінің аяқ басқан жерлерінде зорлық-зомбылықпен, жергілікті тұрғындардың заңдық құқығын қорғау орнына, оны аяқ асты етіп отырғанын көреміз.

1906 жылдың 21 қаңтарындағы № 187-ші Ішкі істер министрлігінің әскери губернаторларға жіберген осы құпия айналымдық хатында жандармдар мен полиция қызметкерлерінің қару қолдану тәртібі туралы айтылған «қаруды заңда көрсетілген (Жалпы-губерниялық мекемелерге қатысты... 688-ші бап) жағдайларда үзілді-кесілді және қатаң түрде пайдалану қажет. Әсіресе қарулы бүлікшілерге қатысты ешбір келісімдер мен келіссөздерге баруға болмайды, орынсыз кешіктіру мен босаңсу бұл жағдайда, тәртіпсіздіктердің одан әрі өршуіне жол беріп, оларды басуға көп күш жұмсауды қажет ететін болады», – делінген [7].

Сонымен жандармдар мен полиция қызметкерлерінің қару қолдануы заң арқылы реттелді. Әрине, империяның шеткі аймағы – Оңтүстік Қазақстанда қаруды қолдану барысында заңсыздықтардың орын алуы қалыпты жағдайға айналды. Жергілікті тұрғындардың заңға қатысты сауатсыздығы мен тілдік кедергілерін (орыс тілін білмейтін) және орыс қаруы алдындағы қорқынышын шебер пайдаланған полиция

қызметкерлерінің төменгі шендегі-лерінің өзі, орыс содырлығының нағыз үлгісі болды деуге болады.

Өлкеде бұрын-соңды болмаған, тонау, зорлық-зомбылық пен жергілікті тұрғындардың ар-намысын аяққа басу мен жазалаудың жантүршігерлік түрлері орын алды.

Жергілікті тұрғындардың малын, жанын алып, әйел, балаларды тартып алып пайдаланып болған соң керексіз зат сияқты сатып жіберді немесе құлдыққа берді (Мысалы, ҚРОММ-ның 73 «с» қорындағы мәліметте остяк әйелді 20 тиынға (копеек), баланы 10 тиынға сататыны айтылған). Жанынан түңілген қазақтардың бұл содырлыққа шыдамай қоныстанушыларға шабуыл жасап, қамыс арасына қамап оларды өртеп жіберген оқиғалары да болған.

Өлкедегі жүргізілген отарлау саясатының негізгі бағыттарының айқындалуымен қатар оны нығайтуға арналған шаралар қабылданды.

1911 жылдың 11 қыркүйегінде № 345-ші Түркістан генерал-губернаторының құпия айналымдық хатында Жетісу облысының әскери губернаторы генерал-майор М. А. Фольбаумның резолюциясы берілген [8]. Алдымен оған түрткі болған жағдайға тоқталайық, бұл мәліметті Троицк тұрағының лагерь бастығы 1911 жылдың 21 шілдесінде жіберген. Осы мәлімет бойынша, «орыс офицері салынып жатқан тас жолды аралап келе жатқанда жолдың бір жағы жар екінші жағы терең арық болатын бөлігіне келгенде, аттылы үш бұратаналар алдынан қарсы шығады. Олардың біреуі жол бермек тұрмақ, офицердің үзеңгісін қағып кетеді. Бұл орыс офицерін ашуландырып, аспанға екі рет револьверден оқ атып, жолда бұрын кездескен төменгі шендегілердің көңілін аудартып, қашып үлгерген бұратаналарды ұстауға көмекке шақырмақ болады.

Бұл оқиға Троицк жолын салып жатқан парсы жұмысшыларының көз алдында өтеді. Орыс офицері қашып үлгерген бұратаналардың аты-жөнін білмек болып оларға келгенде, парсылар офицерге қарсы айғай шумен қарсылық көрсетпек болғанда қылышын қынабынан алып, казактарды шақыратынын жариялады».

Осы мәліметтің негізінде генерал-губернатор қызметін атқарушы генерал-лейтанат Покатило, әскери губернаторларға қол астындағы уезд бастықтарына, бөлімше приставтарына, болыс басқармалары бұндай шектен шыққан жағдайларды (бұратаналардың басынуын) болдырмау керектігін түсіндіруді ұсынды. Нәтижесінде М. А. Фольбаумның резолюциясы жарық көрді.

«Көшірмесі уезд бастықтарына, бөлімше бастықтарына, приставтарға және Верный қаласы полицмейстріне бұлжытпай басшылыққа алуға: Өз атымнан ұсынарым әр қашанда есте ұстауға тиісті нәрсе ұлтына қарамастан барлық тұрғындарға қатысты заңдық тұрғыдан келу қажеттігі. Бұратаналарға қатысты жағдайларда ерекше қатаңдықты ұстанып, ең алдымен орыс азаматы және орыс мүддесі жоғары тұратынын есте сақтау. Біздің облысымызда алдыңғы орында казактар, шаруалар, мешандар, содан кейінгі екінші орында бұратаналар тұрады. Барлығы ұлы семьяның теңдей мүшелері болғанымен семьяда үлкен ағайыны мен кіші інілері болады емес пе? Біздің жұмыс істеу бағдарламамыздың негізіне қарапайым көзқарасты, яғни біз орыс рухы әлі де әлсіз Азияда емес, орыс облысында екенімізді, ондағы көне азиаттық дәстүрлер мен әдет-ғұрыптар уақытша ғана орын алып отырғанын және

оның тағдыры біреу екені не жалпы империялық азаматтыққа сіңіп кету, не жойылып, жоғалып кету. Бұратаналар бізді болашақта мұсылман дініндегі орыс шаруасына айналатын материал ретінде қызықтырады. Міне сондықтан олардың санасына орыстікі дегеннің бәріне құрметпен қарауды қатал түрде сіңіру керек. Олардың бұған бағынғысы келмегендерінің тағдыры аса қайғылы болады не олар жерсіз қайыршылықта болып аштан өледі немесе Ресей олармен қош айтысады. Бұның барлығын артық сөзсіз, жария етпей, әрқашанда ойда ұстау керек».

М. А. Фольбаумға жан-тәнімен беріліп, қызмет еткендерге тоқталар болсақ олардың кейбіреулерін ерекше атап кетуге болады:

1) Верный уезд бастығы, бұрынғы мансапқор және Жизақтағы жазалау оқиғаларына қатысқан, қатыгез, жазалаушы – полковник Павел Иванов (кейін Колчак өкіметінің соғыс министрі болды). Ол Жетісу облысындағы тәртіптің қатаюына Фольбаумның кезінде қатты күш салған;

2) Бұрынғы қоныстандырушылар ісінің меңгерушілері С. Н. Велецкий мен Шлигель;

3) Фольбаумның ең жақындарының бірі Пржевальск уезінің бастығы Валерьян Иванов, оның әрекеті нәтижесінде Пржевальск уезі толығымен күйзеліске ұшыраған еді;

4) Верный қаласы полицмейстрі Поротиков Фольбаумға интимдік жағынан өте жақын адам болды. Қызмет бабын пайдаланып аз уақытта мол байлық жинап алды. Облыста өзінің ерекше тіміскілеу жүйесін құру арқасында және Фольбауммен жақындығы арқылы, облыстың әкімшілік бүкіл билігін өз қолына алып, шексіз озбырлығымен қазақтар арасындағы көтерілістердің тұтануына себепкер болған еді;

5) Атбашы бөлімше бастығы Е. А. Хахелев, жандармдар офицерлері П. П. Астраханцев пен Д. С. Соколов, А. П. Поротиковпен біріге отырып, облыста көптеген бассыздықтарды жүзеге асырды. Бұлардың кезінде, әсіресе Поротиков кезінде құпия тыңшылық пен арандату бұрын соңды болмаған, аяусыз қатыгездігімен көрініс берді.

Құпия тыңшылыққа тартылған, бұрынғы құмарпаз карта ойнаушы, сарт Закирбай Исабаев қызметі арқылы байып алды. Поротиковтың тыңшылары ашық түрде тонаумен айналысты. Шағыну үшін ешкімге бара алмайтын және ол өте қауіпті де еді. Бұл облыстағы орын алған жүгенсіз әрекеттердің патша әкімшілігі тарапынан қолдау көріп, тіпті солардың қатысуымен болғанын көрсетеді.

Түркістан аудандық сақшылар бөліміне Константинопольде шығатын апталық «Хавер» (Хабар) деген газеттің парсы тіліндегі тексті келіп түседі. Оны орыс тіліне аудармашы Мамедов аударды. Орыстардың әрекетінің тағылығы мен тежеусіздігі осы құжаттан айқын көрінеді. Бұл құжат Ташкент қаласындағы Өзбекстан Республикасының Мемлекеттік Орталық архивінің 461-қорынан алынды. Мақаланың тақырыбы «Ресей – мұсылман әлемнің басты жауы» деп аталады. Бүкіл халықтың тағдыры талқыға түскен заманның ащы шындығы көрініс беріп, қазақ халқының басына түскен ауыртпалықты еске салады. Тарихтың бір міндеті өткенді өшірмей ұрпаққа еш бояусыз жеткізу болғандықтан мақаланың толық текстін еш қоспасыз бердік: «Осы уақытқа дейін әлемдік тарих беттері мен

халық аузынан келіп жеткен аңыз-әңгімелері, орыстардың мұсылмандарға қатысты бірде-бір қайырымды істерін білген емес. Бұл мемлекет пен халық өз саясатының негізінде, бақыты мен дамуында мұсылмандарды өлтіру мен жоюды негізге алады. Мұсылмандардың сыйынатын қасиетті орындарын талқандаудан орыстар зор ләззат алатын. Ешқашан да ешбір христиан мемлекеттері мен халықтары мұсылмандарды дәл осы орыстар сияқты езгіге салып, қинаған емес. Мұсылман мемлекеттері мен дінінің өмір сүруін өз дамуларының кедергісі санаған орыстар, әрбір ыңғайлы сәтте мұсылмандар жүрегіне жара салып, оған үнемі тұз сеуіп отырды.

Біздің ойымызша, көк аспан астындағы мұсылмандар арасынан орыстарға риза бірде-біреуі табылмас. Басқа мемлекеттердің мұсылмандарға деген көзқарасы, Ресеймен және оның көзқарасымен мүлде жанаспайды. Орыстар әкесін (патшаны) өлтірушілер – олар әрбір түріктің, парсының, ауғанның және барлық мұсылманның ортақ жауы. Барлық езгі мен қиналыстың дәл қазіргі мұсылмандардағы жағдайы орыстардың әрекетінен немесе олардың қитұрқы істерінің нәтижесінен. Егерде мұсылман бейіттері сөйлей алатын болса, біз олардың орыстардан көрген қорлығын тізбелеп оларға қарғыс жаудырғанын естір едік. Орыстар мыңдаған түріктер мен парсыларды өлтірді, мыңдаған үй-жайларын талқандады. Мұсылмандардың тәуелсіздігін ешбір санасусыз аяқ асты етті. Улемдерді (оқымысты-ғалымдарды) және атақты дін басыларды орыстар дарға асты, отанын қорғаушылар мен құтқарушыларды өлтірді, олар мұсылман жерлерін, ауылдарын, бейіттерін, ескерткіштері мен қасиетті орындарын қорлады. Мұсылмандарды қорлау мен зорлық көрсетуді орыстар өздерінің міндеті санайды.

Орыстардың жаман қылығын айтудан қаншалықты бас тартайық десек те, олардың тағылығы мен зорлығын көргенде өзімізді тежей алмай, олардың өткендегі бәріне белгілі әрекеттерін түгендей бастаймыз. Олардың Мешхед қаласындағы (Персия) бассыздығы мен Имам Рзаның (Мұхамедтің ұрпағы) қасиетті мазарын бомбалауын біз әлі ұмытқан жоқпыз. Жақындап келе жатқан мадарам айы (қыркүйек айымен сәйкес келеді) жүрегіміздің түбінде жатқан жарамыздың бетін тырналайды. Тура осы айда орыстар біздің ағайындарымызды дарға асқан еді. Олар миллиондаған адамдар табынуының символы болған Сукутул-Исламды (діни лауазым иесі), отанын сатпай орыс шенеуніктерінің ойлаған істерін іске асыру үшін қолындағы қуыршағы болудан бас тартқаны үшін өлтірген болатын. Олар бұл қылмысын қасиетті имам Хусейіннің қазасының он күндігінде жасаған еді. Олар не құдайдан, не адамдардан ұялмады.

Біздің ойымызға да келмейтін нәрсе, өркениеттің, ғылымның және білімнің дамыған XX ғасырында Еуропада, езгі мен зорлықтың нәтижесінде адамзат пен мұсылмандардың жеккөрінішіне дәл орыстар сияқты ие болған адамдар табылмас. Жаңарған Персияны орыстар тонап, талқандады, оның үйіндісін өз меншіктеріне айналдырды. Олардың өз еркімен саудамен т. б. істермен айналысуына бір минут өтпестен орыстардың зорлық-зомбылығына ұшырайды. Бір жерден екінші жерге көшсе де орыстардың қудалауынан құтылмайды. Мәдениетсіз және Құдайға да жағымсыз қылықтарымен орыстардың бүкіл әлемге белгілігі соншалық, европалықтар оларды (орыстарды) ісі мен саясатына сәйкес қанды ауыз аю ретінде бейнелейді. Салмақты баспасөз беттерінде оларды солтүстік аюы деп атайды. Шын-

дығында олардың ісіне жақсылап талдау жасасақ, қанқұмарлық тәніне, қанына сіңген. Адам қанын төгуде, зорлық-зомбылық жасауда, үй-ошақты талқандауда ешбір халық орыстармен теңесе алмайды. Мұсылмандар, армяндар, еврейлер және барлық адамзат орыстардан қатты тітіркенуде. Орыстар барлық халық пен ұлттардың тәуелсіздігіне қол сұққан. Поляктар, украиндар, Дағыстан мұсылмандары, түркістандықтар, грузиндер және лаздар орыс езгісі мен зорлығынан қаза болуда. Персия мен парсыларды орыстардың тонауының нәтижесіндегі шығынның орынын жүздеген жылдар ішінде толтыру мүмкін де емес. Қандай болмасын парсы бай болсын, кедей болсын, ересек немесе кәмелетке толмаған, әйел немесе жас бала мен бүкіл мұсылман қауымы орыстарға қарғыс айтады. Орыстардың зорлығы нәтижесінде күйзеліс үні естілмейтін үй жоқ.

Біршама жылдар бұрын орыстар Кавказ армяндары мен мұсылмандары арасына кикілжіндер дәнін сеуіп, соңынан оларды тыныштандыру мақсатын желеу етіп, екі жақтың да үйлері мен ауылдарын өздерінің казактарының талқандауына жол беріп, жүздеген мың адамдардың өліміне себеп болды. Орыстар Балқан мемлекеттері одағының пайда болуына кінәлі, нәтижесінде Түркия өзінің европалық иелігінен айырылып, миллиондаған күнәсіз мұсылмандардың өліміне себеп болып, олардың үйлері мешіттері тонауға ұшырап, ар намысына арсыз күштеу жүргізілді.

Жоғарыдағы айтылған езгі мен зорлық-зомбылыққа қанағаттанбай, ашу-ызасын баса алмаған орыстар, серб анархистерін айдап салып, Австрия тағының мұрагерін өлтіруге итермелеп, дүние-жүзілік соғысқа себеп болды. Ол әлемдегі өркениеттің жойылуы мен мыңдаған адамдардың қан төгісіне мұрындық болған еді. Еуропадағы бейбітшіліктің бұзылуына себепкер орыстар адамзат пен өркениеттің жауы. Олар барлық бақытсыздық пен қайғы-қасіреттің микробы. Соңғы кездегі оқиғалар, казактардың Хорасанға шабуылы, қанішер орыстардың Мешхедтегі әйелдер моншасына басып кіруі, Мешхедтегі орыс консулының казактардың айуандығы алдындағы шарасыздығы, орыстардың тағылығының тағы бір көрінісі болып, Мустафил-Мамалик кабинетінің қатал шаралар қабылдауына мәжбүр етті» [9].

Алыстағы Ирандағы оқиғалардың Түркістан өлкесіндегі оқиғалармен үндес екенін Түркістан аудандық сақшылар бөлімінің құпия агенттері арқылы алынған мәліметтерінен байқауға болады. Соның бірі 1916 жылдың 6 тамызында жалған аты «Кари» деген құпия тыңшының мәліметі: «Әндіжанға кейінгі кезде сақшылар бөліміне келген төменгі шендегілер, қаладағы арақ-шарап ішімдіктерінің тежеусіз көп сатылуы нәтижесінде, маскүнемдікке салынып, көшеде бұзақылық әрекеттерге баруда. Тұрғындардың үйіне басып кіріп, әйелдерді зорлап, ұрлық, тонаумен айналысуда. Тыңшылық мәлімет бойынша 31-нен 1-ші шілдеге қараған күні Дәуірбақсы үйінің бағында екі орыс әйелі мен екі сарт әйелі отырғанда, төменгі шендегі және Әндіжан қаласының 2-ші бөлімшесінің аға полицейі Афанасидің (фамилиясы белгісіз) басшылығымен мас компания басып кіреді. Олар қарсылық көрсетсеңдер түрмеге жабамыз деп қорқытып барлық әйелдерді зорлайды.

Төменгі шендегі солдаттар мен полициялар ішімдікке салынып қана қоймай, Хамит Максумның, молда Зухраддиннің, мыңбасы Абдул Каюмбай және Шәкірбайдың әйелдері мен балаларын қорқытып үйінен жеміс-жидек пен заттарды тартып әкеткені де белгілі» [10].

Сонымен, қорыта келе өлкедегі орыс өкіметінің өктемдігін нығайту барысында, полиция мекемелеріне шексіз билік берілгені анықталды. Жоғарыда айтылған ерекше жағдайлардың жариялануы, қару-жарақты жергілікті тұрғындардан жинап алуы мен орыс шаруаларының, бүлікшілерге қарсы полицияның қару қолдану мәселесі, орыс озбырлығының көріністері және өлкедегі орыс мүддесін жоғары қойылуы, қоныстандыру барысында орын алған тәртіпсіздіктер өздігінен, бейберекет жасалған әрекет емес, қайта тереңінен ойластырылған отарлаудың пәрменділігімен өлкедегі билікті нығайтуға бағытталған шаралар екенін байқауға болады. Оның дәлелі жоғарыда келтірілген архив қорларының мәліметтері.

Мақаланы дайындау барысында Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік архивінің төмендегі қор мәліметтері пайдаланылды:

- 36-қор: Түркістан генерал-губернаторының Сырдария облысы кеңсесі.
- 41-қор: Ішкі істер министрлігінің іскери губернаторларға хаттары.
- 44-қор: Әскери министрліктің Верныйдағы Жетісу облыстық басқармасы.
- 46-қор: Жетісу облысы әскери штабы.
- 52-қор: Верный қаласы полиция бөлімінің бірінші приставтығы.
- 64-қор: Дала генерал-губернаторының кеңсесі.
- 73-қор: Жетісу облысы, Верный қаласы іздестіру пунктіннің меңгерушісі.
- 145-қор: Түркістан бөлімшелік приставының басқармасы.
- 726-қор: Жандарымдық полиция басқармасы бастығының көмекшісі.
- 825-қор: Полиция басқармасының Шымкент бөлімшесі.

Сонымен қатар Өзбекстан Республикасының Орталық мемлекеттік архивінің төмендегі қор мәліметтері деректік материалдар болды:

- И-1-қор: Түркістан генерал-губернаторлығының кеңсесі
- 461-қор: Түркістан аудандық сақшылар бөлімі.
- 467-қор: Түркістан аудандық сақшылар бөлімінің Верный іздестіру пункті.

Пайдаланылған архивтік деректер:

1. Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік архиві (Бұдан әрі қарай – ҚРОМА). 544-қор, 2 тізбе, 204 іс, 5 парақ.
2. ҚРОМА. 154-қ., 2-т., 3 іс, 139-п.
3. ҚРОМА. 44-қ. (Әскери министрліктің Верныйдағы Жетісу облыстық басқармасы), 1-т., 1089 іс, 32-п.
4. ҚРОМА. 36-қ. (Түркістан генерал-губернаторының Сырдария облысы кеңсесі), 1-т., 3247 іс, 184-п.
5. ҚРОМА. 44-қ., 1-т., 1089 іс, 32-п.
6. ҚРОМА. 44-қ., 1-т., 1089 іс, 153-п.
7. ҚРОМА. 41-қ. (Ішкі істер министрлігінің әскери губернаторларға хаттары), 1-т., 256 іс, 269-п.
8. ҚРОМА. 41-қ., 1-т., 256 іс, 645-п.

9. Өзбекстан Республикасы Орталық мемлекеттік архиві (әрі қарай – ӨРОМА.) 461-к., 1-т., 1886 іс, 403-п.

10. ӨРОМА. 461-к. (Түркістан аудандық сақшылар бөлімі), 1-т., 1886 іс, 403-п.

Данная статья посвящена методам полицейского надзора за мусульманским населением в Туркестанском регионе. В официальных документах, секретных инструкциях и циркулярных письмах Департамента полиции содержались инструкции о сборе данных о настроении местного населения, его отношении к управлению территорией, какую позицию они могли бы занять в международных конфликтах, сохранена ли в памяти идея независимости, кто может быть поддержан молодежью, что от них можно ожидать в будущем, кто преподавал в школах и медресе, сколько школ преподавали новыми методами, сколько учителей и учеников было в них, какие предметы они учили, и т. д. Каждый год эта информация собиралась через секретных агентов, в частном порядке, полицейскими. Одним из таких методов было уничтожение идей независимости, религии и т. д. в памяти местного населения. Идея бесполезного сопротивления административной власти должна была быть укрепена полицией в сознании коренного населения.

This article is devoted to the methods of police surveillance Muslim population in the Turkestan region. In official papers, secret instructions and in circular letters of the Police department, there were instructions on data gathering about frame of mind of a local population, its attitude to administration of the territory, what position they could accept in the international conflicts, whether an idea of independence was kept in memory, who was supported by youth, what could be expected from them in the future, who taught in schools and medreses, how many schools taught by new methods, how many teachers and pupils were in them, what subjects they taught, etc. Each year these objects of information were gathered through the secret agents, privately by policemen. One of such methods was eradication the ideas of independence, religions etc. from the memory of local population. The idea of uselessness of resistance to police – administrative authority had to be strengthened in consciousness of native population.

ТАЙВАН ЖӘНЕ ГОНКОНГ ТАРИХШЫЛАРЫНЫҢ XX ҒАСЫРДЫҢ БІРІНШІ ЖАРТЫСЫНДАҒЫ КСРО–ШЫҢЖАҢ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСЫ ЖӘНЕ ШЫҢЖАҢ ҚАЗАҚТАРЫ ТАРИХЫ ТУРАЛЫ ЗЕРТТЕУІ

Тайван мен Гонконг тарихшылары және ҚХР-да туып-өскен, бірақ шетелде білім алған әрі еркін демократиялы қоғамда ғылыми зерттеуін жалғастырып жүрген қытай диаспорасы уәкілдерін әдетте ҚХР ықпалынан сырт аймақтағы қытай тарихшысы ретінде қарастырады. Олардың аға буын уәкілдері ҚХР құрылу қарсаңында Тайван, Гонконг сияқты жерлерге қоныс аударған адамдар саналады. Осындай тарихи жағдайға байланысты XX ғасырдың бірінші жартысындағы КСРО – Шыңжаң қарым-қатынасы және Шыңжаң қазақтарының тарихы туралы ҚХР-нан сырт жердегі зерттеу ең алғаш Тайван ғалымдары тарапынан атқарылды.

Сонымен, Тайван тарихшыларының ең көрнекті уәкілі ретінде Чжан Дацзюнь есімі аталады. Чжан Дацзюнь 1949 жылға дейін Гоминданның Шыңжаңдағы 78 дивизияның 179-ші бригада командирі Ло Шуреннің әскери кеңесші міндетін атқаратын полковник дәрежелі офицер болған. Ол кезде 78 дивизияның командирі қосымша Дихуа (Үрімжі) гарнизонының қолбасшысы міндетін генерал-лейтенант Е Чэн атқарды. 1949 жылы Шыңжаңда «25 қыркүйектегі бейбіт көтеріліс» болғаннан кейін, Гоминданның әскери офицері ретінде Чжан Дацзюнь де Шыңжаңнан кетуге мәжбүр болды. Сөйтіп ол генерал-лейтенант Е Чэнмен бірге Қашқар арқылы Үндістанға жолға шықты. Пекин университетінің қытай әдебиеті факультетінің түлегі болған Чжан Дацзюнь басқа офицерлерге мүлде ұқсамайтын қадам жасады, ол әріптестері сияқты жиған-терген байлығын емес, Шыңжаңның архив құжаттарын көшіріп кетуді жөн санады әрі мыңдаған істен тұратын Шыңжаң архив құжаттарын оншақты түйеге артып жолға шығады. Олар Такламаканның құмдағы жазирасынан өтіп, Памир мен Кунлуннің мұзды асуларын асып, әуелі Үндістанға одан әрі Тайванға жетеді. Чжан Дацзюньның алыс сапарда көрмеген қиындығы қалмайды. Ол құжаттарды Тайванға аман жеткізу мақсатында өзінің бүкіл ақшасын жұмсайды, ақшасы таусылғаннан кейін құнды заттарын сатады. Көліктері болдырып жүрмей қалғанда киім-кешегі мен жеке заттарын жолға қалдырып кетіп отырады. Осылайша ол қаншама жол азабын, жоқшылық пен аштықты көрсе де, бір парақ құжатты шашау шығармай Тайванға аман жетеді.

Әйткенмен, Чжан Дацзюнь үшін бұл ауыр еңбектің басы ғана болған көрінеді. Ол үшін еңбектің ең машақатты түрі мен жауапкершіліктің ең үлкені Тайванға жеткен соң басталады. Чжан Дацзюнь өткен ғасырдың 50 жылдарынан бастап өзі жеткізген Шыңжаң архив құжаттары негізінде Шыңжаң тарихын жазу жұмысын бастайды. Ол Шыңжаң архив құжаттарымен қоса Гоминдаң билігі кезеңінде қалыптасқан сыртқы істер министрлігі, қорғаныс министрлігі, Моңғол-Тибет комитеті сынды ведомстволардың архив құжаттарын жинап, жүйелеу жұмыстарын қолға алады. Бұл құжаттарды сол дәуірде болған оқиғалардың куәсі болған адамдардың естеліктерімен, олармен жасалған жеке сұхбаттармен толықтырады. Чжан Дацзюнь ең бірінші түрлі деректер

топтамасын құрастыруды қолға алып, кейін оны арнаулы тақырыптық зерттеулерімен жалғастырды. Сөйтіп, 1954 жылы «Шыңжаңдағы соңғы 40 жылда болған өзгерістер туралы жазбалар» [1], 1956 жылы «Шыңжаңдағы 40 жыл қырғын» [2], 1964 жылы «Шыңжаңдағы Іле оқиғасы және қуыршақ Түркістан Республикасының құрылуы мен күйреп құрдымға кетуі» [3], 1980 жылы «Шыңжаңдағы 70 жылдық аласапыран» (12 том) [4] т. б. көптеген еңбекті баспадан шығарады. Чжан Дацзюнь келесі бір деректік құны өте бай еңбегі «Шын Шицайдың Мәскеу мен Сталинге берген докладтары» деген атпен 1997 жылы Тайчжун қаласында баспадан шықты [5].

Чжан Дацзюньнің деректер жинағы мен зерттеулері Шыңжаң қазақтарының аталған кезеңдегі тарихын зерттеуде аса мол деректік мәліметтерді бере алады. Ол өз еңбегінде көптеген тарихи оқиғалар мен түйткілді мәселерді бұлтартпас тарихи дәлелдермен тұжырымдап көрсетуге күш салды. Автор еңбегінде тарихи мәселелерге өте ыждағаттықпен талдау жасау, тарих ғылымының ортақ қағидаларына құрметпен қарау арқылы өз зерттеу жетістігін даралап көрсете білді. Бұл жағынан ол өз әріптестерінің алдында таза ғылымның, тарихи мәселелерге ыждағаттықпен қараудың озық үлгісін көрсетіп бере алды.

Чжан Дацзюнь зерттеулерінің ғылыми нәтижесі болған бұл еңбектері ішінде «Шыңжаңдағы 70 жылдық аласапыран» атты 12 томдық еңбегі ерекше орын алады. Автор еңбегін өзінің Шыңжаңнан апарған архив құжаттармен бірге Қытайдың түрлі аймақтарынан Тайванға жеткізілген басқа архив құжаттар, газет-журналдар, жеке тұлғалардың ғұмырнамалары, өзінің жекелеген адамдармен жүргізген сұхбаттары қайталанбас құнды құжаттарға сүйене отырып жазды. Сондықтан айтулы еңбектің материал қоры мейілінше мол болды әрі кез келген тарихи мәселе егжей-тегжейлі зерттеліп, зерделенді. «Шыңжаңдағы 70 жылдық аласапыран» атты бұл деректер жинағына енгізілген деректер 1909 жылдан 1949 жылға дейінгі Шыңжаң тарихты баяндалған. Қазіргі кезде Чжан Дацзюньнің бұл еңбегі Шыңжаң тарихын, Шыңжаңмен оған көрші елдердің қарым-қатнасы тарихын, Шыңжаң қазақтарының тарихын зерттеудегі ең негізгі дерек кешені саналады.

Бұдан сырт Тайванда жоғары оқу орындары жанындағы ғылыми зерттеу институттарда бір қатар тақырыптық зерттеулер жүргізілді, диссертациялар қорғалды, олардың жетістіктері ғылыми мақала және ғылыми монография түрінде жарық көріп отырды.

Осы орайда Ли Синьчэннің «Ян Цзэнсинь Шыңжаңда (1912–1928 жж.)» атты еңбегі 1993 жылы Тайпейде жарық көрді [6]. Бұл еңбек Ян Цзэнсинь билік жүргізген дәуірдегі Шыңжаң тарихы, Шыңжаңның Патшалық Ресей мен Кеңес Одағы арасындағы қарым-қатынасы, қазақтардың Шыңжаңға қоныс аударуы, қазақ босқындарының қоныстануы, олардың бастан кешкен тауқыметі өзекті мәселелерді талқылаған.

Шыңжаңда Шың Шицай билік еткен кезеңдегі тарихи мәселелер Гао Сулань атты тарихшының қатысты мақалаларынан да тиянақты зерттеліп, ол бұған дейінгі зерттеулерді жүйелеп, бір арнаға түсірген. Гао Сулань зерттеулерінен мына мақалаларды атап көрсете аламыз:

«Шын Шицайдың Шыңжаңға баруы және оның билікке келу жолы (1931–1935 жж.)» [7]; Шың Шицай және Қытай коммунистік партиясы (1937–1942 жж.) [8];

«Шың Шицайдың Орталық үкіметке берілуі (1942–1944)» [9]; «Соғыс жылдарында Гоминдан үкіметінің Шыңжаңға ықпалы (1942–1944 жж.)» [10].

Тайван ғалымдарының «Іле оқиғасы» («Шығыс Түркістан ұлт азаттық төңкерісі» немесе «Үш аймақ төңкерісі») туралы қатысты пайымдаулары өткен ғасырдың 40 жылдары Қытайдың заңды үкіметі болған Гоминдан үкіметінің саяси ұстанымы негізінде қалыптасты. Әдетте олар «Іле оқиғасын» КСРО-ның саяси ойны ретінде қарастырып, осы төңіректе қалыптасқан мәселелерді өз тұрғысынан пайымдап көрсетеді. Мұндай ұқсамаған пікірді Сюй Сюжуннің «Чжан Чжичжун және Соғыстан кейінгі Шыңжаң саяси жағдайының өзгеруі (1945–1949 жж.)» [11] атты зерттеуінен толық танып-білуге болады. Чжу Цзяхуа атты келесі бір Тайван ғалымы зерттеуі де осындай пікірмен ерекшеленеді [12].

Жалпылай айтқанда Тайван зерттеушілері Шыңжаң мәселесін Қытай елінің территориялық және ұлттық мүддесі тұрғысынан қарауды маңызды орынға қойып дәріптеумен көзге түседі. Ортақ мәселеге келгенде олардың пікірі өздерінің ҚХР-дағы әріптестерімен үндесіп кететін тұстары соңғы кезде көбірек байқалып келеді.

Тайван ғалымдарының Шыңжаң мен КСРО қарым-қатынасы туралы архив құжаттары негізінде жасаған зерттеулері де аса құнды болып табылады. Себебі аталған тақырыпты анықтауға қажетті архив құжаттары қазіргі кезде ғалымдарға соншалықты қол жетімді емес. Ресейде біраз құжаттар «күпия құжат» санатына жатқызылған. Ал, ҚХР-ында ондай құжаттар ғалымдардың еркін қолданысына әлі берілген жоқ. Тайван ғалымдары зерделеп-зерттеуінде жарық көрген сондай еңбектер қатарында Таң И, Лань Мэйхуа, Чжао Чжучэн сынды авторлар құрастырған «Сыртқы істер министрлігінің архив құжаттары – Шекара істері», 3 т., «Шыңжаң бөлімі» (1–2) [13]; Цин Сяо-идің «Қытай Республикасының маңызды тарихи материалдарының алғашқы жинағы – Жапонға қарсы соғыс» 3, «Соғыс кезіндегі дипломатия» [14]; Қытай Шекара Саяси Ассоциациясы, «Шэн Шицай Шыңжаңды қалай басқарды» [15] және т. б. еңбектер бар.

Тайван ғалымдарының Шыңжаң тарихы туралы кей зерттеуі уақыт көрсеткіші жағынан Шыңжаңда ҚХР билігі орнағаннан кейінгі кезеңге дейін қамтылған. Бұл жағын ғылыми тұрғыда зерттеу әлі де болса ақ тұрған тақырып саналады. Дәл осы тақырыпта зерттеу жасаған тарихшылар қатарында У Ци-не атты ғалымның еңбегін атап көрсетуге болады. Оның «Ұлттық бірегейлік, халықаралық конкуренция және Қытай революциясы (1944–1962 жж.)» [16], «Мемлекет ішіндегі мемлекеттен» «Провинцияның ішіндегі провинцияға» дейін – 1949–1955 жылдары Шыңжаңдағы ұлттық автономия мәселесі бойынша Іле мен Бейжің арасындағы күрестің тарихи артқы көрінісі, барысы және нәтижелері» [17] атты зерттеулерінде Шыңжаңда коммунистік билік орнай бастаған уақыттан 1962 жылға дейінгі жалпы тарихи жағдайға архив құжаттары мен бірінші қол материалдары негізінде тыңғылықты түрде зерттеу жүргізген.

ҚХР-сы аумағынан сырт жердегі этникалық қытай тарихшылары ретінде қазіргі кезде Австралия азаматы саналған ғалым Ван Даганнің (Дэвид Д. Ванг) 1993 жылғы докторлық диссертациясы [18] негізінде жазылған «Кеңестер одағы көлеңкесіндегі «Іле оқиғасы» – Синьцзяндағы этникалық қақтығыстар мен халықаралық

бәсекелестік, 1944–1949 жж.» [19] деген атпен жарық көрген еңбегін ерекше атауға болады. Бұл еңбек «Шығыс Түркістан» мәселесіне қатысты оқиғаның тарихи себебін «Ұлттық сепаратизмнен», «діни наным-сенімнен», керек десең сол ұлттың өз бойындағы туа бітті кінәраттардан іздестіріп, сол арқылы билік тарапынан ертелі-кеш жіберілген қателіктерді ақтауға кірісетін адамдарға сабақ берген. Ван Даган зерттеуі көтерген тақырыпты аса құнды деректермен дәйекті түрде сипаттауға ат салысқан.

Ван Даганның (Дэвид Д. Ванг) келесі бір еңбегі «Тяньшань тауын торлаған бұлт: 1940 жылдардағы Шыңжаңдағы әлеуметтік толқулар туралы очерктер» деген атпен 1999 жылы Копенгагенде де жарық көрді [20]. Оның бұған дейін жарияланған басқа да бірқатар еңбектері біздің тақырыпқа қатысты болып келеді [21]. Ван Даган өз зерттеулерінде Мәскеудің Іле ұлттық армиясын ұйымдастырып, жасақтап, жетілдіргенін, Іле үкіметін құру мен басқару Кеңес Одағы жобасы екенін, аталмыш үкіметтің шынайы басшысы Кеңестер Одағы екенін дәлелдейтін нақты пактілерді көрсеткен. Ол тағы Алтай қазақтарының көшбасшысы Оспан Исламұлының Іле үкіметінен бойын аулаққа салып, Гоминдаңды қолдау себебін Оспан батырдың «Шығыс Түркістанның» шынайы бет-бейнесін танып-білуімен байланысты екенін жазды.

Ұқсас тақырыпта «Шығыс Түркістан тәуелсіздік қозғалыстары 1930–1940 жж.» деген атпен жарық көрген еңбек авторы жоғарыда аты аталған Ван Даганның (Дэвид Д. Ванг) жерлесі – Ван Кэ есімді тарихшы ғалым. Оның айтулы еңбегі 1995 жылы Жапон елінде қорғаған «Шығыс Түркістан республикасын зерттеу – Қытайдағы ислам және этникалық мәселелер» [22] тақырыбындағы докторлық диссертациясын реттеу, қажетті тұстарын толықтыру негізінде 2013 жылы Гонконг қаласында баспадан шықты [23].

Жоғарыдағы екі автордың бірнеше мүмкіндігі болды. Олардың екеуі де Шыңжаңда өсіп-ержеткен этникалық қытай ұлтының уәкілі болды. Бұл олардың Шыңжаңды қағаз жүзінде ғана түсінетін ҚХР-ның ішкі аймақтарында және ҚХР-сы аумағынан тыс жерде туып-өскен этникалық қытай ғалымдарында бола бермейтін мүмкіндік болатын. Олардың келесі бір мүмкіндігі «цензура» жоқ «еркін елде» білім алып, зерттеу жүргізуі еді. Олар өз әріптестерінің қолы жете бермейтін құнды құжаттармен және ғылыми еркіндік бар елдер ғалымдарының зерттеу еңбектерімен жете таныса алды. Олардың туған жердегі әріптестерінде мұндай мүмкіндік әзірше туған жоқ.

Әдебиеттер

1. *Zhang Dajun*. «Xinjiang jin sishinian bianluan ji lue». – Taipei: Zhongyang Wenwu gongying she, 1954.

2. *Zhang Dajun*. «Sishi nian dongluan Xinjiang». – Xianggang: Yazhou chuban she, 1956.

3. *Zhang Dajun*. «Xinjiang Yining shibian yu wei Tu'erqisitan Gongheguo chengli ji qi kui mie», «Xinjiang yanjiu». – Taipei: Wenrui yinshua wenju gongsi, 1964 (Zhongguo bianjiang lishi yuwen xuehui congshu zhi er, Minguo wushisan niankan).

4. *Zhang Dajun*. «Xinjiang fengbao qishi nian». – Taipei: Lanxi chuban she, 1980.

5. *Zhang Dajun*. «Sheng Shicai shang Mosike Shidalin baogaoshu». – Taizhong: Zhongya chuban she, 1997.
6. *Li Xincheng*. «Yang Zengxin zai Xinjiang (1912–1928)». – Taibei: Guoshi guan, 1993.
7. *Gao Sulan*. «Sheng Shicai ru Xinjiang zhuzheng jingwei (Minguo 19 nian – 23 nian)», «Guoshi guan guankan», fukan qi 22 (1997 nian 6 yue), ye 135–154.
8. *Gao Sulan*. «Sheng Shicai yu Zhonggong (minguo 26 nian – 31 nian)», «Guoshiguan xueshu jikan», qi 1(2001 nian 12 yue), ye 55–75.
9. *Gao Sulan*. «Sheng Shicai guishun zhongyang (Minguo 31 nian – 33 nian)», Shouru zhonghua Minguoshi zhuanti di wu jie Taolunhui mishuchu bian, «Zhonghua Minguo shi zhuanti lunwen ji: di wu jie Taolunhui di er ce» (Xindian: Guoshiguan, 2000), ye 1745–1773.
10. *Gao Sulan*. «Zhanshi Guomin zhengfu shili jinru Xinjiang shimo (1942–1944)», «Guoshi guan xueshu jikan», qi 17 (2008 nian 9 yue), ye 129–165.
11. *Xu Xiurong*. «Zhang Zhizhong yu zhanhou Xinjiang zhengju zhi yanbian (Minguo 34 nian – 38 nian)», «Guoshi guan guan kan», fukan qi 22 (1997 nian 6 yue), ye 155–174.
12. *Zhu Jiahua*. «Lun suowei Xinjiang wenti: Zhi Muhanmode Yimin xiansheng yifeng gongkaixin; «Zailun suowei Xinjiang wenti: Fu Muhanmode Yimin xiansheng han», shouru shizhe, «Shijie wenhua de qiantu», Taibei: Yuntian chuban she, 1970, ye 84–94, 95–112.
13. *Tang Yi, Lan Meihua, Zhao Zhucheng bianzhu*. «Waijiao bu dang'an congshu – Jiewulei», di san ce «Xinjiang juan».
14. *Qin Xiaoyi*. «Zhonghua Minguo zhongyao shiliao chubian – dui Ri kangzhan shiqi», di san bian «Zhan shi waijiao». Taibei: Zhongguo Guomindang zhongyang weiyuanhui dangshi weiyuanhui, 1981 nian.
15. Zhongguo bianzheng xiehui bian. «Sheng Shicai zenyang tongzhi Xinjiang». Taibei: Zhongguo bianzheng xiehui, 1954 nian.
16. *Wu Qine*. «Minzu rentong, guoji jingzheng yu zhongguo geming, 1944–1962». Taibei: Guoli taiwan daxue lishi yanjiu suo boshi lunwen, 2006.
17. *Wu Qine*. «Cong 'Guozhong zhiguo' dao 'Shengzhong zhisheng' – 1949–1955 nian Yining yu Beijing zai Xinjiang minzu zizhi wenti shang jueli de Beijing, guocheng yu jieguo», «Liang'an fazhan shi yanjiu», qi 4 (2007 nian 12 yue), ye 217–275.
18. *David D. Wang*. «Under the Soviet Shadow: The Yili Rebellion of 1944–1949 in Xinjiang – a Revolution, Nationalism or a Power Struggle?». Ph. D thesis. University of Tasmania, Australia, 1993.
19. *David D. Wang*. Under the Soviet Shadow: The Yining Incident: Ethnic Conflicts and International Rivalry in Xingjiang 1944–1949. Hong Kong: Chinese University Press, 1999.
20. *David D. Wang*. Clouds over Tianshan: Essays on Social Disturbance in Xinjiang in the 1940s. Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies, 1999.
21. *Wang, D.* «Sulian yu 1949-nian Xinjiang de heping jiefang», [The Soviet Union and the Peaceful Liberation of Xinjiang in 1949], Renwen Xuebao, vol. 3, no. 20, (1996), pp. 75–116; «The USSR and the Establishment of the Eastern Turkestan Republic in Xinjiang», Journal of Institute of Modern History, Academia Sinica, vol. 25 (1996), pp. 337–378; «Soviet Citizenship in Xinjiang», Asian Studies Review, vol. 19, no. 3 (1996), pp. 87–97.

22. 王柯, 《東トルキスタン共和国研究—中国のイスラムと民族問題》 (東京: 東京大学出版会, 1995).

23. Wang Ke. «Dong Tujuesitan duli yundong: 1930 niandai zhi 1940 niandai». – Xianggang: Zhongwen Daxue chuban she, 2013.

В статье рассматриваются важные исследовательские работы этнических китайцев Гонконга, Тайваня и других стран об истории Синьцзяня, синьцзянских казахов и их отношениях с Российской империей и Советским Союзом в начале XX века. Эти данные могут дополнить сведения архивов Китая и России, а также связанных с ними исследований в этих странах.

Important scientific works of ethnical Chinese scientists from Taiwan, Hong Kong and other democratic and free society are discussed in the article. In this article reviewed scientific works of scientists about history of Xingjian and the Kazakhs that live there, also history of the relationship between Xingjian Kazakhs and Russian Empire and between Xingjian Kazakhs and USSR in early XXth century. This collection of data and research can complement the shortcomings of archival documents in archives in China and Russia, as well as related research in these countries.

**ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ВОСТОЧНЫХ
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ**

Д. Е. МЕДЕРОВА

**АБАЙ ЖӘНЕ ҚАРАМОЛА
СИЕЗІНДЕ ЖАСАЛҒАН ЕРЕЖЕ**

«Ұлы даланың тарихы мен мәдениеті бойынша шетелдік архивтер мен қорларда археографиялық жұмыстар» атты ғылыми бағдарлама аясында 2019 жылы қараша айында Қазан қаласындағы архивтерде, музейлерде және кітапханаларда архивтік құжаттар, материалдар, фотоқұжаттар, сирек кітаптар мен кезеңдік баспалардағы мақалаларды анықтау, зерттеу және сандық, қағаз көшірмелерін алу бойынша жұмыстар жүргізілді. Н. И. Лобачевский атындағы Қазан федералды университеті ғылыми кітапханасының қолжазба және сирек кітаптар бөлімінің қорында шифры – Т68428 «Семей облысының бес диуанының барша халқының сайланмыш адамларының 1885-ші йылда май айында Шар бойында Қарамола сиезінде жасалмыш ережесі-дүр / [А. Қунанбаев]» деген атаумен сақталған құжаттың көшірмесі толық алынды.

Ережені құрастыруға Абай Құнанбаевтың қатысқанын Ереженің 74-бабындағы «Семипалат оязының құрметті қазақтары Ибраһим Құнанбайұғлы, Құдайберген Тастамбекұғлы, Ибраһим Нұркенұғлы, билер Бектоғай Ботабайұғлы, Иса Сүтжанұғлы, Айтқазы Жексенайұғлы, би Жұмақан Жарқымбайұғлы қолдарын қойды» [1, 57-б.] деген жолдары айғақтайды. А. Құнанбаевтың төбе би сайланып, қазақ ортасындағы дау-шарды, талас-тартысты шешуде тапқыр, ақылды, ел қамқоры адамдарының, билерінің, ақсақалдарының сөздерін, жол-жобаларын, айтқан биліктерін орыс ұлығына түсіндіріп бергені туралы да деректер бар [2, 46–47-б.].

Ережеде ХІХ ғасырдың екінші жартысындағы халқымыздың салт-дәстүрі, ой-санасы, тіршілігі, әлеуметтік болмысы көрініс тапқан және ел ішінде әділдік орнатуда, тәртіпті ұстанудағы бірден бір құжат болып табылады.

Ережелер туралы А. Байтұрсынов: «Ең әуелі, ереже чрезвычайный сиездің қарауына қандай істер тиісті болмақ жағын қарайды. Істің қаралуға тиісті-тиіссізін айырғанда, ескірген – ескірмеген жағына көз салып айырады. Істің болғанынан кейін көп заман өткен болса, ескірген себепті қарамай қалдырады. Бұл туралы жасалған ережелерді алайық. Бір ереже, гражданский болсын, уголовный болсын, 10 жыл өткен болса, ескіргенге санайды. Екі ереже бұл 10 жылдық ескіруден жесір дауын окшау шығарады. Жесір дауының ескеруіне 20 жыл кеседі. Үш

ереже жесір дауына тіпті ескіру болмасын дейді. Мұнан әрі ережелер әр түрлі бола бастайды» деп даулардың қаралу мерзімдерін атап көрсетеді [3, 100-б.].

Абайдың қатысумен жасалған Ереженің 26-бабында «Құн, жесір даулары жиырма жылдан арғылары салауат. Өзге даулар он жылдан арғылары салауат. Билік айтқан күнге дейін төрт жылға созылған даулардың анықталған малдардың толық басы қайтады... Жиырма жылдық құн малы үшке бөлінеді, бір бөлігі билік айтқан күнге жуық жеті жылдағы дауға, екінші бөлігі одан арғы жеті жылдағы, үшінші бөлігі қалған алты жылға» деп даулардың қаралу мерзімдерін нақты көрсеткен.

Сонымен қатар, істер қаралғанда куә шақырылатыны және күмәнның растығы тексерілетіні ескерілген. 9-бабында ақылынан адасқандар, 18 жасқа толмағандар, әр жастағы әйел адамдар, жақын туғандар, құдалар, дұшпан, өштес кісілердің куә болуға жарамайтындықтары туралы айтылған.

Ережеде барымташыларға, ұрлық жасаушыларға және оларға сыбайлас, болғандарға, біле тұра ұрлық жолымен келген малды сатып алғандарға айып салынатыны және 28-бапта «барымташыға һәм ұрыға өлсе, құн жоқ» деп, қатаң жазалануы тұжырымдалған.

Суға кетіп бара жатқандарға, өрт жағдайында, боранда, суықта қалып қойғандарға, өзге біреудің өз еңбегімен жасаған мүліктерін, көпір, арық, құдық бұзғандарға, мал өліміне қарсы жасалған іс-шараларда көмек бермеген адамдарға айып төлету де (35–36-баптар) назардан тыс қалмаған.

32-бапта егерде біреу әке-шешесін жек көрсе, әке-шешесінің ықтияры бойынша қазақ ғұрпына қарай жаза салынсын, сондай-ақ молданы яки құрметті кісілерді ренжітсе, ат-шапаннан бір ат бастатқан тоғызға шейін айып береді. Тағыда біреу біреуді қол жұмсап, ренжітсе, бір тоғыздан үш тоғызға шейін айып береді, егерде айып алушы кесілімші айыбын алмаймын десе, бір айға шейін абақтыға отырғызылатыны да айтылған.

Қорыта айтқанда, ережеде туыстық қарым-қатынас, құдаласу, қалың мал, қыз жасауы, әмеңгерлік, әйел адамды күйеуінен айыру жолдары, ердің құны, адам мүшесі мерткісе, үкімі шарифат бойынша айтылатыны, құн мөлшері және басқа да қазақ қоғамындағы ең өзекті мәселелер барлығы қамтылған. Назарларыңызға сол ережеден үзінді ұсынамыз.

Әдебиеттер

1. Шифр Т 68428 «Семей облысының бес диуанының барша халқының сайланмыш адамларының 1885-ші йылда май айында Шар бойында Қарамола сиезінде жасалмыш ережесі-дүр / [А. Кунанбаев]». – Казань: Типография Императорского Университета, 1886. – 59 с.

2. Абай және архив. – Алматы: Ғылым, 1995. – 216 б.

3. Қазақтың ата заңдары: Құжаттар, деректер және зерттеулер. 10 томдық / Бағдарлама жетекшісі: С. З. Зиманов. Қазақша, орысша, түрікше, ағылшынша. 5-том. – Алматы: Жеті жарғы, 2005. – 544 бет.

Семей облысының бес диуанының барша халқының сайланмыш адамларының 1885-ші йылда май айында Шар бойында Қарамола сиезінде жасалмыш ережесі-дүрден үзінді

(Н. И. Лобачевский атындағы Қазан федералды университеті ғылыми кітапханасының қолжазба және сирек кітаптар бөлімінің қоры. Шифры – Т68428)

1-ші баб

Болыстық сиезде даулар үлкендігіне қарай, сомасына қарай, бітіледүр. Чрезвычайный (бұдан әрі төтенше) сиездерде ұлықтардың әмірі бойынша бір ояз бір оязбен кезектесіп бітіледүр, әр ояздың барша билерімен емес.

2-ші

Дауласқан әр екі тарап қалаған билерін таңдай алады, бірақ би есебін положение (бұдан әрі ереже) бойынша ұлықтар шығарады. Сұраймыз, әр тараптан үш биден артық болмаса екен. Би шығарудан бұрын аралық бимен жарасады. Егер дауласушылар аралық би бітімімен бітпеймін десе һәм бітім болмаса, сонда жоғарыда айтылмыш бойынша билер таңдап шығарады. Екі жағының билері таласып, жұп болса түбінде айтылмыш рет бойынша бітіреді. Әр ояздың халқы орталарынан бір төбе басы би шығаратын болады. Қызметтегі һәм қызметсіз де құрметті кісілер сайлануы мүмкін. Егер билердің бітімі талас болса, сайланғандар екі төбе би шығартып алады, тиісті ояз халқынан. Егер бұлардың арасында талас болса, қалған ояздардың төбе басына жеребе салынып, шыққан кісі бітімдеріне араласып, сол кісінің ауған жағының бітімі орнығып, мақұл болады. Осы рет бойынша ояздық төтенше сиездерде екі жағы тең талас болса, төбе басы би бір жағына ауып, тоқтатады.

3-ші

Жауапкерлердің шақырылуы бойынша келмегендіктерін старшын мен болыстар куәландырып, келмегендігінің мақұл яки емесін билер тексереді. Егерде келмеген себебі тексеру бойынша сыйымды болса, билік айтылмайды кейінге қалса керек. Сондай-ақ келмегендігі сыйымсыз болса, сыртынан билік айтылады. Бір бидің яки сиездегі билердің сыртынан қылған биліктері тағайынсыз болмақ. Билік көшірмесі старшындар яки болыс арқылы мағлұмданады. Егерде жауапкер разы болса, билік тағайынды болып, бұзылмайды. Егерде разы болмаса екі жұма арасында алғаш билік айтқан биге қайтадан арыз қылады. Сонда би жауапкердің хұзырына қайтадан билік айтады. Егерде жауапкер тексерілу бойынша ағарса яки болыстық сиезге тыңдатса сиез билерінің билігін ұнағпаса, сонда айыпты жағын шығынын қайтаруға міндетті қылып һәм жаза бұйырылады. Жалған айтқаны үшін жоғарыда айтылмыш рет бойынша болыстық сиез сырттан билік құрады. Разы болмаған төтенше сиезге билігін сынаатады. Әр төтенше сиездің билігі әр уақытында бұзылмайды.

4-ші

Егер даугер шақырылған күнде келмесе, сұралмыш дауын бос қалдырады. Сонда жауапкер арыз етсе, билердің ықтияры бойынша жауапкердің шығынын даугерден бұйырып береді. Бірақ даугердің ықтиярлы дауын қайтадан сұрамаққа

сол дауы билердің тексеруі бойынша жалған шықса, даудың сомасына қарай һәм жауапкердің қадіріне қарай шығынын тартқызады.

* * *

8-ші

Бидің биліктерін болыстар орнына келтірмекке міндетті болған себептен, сиез біткен соң биліктің копияларын тиісті болысқа мағлұм қылады. Егерде, даугер жауапкерлердің ықтияры бойынша, екі ел арасында кесім малдарын орай қылмаққа уағда қылса, сол уағда сиез басымен бірге шешіледі.

9-шы

Бір би һәм сиез биі биліктерін айғақ куәлігіне қарай бітістіреді. Егер билер айғақ куәлігін мақұл көрмесе, онда оларды шақырмай-ақ істерді күмәнға салады, яғни би куәні шақырып, тиесілі жауабын алса, сонда дауды күмәнға салу мүмкін емес. Куәларды шақырудан бұрын куәлігінен шығарса керек. Куәлікке жарамайды ақылынан адасқан, 18 жасқа толмағандар, әр жастағы әйел адамдар, жақын туғандар, құдалар һәм дұшпан, өштес кісілер. Куәлардың сыйымды-сыйымсызын билер шақыртпай, бұрын айыруы керек. Дұшпандық тұрғыдан бос айтылған сөз қабыл алынбасын. Жұртқа белгілі дұшпандық мақұл көруге мүмкін, онан артық айыруға болмайды. Дауласушылардың куәлары бір болыстас болса, олардың куәлігі сыйымды, сыйымсызын би шақырып немесе шақырмай тексереді.

* * *

11-ші

Қазақ рәсімінде шүйінші алуға болады, бірақ шүйінші алған кісі куәлікке жарамайды, айғақ болуға мүмкін.

* * *

32-ші

Егерде біреу әке-шешесін жек көрсе (¹حقرات ایتسه), әке-шешесінің ықтияры бойынша қазақ ғұрпына қарай жаза салынсын, сондай-ақ молданы яки құрметті кісілерді ренжітсе, ат-шапапнан бір ат бастатқан тоғызға шейін айып береді. Тағыда біреу біреуді қол жұмсап, ренжітсе, бір тоғыздан үш тоғызға шейін айып береді, егерде айып алушы кесілmiş айыбын алмаймын десе, бір айға шейін абақтыға отырғызылады.

¹ حقرات – парсы сөзі, мағынасы: жек көру, елемеу, менсінбеу, кемсіту, жаратпау, ренжіту. Гафаров М. А. Персидско-русский словарь. – Москва, Наука, 1976. – Том I, II. – 962 с. – С. 262.

33-ші

Ұрыс, төбелес шығарғандар билердің билігі бойынша ат-шапаннан үш тоғызға шейін сұраушының пайдасына айып төлейді. Бірақ ұрыс-төбелестің басшысы өзге жолдастарынан гөрі айыбын артығырақ төлейді. Бұзықтық шығарған адамдар болыстың приговорымен яки ереже бойынша билердің билігінше ақшамен яки каталашка¹ абақтымен жазаланады.

34-ші

Қызмет уақытында старшындардың тілін алмаса, билердің үкімі бойынша бес теңге айып яки жеті күн абақтыға отырғызып жазаланады. Болыс старшындарының ықтияры бойынша жалдаған шабарманның тілін алмаса жоғарыда айтылмыш жазаға кіріптар болады. Сондай-ақ болыс старшындарының ықтиярынсыз жалдаған шабарманның тілін алмаса, тіл алмағанның жазасы болыстың өз үкімінде болады. Егерде біреу болыстың тілін алмаған болса, ояздың ықтияры бойынша, бір болыс елдің сиезіне яки ояздың төтенше сиезінің тексеруіне береді. Үкім айтқан уақытта бір биге яки сиез билеріне дөрекілік қылғандарға әлгі айтылмыш бойынша сиез биі арқылы жаза салынады.

35-ші

Суға кетіп бара жатқандарға, өрт уақытында, боран һәм суықта сол сияқты түрлі себептерде болысып, көмек етпегендер бас тоғызбен айыпталады.

36-шы

Мал өлімін тоқтатпақ үшін жасалған үкімдер бойынша жаһат² қылмағандарға болыстың приговоры бойынша 3 теңге айып жаза болды. Көрші елінде мал өлімі болған уақытта жаһат етпегендерге жаза көбейеді, жеті күннен бір айға шейін абақты бұйырылады. Арық бұзғандар, көпір, құдық бұзғандарға, өзге біреудің өз еңбегімен жасаған әйберлерін³ бұзғандарға шығыннан басқа айып бұйырылады. Ат-шапан, яки ақша бойынша 15 теңге.

37-ші

Қазақ арасындағы ұрлық үшін ұрлаған малын қайтарып айып береді – мойнына қосақ, көтіне тіркеу, қанды ат билік атымен мойнына қосақ, көтіне тіркеу мал бағасымен бірдей болады. Жүйрік, жорғаныкі орта атпен бірдей болады. Мал иесіне тиесілі: һәм ұрының астындағы қанды аты әр ұрыдан алынып, ұрының болыстарына беріледі. Билік ат ұры басы сайын алынып, билік айтқан билерге беріледі.

¹ Каталашка – каталажка – тұтқындарға арналған үй-жай.

² Жаһат – ниет, ой, пиғыл.

³ Әйбер – зат, мүлік, нәрсе.

* * *

42-ші

Қазақ рәсімі бойынша байдан қатынын айыруға болады: байы белсіз болса яки астының жазылмас ауруы болса. Мұндай науқастары болмаса, байының ықтияры бойынша шығады. Қалыңдық пен күйеуін айыруға мүмкін болады: күйеу қыздан жиырма бес жас үлкен болса яки бір мүшесі кем болса, яғни қыз күйеуден тоғыз жас үлкен болса, тағы да күйеу кедей болып, қалыңға мал бере алмаса яки түзелместей ұры болса, тағы да сенімсіз жамандығы халыққа әшкере болып, өз басынан ықтияры кеткен болса. Қазақ рәсімінше ерлі қатынды һәм қалыңдық пен күйеуді айыруға басқа себеп жоқ.

* * *

57-ші

Тоғыз деген айыптың малға шаққан есебі бұлар: 1-нші – бас тоғыз түйе бастатқан:

1-ші түйе, 2 құлын, 2 бие, 2 құнан, 2 тай.

2-ші – орта тоғыз яғни ат бастатқан тоғыз: 1 жуан ат, 2 тай, 2 тайынша, 4 бойдақ қой.

3-ші – аяқ тоғыз: 1 дөнен өгіз, 2 тайынша, 3 бойдақ қой, 3 тоқты.

Тоқал тоғыз болмайды.

58-ші

Мал басын былайша бағалаймыз:

мандай түйе – 3 ат, яки отыз қой

орта түйе – 3 бесті

дөнен атан – 2 бесті, бір тай

құнан атан — 2 бесті

тайлақ – құлынды бие, 12 қойлық

бота – бір бесті

бәйге ат – орта бір түйеден бес түйеге шейін

жорға ат – құлынды биенен төрт түйеге шейін

жақсы ат – құлынды биенен бір түйеге шейін

айғыр – құлынды биенен екі бестіге шейін

бие – құлындысы – он қой

бие – құлынсызы – он тоқты

ат – тоғыз қой

бесті – жетіден сегіз қойға шейін

дөнен – бес қойдан алты қойға шейін

құнан – төрт қойдан бес қойға шейін

тай – үш қойдан төрт қойға шейін

құлын – екі қойға шейін

атан өгіз – 12 қой
бесті һәм дөнен өгіз – 4 қойдан 8 қойға шейін
тайынша – 2 қой.

* * *

66-шы

Мүмкін болса метрический кітаптар болыстық молданың қолында тұрса екен, бірақ кітаптың жазылуы көрсетілміш үлгімен мұсылманша жазылса екен. Егерде ұлықтар бұрынғыдай метрический кітапты тілмашқа жаздыруға тиесілі көрсе, сонда болыстық молданы біз міндетті қыламыз, қиған некені кесілміш кітаптан квитанцияның сыртына жазып куәландырмаққа ләкин жалғыз тілмаштың кітапқа тіркегені неке болмайды. Ұрғашы мен еркек арасына молдамен қиылса неке тақиқ¹ болады.

67-ші

Егерде бір үлгі кітаптар берілсе, сонда жалған копия беруге орны келмес, осыдан бұрын берілміш копиялар бидің мөрі яки қолы қойылса сыйымды болады. Екі бидің мөрі басылған копияларда болыс яки сиез басшылығының жазылмыш куәлігі болмаса, сиез биінің копиясы деп сенуге мүмкін емес.

* * *

72-ші

Билердің билік бітімін орнына келтірмек уағда күні копияны болысқа яки старшынға мағлұм еткен күннен есепке алынады – жалғыз бидің билігін орнына келтірмекке старшын міндетті, сиез билерінікін болыс міндетті. Бір бидің билігін орнына келтірмек уағдасы үш күннен жеті күнге шейін. Сиез билерінікін жеті күннен жиырма күнге шейін. Чрезвычайныйдың билігін бір айға шейін.

* * *

74-ші

Осы ережедегі айтылмыш барша сөздер қазіргі сиезге міндетті – бөлек постановлениедегі жазылмыш сөздерден басқасы ешбір тоқтатпайынша бітірмекке міндетті. Бұл ереже мағлұм етілген соң барша билерге, сиездерге, болыстарға, старшындарға жаңадан ереже жасалғанға шейін, осы ереже жасалмай тұрып жазылған копиелер 67-ші бапта айтылған рәуіш² бойынша сыйымды болады.

¹ تحقیق – парсы сөзі, мағынасы: анық, сенімді, дұрыс, күмәнсыз. *Гафаров М. А.* Персидско-русский словарь. – С. 150.

² Рәуіш – сипат, іспет деген мағынада.

Үкім оның үшін осы 74 бапты ережені біздер жасадық.

Қазақ рәсімінше таза көңіліміз хәм әділетімізбен уа хәм растығына сендіреміз. Павлодар оязының биі Йусуф Бәтішұғлы, би Иса Бердалиұғлы, би Молдабай Сәрсенұғлы, би Мұқатай Келдібекұғлы, би Санияз Бабайұғлы, би Исмағил Шоқпарұғлы, қолдарын қойды. Би Серғазы Тайсарыұғлы, би Жалалатдин Рамазанұғлы мөрлерін басты. Қарқаралы оязының биі Хакім Құдаймендіұғлы, би Абай Майқыұғлы, би Екеш Сыбанұғлы, би Илеубай Қашқынбайұғлы, би Билібай Тұманбайұғлы, Абралы болысының кандидаты Шәкірұғлы мөрлерін басты. Би Оспан Атақозыұғлы, би Баймұхамед Алдабергенұғлы қолдарын қойды, би Иса Шонтыұлы таңбасын басты. Семипалат оязының құрметті қазақтары **Ибраһим Құнанбайұғлы**, Құдайберген Тастамбекұғлы, Ибраһим Нұркенұғлы, билер Бектоғай Ботабайұғлы, Иса Сүтжанұғлы, Айтқазы Жексенайұғлы, би Жұмақан Жарқымбайұғлы қолдарын қойды. Би Сүйіндік Шақабайұғлы, би Әлжан Назарұғлы, мөрлерін басты. Өскемен оязының болыс харунжіі Ислам Әлжанұғлы, құрметті қазақ Құрманғали Йақұбұғлы, би Жанкүдей Қойтыұғлы, би Ережеб Ноқайұғлы қолдарын қойды, болыс Иса Күнбасұғлы, болыс Қабамай Қошқарұғлы, би Үсен Қалабайұғлы мөрлерін басты. Құрметті қазақ Қалматай Есенқожаұғлы таңбасын басты, би Қаумен Аманұғлы қолын қойды.

Зайсан диуанының болысы Бөкеш Шаямбайұғлы, болыс Билеуші Босқымбайұғлы, би Жұмақан Қисықұғлы, би Қоқаш Есенгелдіұғлы қолдарын қойды. Болыс Ақшал Қожабергенұғлы, болыс Тәркімбай Жақсыбайұғлы, би Жайсамбай Елемесұғлы, би Батбақбай Тілеуліұғлы, би Қайрамбай Қуандықұғлы мөрлерін басты. Сиез басшылығы Өскемен оязы Маевский қолын қойды. Семипалат оязының лауазымын ада қылушы Қазанцев, Зайсан приставының помощнигі Нарбот, Қарқаралы оязының старший помощнигінің лауазымын ада қылушы Айтбакин қолдарын қойды хәм әскери (военный) губернатор Циклинский қолын қойды.

Статья посвящена изучению правового документа «Эреже [правило], составленное на Чарском съезде в мае месяце 1885 года». Данный документ был разработан и принят с участием великого поэта Абая Кунанбаева на чрезвычайном съезде биев Каркаралинского, Павлодарского, Семипалатинского, Усть-Каменогорского уездов и Зайсанского приставства Семипалатинской области в местечке Карамола. В нем отражены обычаи, традиции, сознание, жизнедеятельность, социальное бытие казахского народа второй половины XIX века.

The article is devoted to the study of the legal document «Erezhe [rule], drawn up at the Charsky Congress in may 1885». This document was developed and adopted with the participation of the great poet Abay Kunanbayev at the extraordinary Congress of biys of Karkaraly, Pavlodar, Semipalatinsk, Ust-Kamenogorsk counties and Zaisan District of Semipalatinsk region in the town of Karamola. It reflects the customs, traditions, consciousness, life, social life of the Kazakh people of the second half of the XIX century.

Семей облысының бес диуанының барша халқының сайланмыш адамларының 1885-ші йылда май айында Шар бойында Қарамола сиезде жасалмыш ережесі. 1, 3, 5, 55, 57, 59-беттері.

Н. И. Лобачевский атындағы Қазан федералды университеті ғылыми кітапханасының қолжазба және сирек кітаптар бөлімінің қоры. Шифры – Т68428.

— 1 —

Семі پولاط اوبلوسى نىنك بش ديوان نىنك بارچه خلق نىنك
سايلانمش آداملارى نىنك ل ۱۸۸۵ نچى يلىمىندە ماى آينىدە
چار بويىنك قرامولاسيانىنك جاسالمش ايراجەسى دور

۱۶۸۴۹۷ نچى باب

بولوسناى سىازدە داغۇلار اولكانلىكىنە قراى صوماسىنە
قراى بتولادور چريز وىچاينى سىازلارده ارلوعلارنىنك
آمري بويىنچە بر اوياز بر اوياز برلان كىنالا شوب
بتولادور هر اويازنىنك بارچه بىي لارى برلان ايكالى

نچى ۲

داۋلاشقانلار هر ايكى طرفى سويكان بىي لارىن تانكلاب
آلادىلار براف بىي حساين پولاتىنە بويىنچە اولوقلار
چىغاردى سورايمىز هر طرفدىن اوچ بىي دان آرتوق
بولماسە ايكان بىي چىغارۋنان بورون تريتاي بىي
برلان يرشادور آكرده داغۇلاشقوچيلار تريتاي بتوصى
برلان بىمايمىن ديسەلار هم بتوم بولونماسە سونده
يوقارىدا ايتولمش بويىنچە بىي لارىن تانكلاب چىغارادىلار
ايكى جاغى نىنك بىي لارى تالاشوب جوب بولسەلار
توبانده ايتولمش رات بويىنچە بتورادور هر اويازنىنك
خلقى اورتالارىنان برتويە باش بىي چىغارادىلار بوغان
سايلانارغە ممكىن خدمتداكى هم خدمتسىزدە خرمتلى
كشى لاركا اكرده بىي لارنىنك بتومى تالاس بولسە سايلاناشلاردان

— 3 —

ایکی توبه باشی فی چیغارتوب آلا دیلار تیوشلی اویاز
 خالقلا ریضان مباده بولارننک اراسیندک تالاش بولسه قالغان
 اویازلارننک توبه باشینه جرابیه سالونوب چیققان کشی
 بتمولارینه آرالاشوب شول کشی ننگ اوغان جاغی ننگ
 بتموی اوزوغوب مقل بولادور اوشبو رات بویچه
 اویازنای چریزویچایندای سیازلارده ایکی طرف ننگ
 تنک تالاس بولسه توبه باشی بیی بر جاغینه
 آویب توقماتادور

۳نجی

چؤابکارلارننک شاقراؤی بویچه کیلماکانلیک لاری استارشین
 برلان بولوسلار کؤاهلان دوروب کیلماکانلوکوننک مغقول یا که
 ایماسین بیی لار تیکشارادور اگرده کیلماکان سببی
 تیکشارؤی بویچه سیوملی بولسه بیلیک آیتولمایدی
 کیونکگی که قالسه کیراک مبدہ کیلماکانلیکی سیومسز بولسه
 سیرتینان بیلیک آیتولادی سیرتینان قیلغان بیلیک لاری
 بر بیی ننگ یاکی سیازداکی بیی لارننک تعین سزدور
 بیلیک کوفیه سی استارشین لار یاکی بولوس آرقلی
 معلوملانادور اگرده جوابکار راضی بولسه تعینلی بولوب
 بوزولمایدور اگرده راضی بولماسه ایکی جومغه آراسیندک
 آلاچ بیلیک آیتقان بیی کا قایتادان غریض قیلادور
 صوندہ بیی جوابکارننک حضوریندہ قایتادان بیلیک
 آیتادور اگرده جوابکار تیکشارولؤ بویچه آغارسه یاکی

— 5 —

بولوسناي سيازكا تنكلا تىسە سياز بىي نىك بىيلىكىن اونائسە
صوندى غىبىلى جاغىن چىغونىن قايتارمىقە مىندانلى قىلوب
هم جزا بيورادور جالغان آيتقان اوچون
يوقارىدە ايتولمىش رات بويىچە بولوسناي سياز هم
سولاىچە بىيلىك سرتدان قىلادور راضى بولماغاندە چرىز
ۋىچايناي سيازكا بىيلىكون صىناتادور هر چرىز ۋىچايناي
سيازنىك بىيلىكى هر ۋاقىتدە بوزولمايدور

۴ نچى

اكرده داۋكار چاقرولغان كونىدە كىلماسە سورالمىش
داغۋاسىن بوش قالدورادور صوندى جوابكار غرىض
ايتسە بىي لارنىك ايختىيارى بويىچە جوابكارنىك چىغونىن
داۋكاردان بيوروب برادور براق داۋكار ايختىيارلى
داۋىن قاينادان سورامىقە شول داغۋاسى بىي لارنىك
تىكسارۋى بويىچە جالغان چىقسە داۋنىك صوماسىنە
قراي هم جوابكارنىك كادىرىنە قراي چىغونىن تارتقورادور

ل نچى

بر اشتارشىنە ايل نىك ايچىندە داۋكار جوابكارلارنىك
بارچە جانجال سوراۋ داغۋالارنى شول اشتارشىنە ايل نىك
بىونە بتورمىكە مىندانلى دور بىي براق اوزىن بىيلىك
آيتماقدان چىغارادور داۋلاسقان جاغى نىك برى تۇسقان
جاقونى بولسە قايسىلارى آطاسى آناسى بر توغمە آغە
اينوسى آكاسى نىك بر توغمە آغە اينوسى جىانى نمرە

— 55 —

ياكى نوغايىدان ۋاكييليك آلوب كېروشاسون دايرىزى
بولارغە مەككىن اوزى بىرلان اويازلاش قزاق آدامغە

۷۲ نچى

بىي لارنىڭ بىيلىك بىتومىن اورنونه كىلتورمك واغده كوفى
كوفىنى بولوسقە ياكى استارشىنغە مەلوم ايتواكان كوننان
حسابلانادور - يالغوز بىي نىڭ بىلو كىن اورنونه كىلتورمككە
استارشىن مىندانلى سىياز بىي لار نىكىن بولوس مىندانلى بىر
بىي نىڭ بىلو كىن اورنونه كىلتورمك واغداسى اوچ كوننان
يتى كونكا چاپىن سىياز بىيلار نو كىن يتى كوننان يكرمه بىر كونكا
چاپىن چرىضۇ يچاينى نىڭ بىلو كىن بىر آيغە چاپىن

۷۳ نچى

آ كرده جتم قىز آكاچچاسى نىڭ نرى واقتونده قودا بولوب
آناستورغان بولسە براۋكا آكاچچاسى اولكاندىن كايىن قودالوعىن
بوزغان بولسە آلغان كويىۋى قالىن مالىن غىبى بىرلان
قايتارادى اكرده قىز بورونغى آناستورغان كويىۋىنە نىسە
صونده ھېچ كىم تىوشلى آكاسىنان قالغان جىساۋىن ھىم مىراسىن
الماقە نوقىماۋ قىلماسىن

۷۴ نچى

اوشبو ايراجادا كى ايتولش بارچە سوزلار ھىركى سىيازكا
مىندانلى دور - بولاك باستاناۋ لىنىيەدا كى يازولش سوزلاردان
باشقىسى ھېچ بىر نوقتائۇ اينچە بىتورمككە مىندانلى دور بو ايراجە

— 57 —

مفلوم ايتولكاننان صونك بارچه بيى لاركا سبازلاركا بولوسلارغه
استارشينلارغه جنكادان ايراجه جصالغانغه چاين اوشبو ايراجه
جصالمای توروب جازولغان كوفيه لار ۶۷ نچى بابده ايتولغان
راژيش بويىنچه سيوملى بولادور

نكم آننگ اوچون اوشبو ۷۴ بابلى ايراجانى بيزلار جصاديق
قزاق راسمى نچه ناضه كونكلوميز هم عدالاتوميز ايلان وهم

راسلوغينه ايشاندوراميز پاؤلادار اويازى ننگ بيى يوسوف
باتش اوغلى بيى ايسه بردالى اوغلى بيى مولداى سارسن
اوغلى بيى موقاى كىلدىبىك اوغلى بيى سانياز بيى اوغلى
بيى اسماغىل چوقبار اوغلى قوللارين قويدى بيى سرغازى
طابىصارى اوغلى بيى جلالاندين راماضان اوغلى مهرلارين

باستى قرقارالى اويازى ننگ بيى حاكم خدايمندى اوغلى
بيى ابى مايقى اوغلى بيى بىكاش صبان اوغلى بيى ايللاؤباى
قاشقىنبى اوغلى بيى بىبايىبى تومانبى اوغلى ابرالى بولوسى ننگ
كانديتاقى چكر اوغلى مهرلارين باستى بيى اوسپان آطا قوزى
اوغلى بيى باى محمد آلدابركا اوغلى قوللارين قويدى بيى

ايسه چونتى اوغلى تامقاسين باستى سمى پولاط اويازى ننگ
هرمنلى قزاقلار ابراهم قونباى اوغلى حىبايبركان تاستامبىك
اوغلى ابراهم نوركان اوغلى بيى لار بىكئوغاى بوتاباى اوغلى
ايسه سونجان اوغلى آيتقازى چىكساناى اوغلى بيى جوماحان
جار قومباى اوغلى قوللارين قويدى بيى سويوندوق چقاباى
اوغلى بيى آلمان ناضار اوغلى مهرلارين باستى اوسكامين

— 59 —

ауияزی ننگ بولوش حارونجه اسلام آلبخان اوغلى حرمتلو قزاق
 قورمنغلى ياقوب اوغلى بىي جانكوداي قويتى اوغلى بىي ايرجاي
 قوقاي اوغلى قوللارين قويدى بولوس ايسه كونباس اوغلى
 بولوس قىامباي قوشقار اوغلى بىي اوسان قلاباي اوغلى
 مەرلارين باستى حرمتلى قزاق قالما طاي ايسخوجه اوغلى
 تامغاسين باستى بىي قازمان آمان اوغلى قولون قويدى

ضايصان دايوان ننگ بولوس بوكوش قىامباي اوغلى بولوس
 بىلاوچى بوسقومباي اوغلى بىي جوماخان قىسىق اوغلى بىي
 قوقاش ايسنكلدى اوغلى قوللارين قويدى بولوس آتچال
 قوجه بركان اوغلى بولوس تركامباي جاقسى باي اوغلى بىي
 جايسامباي ايلاميس اوغلى بىي باتىقباي تىلاولى اوغلى بىي
 قايرامباي قولدىق اوغلى مەرلارين باستى سىياز باشلوغى
 اوستكامين اويازى مايۇسكى قولون قويدى سىي پولام
 اويازى ننگ لاوازىمىن آدا قىلغوچى قزانسوف ضايصان
 پرستوف ننگ پوموشنىكى ناربوت قرقارلى اويازى ننگ
 استارشى پوموشنىك ننگ لاوازىمىن آدا قىلغوچى آيتباكىن
 قوللارين قويدى هم ژاپانناي كوبرناتور نىسپىكلىنسكى
 قولون قويدى *

Вѣрно: переводчикъ Асановъ.

Печатано по распоряженію Военнаго Губернатора Семипала-
 тинской области, 14 февраля 1886 г. № 1546.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1886.

З. С. ТАБЫНБАЕВА**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
ПО ВЫЯВЛЕНИЮ, АНАЛИЗУ И ОЦИФРОВКЕ АРХИВНЫХ
МАТЕРИАЛОВ»**

г. Алматы, 3 марта 2020 г.

3 марта 2020 г. в рамках проекта «Археографические работы в зарубежных архивах и фондах по истории и культуре Великой степи (выявление, анализ, оцифровка)» с целью подготовки молодых специалистов-археографов, а также ознакомления слушателей с вопросами методологии и методами археографических исследований и интеграции отечественных и зарубежных ученых в рамках реализации программы «Архив – 2025» был проведен международный научный семинар. Организатором семинара выступил Республиканский центр по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК. Мероприятие состоялось при поддержке специалистов из Католического университета Лувэна (г. Лувэн-ла-Нев, Бельгия) – профессора антропологии Анне-Мари Вильмено и доктора исторических наук Татьяны Сирбу.

Республиканский центр по изучению исторических материалов на протяжении многих лет сотрудничает с Католическим университетом Лувэна в рамках программы Европейской комиссии Эрасмус+.

Профессор антропологии Католического университета Лувена Анне-Мари Вильмено проводит антропологические исследования в Казахстане (с 1992 года), Узбекистане, Ладакхе, изучает традиции шаманизма и баксы, кочевничество, суфизм, тибетский буддизм. В своем докладе «Work in progress in Balkan Lands: dor and sevдах, nostalgic “bonds/attachments”» профессор раскрыла с антропологической точки зрения вопрос идентичности народов Молдавии через музыкальные традиции – севдах и дор. Молодые специалисты и все присутствующие на семинаре познакомились с авторским методом профессора по сбору, обработке и анализу материала.

Севдах (севдалинка) – это традиционный стиль боснийской музыки, возникший более 300 лет назад. Название восходит к арабскому слову, означающему «любовь, томление, экстаз». Самые лучшие поэты этого стиля родом из боснийского города Мостара, за которым закрепились слава души этого музыкального стиля. В музыкальном плане севдалинка отличается легким, медленным или умеренным темпом и богатой гармонией, которые оставляют у слушателя чувство меланхолии и ностальгии. Песня обычно исполняется одним вокалистом-мужчиной, хотя и жен-

ский вокал не редкость. Обычно ее исполняет небольшой оркестр, в состав которого входят аккордеон (самый распространенный инструмент в ансамбле), скрипка или иногда другие струнные инструменты. Между куплетами почти всегда можно услышать аккордеон или скрипку. Ее тексты – баллады, обычно посвященные влюбленности или несчастной любви, отсюда происхождение севдалинки, которая помимо значения «любовь» содержит и другие значения, такие как «страсть» или «любовная жалость». Данному жанру свойственна мультикультурность. Так как этот регион Балкан испытал турецкое, венгерское, цыганское и славянское влияния, это, безусловно, отражается на музыкальном стиле.

Дор (Dor) на румынском, hüzün на турецком, Sehnsucht на немецком, saudade на португальском и т. д. считается непереводаемым названием уникального компонента боснийской культурной традиции. Более поддающийся художественному восприятию, чем определению в науке, он обозначает аффект, связанный в основном с определенными формами боснийской музыки, передающими ностальгические чувства, и ее восприятием людьми.

Профессор Анне-Мари Вильмено представила сравнительный анализ современных форм ностальгии (молдавский дор и боснийская севда), связанных мультикультурными встречами, происходящими из «взаимосвязанной истории» (Субрахманян). Одним из последствий глубоких преобразований боснийского и молдавского общества является новая ностальгия – ностальгия по безвозвратно утерянному будущему и надежде на то, что еще не произошло. Посредством передачи музыкальных жанров, кулинарных практик и определенных стилей жизни личностей Анне-Мари Вильмено продемонстрировала антропологическую привязанность и самоидентичность людей к молдавским дор или боснийским севда.

Доктор исторических наук Татьяна Сирбу, приглашенный лектор Института анализа изменений в современных и исторических обществах (IACHOS) и Лаборатории перспективной антропологии (LAAP) при Католическом университете Лувена, занимается изучением социальной и культурной истории. Профессиональная подготовка Татьяны Сирбу проходила в Молдове, Румынии и Бельгии. Она закончила Государственный университет Молдовы, факультет истории, по специальности «Архивы и музеи». Затем последовала магистратура в том же университете по специальности «Исследования Юго-Восточной Европы». Вторую междисциплинарную магистратуру она закончила во французскоязычной школе социальных наук Бухарестского университета в Румынии в качестве стипендиата Агентства университетов во французскоязычных странах (AUF). Затем стала стипендиатом в докторантуре Брюссельского Свободного Университета, где защитила в 2012 году диссертацию и получила титул доктора исторических наук, искусства и археологии. В 2017 году Татьяна Сирбу получила премию Fondation Auschwitz – Jacques Rosenberg за диссертацию на тему «Политика “цыганских сёл” в Бессарабии под тремя администрациями: царский, румынский и советский. 1812–1956». Доктор Татьяна Сирбу представила доклад «Regulations and policies towards nomads during the 19th century in the European part of the Tsarist Empire». Законодательные урегулирования и политика по отношению к кочевникам в европейской части царской империи в XIX в.), особенно сфокусировав внимание на двух категориях населения, называе-

мых до 1861 г. коренными цыганами и помещичьими цыганами, и урегулировании по отношению к ним до и после так называемых Великих реформ в царской России.

Доктор Татьяна Сирбу провела антропологические исследования непосредственно в местах проживания цыган в Молдавии. Социальные процессы среди цыган Молдавии в XIX веке описаны и проанализированы на архивном материале из России и Бельгии. Выявлены географические карты, при сравнительно-сопоставительном анализе которых сделаны новые открытия. Доктор наглядно продемонстрировала методы своей работы.

В работе семинара приняли участие представители академических и образовательных учреждений Республики Казахстан, а также ведущие специалисты в области истории и источниковедения, сотрудники Республиканского информационно-го центра по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р. Б. Сулейменова, Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Казахского государственного университета им. аль-Фараби и др.

Большой интерес вызвал доклад член-корреспондента НАН РК, доктора исторических наук, профессора Меруерт Хуатовны Абусейтовой на тему «Проблемы выявления, анализа и оцифровки архивных материалов по истории и культуре Великой степи». М. Х. Абусейтова является непосредственным участником различных археографических экспедиций в зарубежные архивы и фонды по выявлению, сбору и анализу письменных, визуальных источников по истории и культуре Великой степи. Ею в научный оборот введен целый комплекс источников, отражающий все этапы исторического развития, традиции народов Великой степи и казахского народа в частности. Представленный на семинаре доклад, а также комментарии в качестве модератора семинара, ознакомили присутствующих с результатами работы проекта «Археографические работы в зарубежных архивах и фондах по истории и культуре Великой степи (выявление, анализ, оцифровка)», спецификой вопросов методологии, методами археографических исследований, основными видами выявленных источников, имеющими большое значение для понимания истории и культуры Великой степи.

Директор Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК, доктор исторических наук Зиябек Ермуханович Кабульдинов в своем докладе «Роль программы “Архив – 2025” в реконструкции слабоосвещенных страниц истории Казахского ханства во второй половине XVIII – начале XIX вв.» затронул важный аспект – роль архивных материалов как ценного источника по изучению взаимоотношений между Россией и Казахстаном. Указанные материалы представляют собой отчеты, аналитические записки, деловые письма и другие делопроизводственные акты. Однако именно в такого рода документах имеются некоторые моменты, которые находят отражение в архивных актах низового (регионального, местного) уровня, но не всегда могут быть изложены в официальных документах правительственного уровня. На примере анализа архивных материалов доктор Зиябек Кабульдинов показал, что в них нашли отражение различные аспекты взаимоотношений между Казахской степью и Российской империей, выявлено значительное количество документов, раскрывающих содержание непростых отношений между казахскими ханами, султанами, батырами, с одной стороны, и российскими пограничными властями, башкирами, волжскими калмыками – с другой.

В первую очередь можно привести ценные сведения, относящиеся к личностям казахских правителей Среднего и Старшего жузов второй половины XVIII – начала XIX веков: Абылай хана, Султанмамет-султана, султанов Уали, Уруса, Абульфеиза, Суюка, Бокея и пр.

Профессор, кандидат исторических наук Гюльнар Кайроллиновна Муканова в своем докладе «Инструментарий востоковеда в эпоху глобализации. Цифровизация и гипертекст (труды Ч. Ч. Валиханова о тюрках Алтая)» подчеркнула безусловную важность доступа в фонды зарубежных архивохранилищ, мобилизации междисциплинарных и международных археографических экспедиций. Исследованию подлежат многочисленные вопросы, касающиеся истории и культуры Великой степи.

Главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, доктор исторических наук, профессор Закиш Тулехановна Садвокасова представила доклад на тему «Поиск документов по истории Великой степи и его результаты (по материалам экспедиции “Архивы – 2025”)».

Международный обучающий семинар познакомил молодых специалистов с междисциплинарными методами исследований истории и культуры Великой степи в области антропологии, источниковедения, истории, археологии и археографии.

Мақала ҚР БҒМ Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты жанын-дағы Республикалық тарихи материалдарды зерттеу орталығы ұйымдастырған, Лувэн Католиктік университетінің (Лувэн-ла-Нев қаласы, Белгия) мамандары – антропология профессоры Анне-Мари Вильмено және тарих ғылымдарының докторы Татьяна Сирбудың қолдауымен өткен «Архив материалдарын анықтау, талдау және цифрлаудағы археографиялық жұмыстарды жүргізу әдісі» атты халықаралық ғылыми семинар туралы. Семинарды өткізудегі мақсат – жас археограф-мамандарды даярлау, сонымен қатар тыңдаушыларды археографиялық зерттеу әдісі мен әдістемесі мәселелерімен таныстыру, отандық және шетел ғалымдарының интеграциясына жол ашу.

The article provides information on the international seminar «Methods for conducting archaeographic work to identify, analyze and digitize archival materials». The workshop was conducted within the framework of cooperation of R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies with the Catholic University of Louvain (Louvain-la-Neuve, Belgium) under the Erasmus + program of the European Commission. Professor Anne-Marie Vilmenot and Doctor Tatiana Sirbu, as well as Kazakhstani specialists attended the seminar. The article provides an analysis and a summary of all the speeches.

Е. М. УЖКЕНОВ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОГРАММА “АРХИВ – 2025” : ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

г. Алматы, 27 апреля 2020 г.

Круглый стол «Программа “Архив – 2025”: теория и практика археографических исследований» был проведен в онлайн-формате на базе Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова в рамках реализации программы «Археографические работы в зарубежных архивах и фондах по истории и культуре Великой степи (выявление, анализ, оцифровка)».

Программа направлена на выявление новых, ранее не введенных в научный оборот письменных источников и материалов, касающихся истории и культуры Великой степи. Программа «Архив – 2025» была инициирована Первым Президентом Республики Казахстан и должна служить важной основой для реализации задачи по сохранению и модернизации национального самосознания. Ставя своей целью поиск архивных материалов в зарубежных архивных фондах, программа не ограничивается только письменными источниками, а охватывает и материальные памятники, тем самым способствуя преумножению богатого исторического прошлого нашей страны.

Для столь амбициозных задач необходимо было обобщить и использовать весь опыт проведения археографических экспедиций, а также определить общие подходы для получения эффективных результатов. Именно поэтому целью круглого стола стал анализ используемой методологии и обмен научным опытом и научными знаниями. В работе круглого стола приняли участие сотрудники Института и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова и Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК. Выступили директор Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, д. и. н. З. Е. Кабульдинов, д. п. н. С. М. Борбасова, к. и. н. Б. К. Кудайбергенов, к. и. н. Е. М. Ужкенов, к. и. н. А. Т. Абдуллина, к. и. н. Г. А. Шотанова, к. и. н. З. С. Табынбаева.

В ходе круглого стола были обсуждены такие перспективные и актуальные научные направления, как новые методологические подходы в археографических исследованиях, малоизученные вопросы истории Казахстана, определение роли и значения архивных материалов, а также вопросы практики организации археографических работ в рамках реализации программы «Архив – 2025». Выбор направлений определялся не столько важностью, сколько перспективностью разработки подобных тем в дальнейшем.

Сосредоточение профессиональных знаний, умений и навыков позволило провести анализ состояния ранее не решенных задач, стоящих перед историческим обществом, и тем самым вывести отечественную науку на новый этап. Так, одним из самых малоисследованных вопросов являлся вопрос о роли и значении личности в отечественной истории. Действуя в фарватере прежних представлений о роли личности в истории, которые сформировались в русле общей догматики, характер-

ной для советской науки, отечественная историография хотя и имеет ряд фундаментальных трудов о жизнедеятельности отдельных личностей, в частности работы К. Л. Есмагамбетова о М. Шокае, И. В. Ерофеевой об Абулхаир хане и т. д., но так и не выработала свои специфические черты и подходы. При анализе привезенных документов можно отметить, что личность наших соотечественников вновь становится в центр внимания отечественных исследователей. Таким образом, биографический подход встает в общий ряд инструментов, помогающих исследователю провести необходимые научные изыскания. Подобные подходы позволяют заглянуть в историческую реальность как бы изнутри, что способствует более объективному восприятию исторической действительности.

Работы по поиску и приобретению документов (копий), имеющих научно-историческую ценность, из архивов зарубежных государств начались с принятием Правительством Республики Казахстан Программы развития архивного дела в Республике Казахстан на 2001–2005 годы. Далее данные работы проводились согласно Программе развития архивного дела и систем документации Республики Казахстан на 2007–2009 годы, став одним из немаловажных направлений деятельности государственных архивных учреждений. Значительное внимание уделено сохранению и преумножению архивного наследия в Государственной программе «Культурное наследие», разработанной и принятой по инициативе первого Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева. В результате совместных усилий архивистов и ученых Национальный архивный фонд Республики Казахстан за последние годы заметно пополнился раритетными документальными источниками, выявленными и приобретенными в государственных архивах, архивах научных учреждений, музеях и библиотеках Армении, Арабской Республики Египет, Турецкой Республики, Франции, Венгрии, Германии, Великобритании, США, России, Китайской Народной Республики, Польши, Республики Узбекистан. Не все из выявленного, в том числе собранного, досконально изучено учеными. Наверняка эти документы таят в себе еще немало открытий, и данный справочник должен способствовать этой благородной задаче. В настоящее время все ранее выявленные документы по истории Казахстана внесены в базу данных Национального центра археографии и источниковедения. Она стала основой для составления информационного справочника «История Казахстана в зарубежных архивах». Справочник представляет собой перечень документов, составленный на основе хранящихся в архивах зарубежных государств документов с указанием мест их хранения. Самый значительный массив документов выявлен в государственных архивах Российской Федерации, что вполне закономерно. Данный справочник составлен на основе документов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Архиве внешней политики Российской Империи (АВПРИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Документы, представленные в данном справочнике, в основном охватывают период с XVI по XX вв. На сегодняшний день по программе «Культурное наследие» выявлено более 35 тысяч документов, из которых порядка 23 тысяч вошли в базу данных. В архивах, библиотеках и научных учреждениях России, Китая, Турции, Великобритании, Германии, Франции и других государств выявлено около тысячи документальных

источников. Базы казахстанских источников пополнились сотнями рукописей и редкими научными изданиями. Проведена работа по выявлению хроникально-документальных кадров, сюжетов, выпусков, фильмов по истории Казахстана в Государственном фонде телевизионных и радиопрограмм (Гостелерадиофонд). В результате выявлены уникальные документы общим звучанием 200 часов, представляющие научный и культурный интерес. В целом в рамках Государственной программы «Культурное наследие» в 2007 году выявлено более 75 000 листов документов, 64 книги, 6 рукописей, а также 158 документальных сюжетов и репортажей с общим звучанием 200 часов. На сегодня пробел в исторической науке в значительной мере восполнен новыми выявленными документами по программе «Архив – 2025».

Столь значительный фундамент послужил опорной точкой для дальнейших изысканий. В период своего участия в программе «Архив – 2025» сотрудниками Института истории и этнологии имени Ч. Валиханова и Институтом востоковедения имени Р. Б. Сулейменова также была проведена значительная работа по анализу выявленных архивных материалов. На прошедшем круглом столе «Программа “Архив – 2025”: теория и практика археографических исследований» была предпринята попытка подведения промежуточных итогов археографических экспедиций. В его ходе состоялись выступления участников, многие из которых носили очень значимый характер.

С приветственным словом и докладом на тему «Казахско-российские отношения в Среднем Прииртышье 40–90 гг. XVIII века на основе новых архивных материалов» выступил директор Института истории и этнологии имени Ч. Валиханова, д. и. н. Зиябек Ермуханович Кабульдинов, который раскрыл сущность и важность истории казахско-русских отношений не только для исторической объективности и нужд исторической науки, но и для политических реалий сегодняшнего дня.

Тот же лейтмотив был озвучен и в докладе «Проблема исследования национально-освободительного движения казахов под руководством Оспан батыра в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (по материалам архивных источников)» Саина Молдагалиевича Борбасова, д. п. н., главного научного сотрудника Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова. Оспан батыр – лидер национально-освободительного движения казахов Китая, один из знаменитых лидеров казахского народа, в Казахстане в силу объективных причин не был столь популярен. Лишь с получением независимости вопрос истории казахов КНР стал рассматриваться через призму общенациональной истории. Долгое время исследования были сосредоточены на его военных действиях, а мотивы, чаяния и личная жизнь оставались неизвестными даже для профессиональных историков. Лишь благодаря выявленным документам письменные источники, освещающие основные вехи восстания Оспан батыра, стали доступными для массового читателя. Создание им подвластного только себе территориального объединения может рассматриваться как первое государство казахов Алтая.

Тему лидеров национально-освободительных движений казахов продолжила Закиш Тлеухановна Садвокасова, д. и. н., главный научный сотрудник Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова. В своем докладе «Руководители национально-освободительных движений Казахстана: по материалам российских печатных изданий XIX века» Закиш Тлеухановна использовала письменные памятни-

ки, выявленные в архивах г. Санкт-Петербурга. Сам материал был построен на личностном образе батыров, сохранившемся благодаря описанию российских военных, переписке предводителей восстания, а также сообщениям лояльных к Российской империи родоправителей. В печатных изданиях отражались мысли наиболее прогрессивной части российского общества, где осуждению подвергались карательные экспедиции, проводимые с особой жестокостью. Учитывая, что подобные настроения либеральной части общества еще не нашли своего отражения в специальных научных исследованиях, следует признать подобные изыскания перспективными.

Тему зарубежных памятников личностям, внесшим свой вклад в историю казахского народа, продолжил Кудайбергенов Болат Кудайбергенович, к. и. н., ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова. В своем выступлении «Шет мемлекеттер территориясындағы Ұлы даланың ұлы тұлғалары: тарихы, мұрасы, зерттеулері» он подробно описал состояние дел в этом направлении научной деятельности.

Уникальные сведения из архивов г. Оренбурга предоставила Аксункар Турсуновна Абдуллина, к. и. н., ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова. В своем докладе на тему «Документы Оренбургского архива социально-политической истории о проведении работы среди женщин-мусульманок» она подробно осветила этапы и состояние просветительской работы среди казашек на рубеже веков, а также описала состояние образовательных учреждений до и после революции 1917 года и отношение казахских масс к коммунистическим идеям.

Практическая часть круглого стола была представлена в докладе «Формирование электронно-цифрового фонда архивных документов: проблемы и перспективы». Зуре Сыздыковна Табынбаева, к. и. н., ведущий научный сотрудник Института востоковедения имени Р. Б. Сулейменова, рассказала о мировом опыте развития библиотечного и архивного дела. В докладе прозвучали практические методы внедрения электронных ресурсов в работу библиотек Великобритании, Франции, Италии.

Практическую составляющую круглого стола продолжил Ернар Муратович Ужкенов, к. и. н., ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова. В своем докладе «Практика археографических исследований в зарубежных архивах (на примере архивов РФ)» он, подведя промежуточные итоги реализации программы «Архив – 2025», предложил сосредоточиться и на материальных свидетельствах нашей истории – печатях, флагах и др.

Неизвестные страницы истории Казахской степи были освещены в докладе «Страницы архивных материалов Казани о судьбах и событиях дореволюционного Казахстана» Галии Айтжановны Шотановой, к. и. н., ведущего научного сотрудника Института истории и этнологии имени Ч. Валиханова. В данном докладе рассматриваются судьбы казахов и события дореволюционного Казахстана. Вся палитра исторических лиц и событий прослеживается по материалам архивов г. Казани, поскольку именно Казань была духовным и образовательным центром для жителей Казахской степи. Большой пласт документов содержится по вопросам политического, социально-экономического, культурного, духовного развития самого Тагарстана и сопредельных ему казахских земель. Особый интерес представляют материалы, касающиеся образования и религиозного воспитания будущих лидеров Казахской степи.

В ходе состоявшейся дискуссии на данном круглом столе были обсуждены представленные доклады, а также выработан ряд рекомендаций.

Важными источниками по реконструкции исторических реалий служат карты, печати, монеты, выявление, сбор и анализ которых поможет более наглядно рассмотреть конкретно-исторические условия для тех или иных исторических событий.

Необходимо усилить работу по выявлению материалов других исторических периодов: древности и средневековья, а также современного периода истории Казахстана.

Особое внимание следует уделить поиску материалов касательно проблем этнологии и этнографии Казахстана, учитывая и сохранившиеся труды исследователей советского периода.

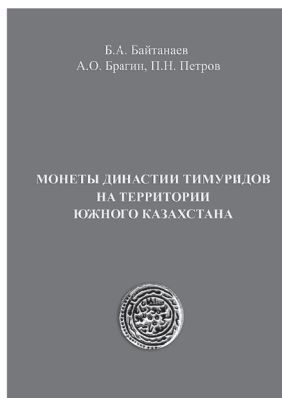
Нужно наладить работу по привлечению молодых ученых под руководством опытных исследователей в состав участников археографических экспедиций, организовав при этом практические исследования на базе архивных учреждений г. Алматы.

Выполнение принятых резолюций позволит улучшить организацию проведения археографических экспедиций и придаст дополнительную эффективность выявленным научным результатам.

Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты негізінде «Шетел архивтеріндегі археографиялық жұмыс және Ұлы Дала тарихы мен мәдениеті бойынша қорлар (сәйкестендіру, талдау, цифрландыру)» бағдарламасы аясында «Архив – 2025» бағдарламасы: археографиялық зерттеудің теориясы мен практикасы» атты дөңгелек үстел өтті.

The article is devoted to the round table «Archive 2025 Program: Theory and Practice of Archaeographic Research». The round table was held online at the Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. This round table was held within the framework of the program «Archaeographic work in foreign archives and funds on the history and culture of the Great Steppe (identification, analysis, digitization)». The main directions of the round table's work were discussed and a resolution was proposed.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Б. А. Байтанаев, А. О. Брагин, П. Н. Петров
МОНЕТЫ ДИНАСТИИ ТИМУРИДОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Каталог

Алматы, 2019. 204 с.

Книга представляет собой иллюстрированное издание – каталог, в котором собраны типы тимуридских монет, встречаемые в находках на территории Южного Казахстана. В его составе присутствуют и монеты из известных уже кладов, таких как Сайрамский клад серебряных монет 2013 г. и Карачикский клад 2002 г. медных фулусов XV в., хранящихся в музеях Казахстана, а также единичные находки, сделанные в ходе археологических изысканий, и немногочисленные находки местных краеведов.

Издание состоит из введения, краткой информации о монетном деле и денежном обращении в государстве Тимуридов по литературным данным, собственно каталога, включающего в себя атрибуцию учтенных монет и фотоизображения каждой монеты, размещенных в фототаблицах, а также справочных таблиц.

Данный труд адресуется нумизматам, археологам, историкам, искусствоведам, культурологам, преподавателям и студентам вузов, а также всем, кто интересуется историческим прошлым народов Евразии.

Б. Ә. Байтанаев, А. О. Брагин, П. Н. Петров
ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОҢТҮСТІК АУМАҒЫНДАҒЫ ТЕМІР
ӘУЛЕТІНІҢ ТИЫНДАРЫ

Тізімдеме

Алматы, 2019. 204 б.

Кітап Қазақстанның оңтүстік аумағынан табылған заттардың арасынан кездесетін Темір әулеті тиындарының түрлері жинақталған көркемдік басылым – тізімдемеден тұрады. Оның ішінде бүгінде белгілі көмбелер: Қазақстан музейлерінде сақтаулы тұрған күміс тиынды 2013 ж. Сайрам көмбесі мен XV ғ. мыс фулусты 2002 ж. Қарашық көмбесінің тиындары, сонымен бірге археологиялық іздестірулердің барысында табылған жекелеген тиындар мен жергілікті өлкетанушылардың санаулы тиындары бар.

Басылым кіріспе, әдеби мәліметтер бойынша Темір әулеті мемлекетіндегі теңге ісі мен ақша айналымы туралы қысқаша ақпараттан, есепке алынған тиындардың анықтамасы кірген және фотокестеге орналастырылған әрбір тиынның фотобейнесі, сонымен қатар анықтамалық кестесі берілген тізімдеменің өзінен тұрады.

Аталған еңбек нумизматтарға, археологтарға, тарихшыларға, өнертанушыларға, мәдениеттанушыларға, ЖОО-ның оқытушылары мен студенттеріне, со-

нымен бірге Еуразия халқының тарихи өткеніне қызығушылардың барлығына арналады.

B. A. Baitanayev, A. O. Bragin, P. N. Petrov

**COINS OF THE TIMURID DYNASTY
ON THE TERRITORY OF SOUTH KAZAKHSTAN**

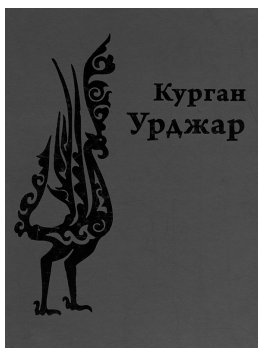
Catalogue

Almaty, 2019. 204 p.

This book is an illustrated edition and a catalogue containing types of Timurid coins met in findings on the territory of South Kazakhstan. There are also coins from already known troves, such as Sayram trove of silver coins of 2013 and Karachik trove of 2002 of copper fuluses of XV century stored in museums of Kazakhstan, as well as single findings found during archaeological surveys and few findings of local scientists.

The publication consists of an introduction, brief information of coinage and monetary circulation in the State of Timurids according to literary data, a catalogue itself, including attribution of accounted coins and photo images of each coin placed in photo tables, as well as reference tables.

This work is addressed to numismates, archeologists, historians, art historians, cultural scientists, teachers and students of universities, as well as to all those interested in the historical past of the peoples of Eurasia.

КУРГАН УРДЖАР

Составитель Б. А. Байтанаев. Алматы: Хикари, 2018. 120 с.

Издание представляет собой иллюстрированный альбом, в котором публикуются материалы кургана Урджар, открытого в 2013 году в ходе археологических работ во время реконструкции автодороги Таскескен – Бахты в Урджарском районе Восточно-Казахстанской области.

В книге-альбоме описывается история открытия памятника, этапы изучения, консервация, реставрация и реконструкция артефактов уникального захоронения древних племен, населявших Алтай.

Издание адресовано историкам, археологам, искусствоведам, культурологам, преподавателям и студентам, а также всем, кто интересуется историческим прошлым Казахстана.

ҚОРҒАН ҮРЖАР

Құрастырушы Б. А. Байтанаев. Алматы: Хикари, 2018. 120 б.

Басылым 2013 жылы Шығыс Қазақстан облысы Үржар ауданындағы Таскескен-Бақты ауылдары арасындағы автомобиль жолын қалпына келтіру кезіндегі археологиялық қазба жұмыстары барысында Үржар обасынан табылған материалдар жарияланған иллюстрациялық альбомнан тұрады.

Үржар обасындағы жерлеу шұңқырының бетіндегі тақта тасты алғаннан кейін, Қазақстанның ежелгі тайпаларын зерттеу тарихының жаңа парағы ашылатыны белгілі болды. Жерлеу орнында журналистер асығып «Үржар ханшайымы» деп атап кеткен шошақ бөрікті әйелдің қаңқа қалдықтары жатты. Бірақ, анықталған жерлеу орнын сол дәуірдегі қоғамның жоғарғы қауымына сай салтанатты деп атауға болмайды. Дегенмен сирек кездесетін бірқатар заттарға пәнаралық деңгейде зерттеулер жүргізу керек болды. Қазақстанның, алыс-жақын шетелдердің әртүрлі зертханаларында жүргізілген бұл зерттеулер жерленген адамның мәртебесі, оның сыртқы көркі, генетикалық типі, киімі, жерлеу атрибуты мен ескерткіштің уақыты туралы бірқатар сұрақтарға жауап берді.

Басылым Ұлы даланың ежелгі тарихына қызығушылардың барлығына арналады.

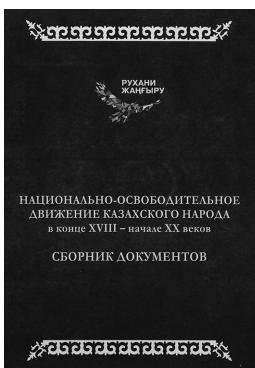
KURGAN URZHAR

Compiled by B. A. Baytanaev. Almaty: Hikari, 2018. 120 p.

The publication is an illustrated album, which publishes materials from the Urzhar mound, which was opened in 2013 in the course of archaeological works during reconstruction of Taskesken-Bakhty highway in Urzhar district of East Kazakhstan region.

After opening the floor panels of the Urzhar burial, it was clear that a new page was opened in the history of the study the ancient tribes of Kazakhstan. In the burial chamber, the remains of a woman with a pointed headdress, which journalists were quick to call the «Urzhar Princess», rested. However, the discovered burial cannot be called magnificent, corresponding to the upper class of the society of that era. It was necessary to study the rare find at an interdisciplinary level. These studies, carried out in various laboratories in Kazakhstan, far and near abroad, answered us about the status of the buried person, her appearance, genotype, clothing, funeral attributes and time of the monument.

The publication is addressed to all who are interested in the ancient history of the Great Steppe.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Сборник документов

Составители: М. Р. Сатенова, Р. Е. Оразов, Н. Ы. Жетпісбай. Под редакцией З. Е. Кабульдинова. Алматы: ТОО Литера-М, 2019. 640 с.

В издании представлены архивные материалы, освещающие историю национально-освободительного движения казахского народа в конце XVIII – начале XX веков. Материалы сборника отражают ход национально-освободительной борьбы казахов в Западном Казахстане с 1785 по 1871 гг., восстания под руководством Кенесары Касымова 1837–1847 гг., а также событий 1916 г. Источниковой базой собранных документов послужили материалы архивов Республики Казах-

стан (ЦГА РК, АП РК) и Российской Федерации (АВПРИ, РГВИА, РГИА, ГАОРО, ИАОО). Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова и Центральный государственный архив Республики Казахстан выражают искреннюю благодарность специалистам и сотрудникам вышеуказанных казахстанских и российских архивных учреждений за оказанную помощь при выявлении и сборе документов.

Научное издание рассчитано на специалистов-историков, преподавателей вузов, докторантов, магистрантов и студентов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей Казахстана.

XVIII Ғ. АЯҒЫ – XX Ғ. БАСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ҰЛТ-АЗАТТЫҚ ҚОЗҒАЛЫСЫ

Құжаттар жинағы

Құрастырушылар: М. Р. Сәтенова, Р. Е. Оразов, Н. Ы. Жетпісбай / Редакциясы: З. Е. Қабылдинов. Алматы: Литера-М ЖШС, 2019. 640 б.

Басылымда XVIII ғ. басы – XX ғ. аяғындағы қазақ халқының ұлт-азаттық қозғалысының тарихын баяндайтын архив құжаттары көрсетілген. Жинақ материалдарында 1785–1871 жж. Батыс Қазақстан қазақтарының ұлт-азаттық күресі, 1837–1847 жж. Кенесары Қасымов бастаған көтеріліс, сондай-ақ, 1916 ж. оқиғалардың барысын баяндайды. Жиналған құжаттарға Қазақстан Республикасы (ҚРОМА, ҚРПА) және Ресей Федерациясы (РИССА, РМЭТА, РМТА, ГАОРО, ИАОО) архивтерінің материалдары деректемелік негіз болды. Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты мен Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік архиві құжаттарды айқындау мен жинау кезінде көмек көрсеткен, жоғарыда аталып өткен қазақстандық және ресейлік архив мекемелерінің мамандары мен қызметкерлеріне шынайы алғысын білдіреді.

Ғылыми басылым тарихшы мамандарға, жоғары оқу орындардың оқытушылары, докторанттар, магистранттар мен студенттерге, сонымен қатар, Қазақстан тарихына қызығатын қалың оқырман қауымға арналған.

NATIONAL LIBERATION MOVEMENT OF THE KAZAKH PEOPLE AT THE LATE XVIII – BEGINNING XX CENTURIES

Collection of documents

Compiled by M. R. Satenova, R. Ye. Orazov, N. Y. Zhetpisbay. Edited by Z. E. Kabuldinov. Almaty: LLP Litera-M, 2019. 640 p.

The publication contains archival materials covering the history of the national liberation movement of the Kazakh people in the late XVIIIth – early XXth centuries. The materials of the collection reflect the course of the national liberation struggle of the Kazakhs in Western Kazakhstan from 1785 to 1871, the uprising led by Kenessary Kassymov in 1837–1847, as well as the events of 1916. The sources of the collected documents were materials from the archives of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK, AP RK) and the Russian Federation (AVPRI, RGVIA, R GIA, GAORO, IA OO). Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology and the Central State Archives of the Republic of Kazakhstan express their sincere gratitude to the specialists and employees of the aforementioned

Kazakh and Russian archival institutions for their assistance in identifying and collecting documents.

The scientific publication is intended for historians, university teachers, doctoral students, undergraduates and students, as well as for a wide range of readers interested in the history of Kazakhstan.

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ. XVIII ВЕК

Сборник документов

Составитель: В. А. Сирик. Редакционная коллегия: Т. А. Абдырахманов, С. А. Асанова, К. Н. Балтабаева, З. Е. Кабульдинов, М. М. Козыбаева, Г. И. Растягаева, З. Т. Садвокасова, Е. М. Ужкенов, Н. С. Храпова, Л. А. Чекалина, Г. А. Шотанова. Алматы: Литера-М, 2019. 522 с.

Сборник документов подготовлен в рамках реализации научной программы «История и культура Великой степи», рекомендован к изданию Ученым советом РГКП «Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова» КН МОН РК и Экспертно-методической комиссией БУОО «Исторический архив Омской области» МКОО РФ.

В сборнике представлены архивные документы по истории казахско-российских отношений в период с 1745 по 1778 гг. В частности, издание содержит материалы о дипломатических связях Казахского ханства с сопредельными странами, а также источники, характеризующие различные аспекты политической и социально-экономической жизни Казахской степи. Настоящий сборник является результатом тесного сотрудничества двух научных учреждений – Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова и Исторического архива Омской области. В издании впервые публикуются малоизученные и ранее не введенные в научный оборот архивные документы Исторического архива Омской области, выявленные в результате совместных археографических работ. Издание рассчитано на специалистов-историков, преподавателей вузов, докторантов, магистрантов, а также широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

ҚАЗАҚ-РЕСЕЙ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРЫНЫҢ ТАРИХЫ. XVIII ҒАСЫР

Құжаттар жинағы

Құрастырушы В. А. Сирик. Редакциялық алқа: Т. А. Абдырахманов, С. А. Асанова, К. Н. Балтабаева, З. Е. Қабылдинов, М. М. Қозыбаева, Г. И. Растягаева, З. Т. Садвокасова, Е. М. Ужкенов, Н. С. Храпова, Л. А. Чекалина, Г. А. Шотанова. Алматы: Литера-М, 2019. 522 б.

Құжаттар жинағы «Ұлы Даланың тарихы мен мәдениеті» ғылыми бағдарламасын жүзеге асыру аясында дайындалған, ҚР БҒМҒК «Ш.Ш.Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты» РМҚК Ғылыми кеңесімен және РФ ООММ «Омбы облысының тарихи архиві» ООБҰ сараптау-әдістемелік комиссиясымен баспаға ұсынылған.

Жинақта 1745–1778 жж. аралығындағы қазақ-орыс қатынастарының тарихы туралы архивтік құжаттар көрсетілген. Атап айтқанда, басылымда Қазақ хандығының

көршілес елдермен дипломатиялық байланыстары туралы материалдар, сонымен қатар қазақ даласының саяси және әлеуметтік-экономикалық өмірінің әртүрлі аспектілерін сипаттайтын дереккөздер бар. Бұл жинақ екі ғылыми мекеменің – Ш. Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты мен Омбы облысының тарихи архиві арасындағы тығыз ынтымақтастығының нәтижесі болып табылады. Басылымда алғаш рет Омбы облысының тарихи архивінің аз зерттелген және бұрын ғылыми айналымға енгізілмеген, бірлескен археографиялық жұмыстар нәтижесінде анықталған архивтік құжаттар жарияланған. Басылым тарихшы-мамандарға, жоғары оқу орындарының оқытушыларына, докторанттарға, магистранттарға, сонымен қатар отандық тарихқа қызығушылық танытатын оқырмандардың кең ауқымына арналған.

FROM THE HISTORY OF THE KAZAKH-RUSSIAN RELATIONSHIP IN THE XVIII CENTURY

Collection of documents

Compiled by V. A. Sirik. Editorial team: T. A. Abdyrakhmanov, S. A. Asanova, K. N. Baltabayeva, Z. E. Kabuldinov, M. M. Kozybaeva, G. I. Rastyagaeva, Z. T. Sadvokasova, E. M. Uzhkenov, S. S. Khrapova, L. A. Chekalina, G. A. Shotanova. Almaty: Litera-M, 2019. 522 s.

The collection of documents was prepared as part of the implementation of the scientific program «History and Culture of the Great Steppe», recommended for publication by the Academic Council of the State Enterprise «Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology» KN MES RK and the Expert and Methodological Commission of BUOO «Historical Archives of the Omsk Region» MKOO RF.

The collection contains archival documents on the history of Kazakh-Russian relations in the period from 1745 to 1778. In particular, the publication contains materials on the diplomatic ties of the Kazakh Khanate with neighboring countries, as well as sources characterizing various aspects of the political and socio-economic life of the Kazakh steppe. This collection is the result of close cooperation between two scientific institutions – the Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology and the Historical Archive of the Omsk Region. For the first time, the publication publishes little-studied and previously not introduced into scientific circulation archival documents of the Historical Archives of the Omsk Region, revealed as a result of joint archaeological work. The publication is intended for historians, university teachers, doctoral students, undergraduates, as well as a wide range of readers interested in Russian history.

МЕНІҢ ҒЫЛЫМДАҒЫ ӨМІРІМ. ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҒЫЛЫМИ МЕКТЕПТЕРІ. ГЕОЛОГИЯ

Ұжымдық монография

М. Қ. Қойгелдиев, Б. О. Жангуттин, Ш. Б. Тілеубаев, Ш. Т. Нұрман, З. Б. Мырзатаева, С. Г. Белоус, Ә. Б. Байбатша. М. Қ. Қойгелдиевтің редакторлығымен. Алматы: Балауса баспасы, 2019. 504 б.

Кітапта елімізде геология ғылымы мен геолог мамандардың қалыптасуы, осы салада кәсіби және ұлттық бірегейліктің

түрлі тарихи кезеңдердегі көрінісі нақты дерек көздері арқылы қарастырылады. Кітапты даярлау барысында аға-буын геолог ғалымдардан тарихи сұхбат алынды.

Кітап Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогикалық университетінің «Айтылған тарих» ғылыми-зерттеу орталығы Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігінің бағдарламалық-мақсатты қаржыландыруы негізінде «Ұлы Дала тарихы мен мәдениеті» бағдарламасы аясында (2018-2020) «Қазақстандағы ғылыми мектептер ұлттық және мемлекеттік бірегейліктің қалыптасуы және трансформациясы контекстінде (XX ғ. – XXI ғ. б.) тақырыбы бойынша даярланды.

Монография мамандарға, жоғары оқу орындарының студенттеріне, магистранттарына, докторанттарына және отан тарихына қызығушылық танытқан оқырмандарға арналған.

МОЯ ЖИЗНЬ В НАУКЕ. НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ КАЗАХСТАНА. ГЕОЛОГИЯ

Коллективная монография

М. К. Койгельдиев, Б. О. Жангуттин, Ш. Б. Тлеубаев, Ш. Т. Нурман, З. Б. Мырзатаева, С. Г. Белоус, А. Б. Байбатша. Под редакцией М. Койгельдиева. Алматы: Арыс, 2019. 504 с.

В книге, на основе конкретных источников, рассматриваются становление геологической науки и специалистов-геологов нашей страны, проявление профессиональной и национальной уникальности данной отрасли в различные исторические периоды. В процессе подготовки книги проведены исторические интервью с учеными-геологами старшего поколения.

Книга Научно-исследовательского центра «Айтылған тарих» Казахского национального педагогического университета имени Абая подготовлена по теме «Казахстанские научные школы в контексте формирования и трансформации национальной и государственной уникальности (XX в. – начало XXI в.)», в рамках программы «История и культура Великой степи» (2018–2020) на основе программно-целевого финансирования Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Монография адресована специалистам, студентам высших учебных заведений, магистрантам и докторантам, читателям, проявляющим интерес к отечественной истории.

MY LIFE IN SCIENCE. SCIENTIFIC SCHOOLS OF KAZAKHSTAN. GEOLOGY

Collective monograph

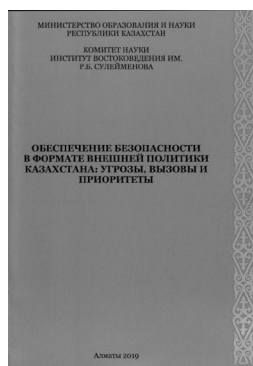
M. K. Koigeldiev, B. O. Zhangutin, Sh. B. Tleubaev, Sh. T. Nurman, Z. B. Myrzataeva, S. G. Belous, A. B. Baibatsha. Edited by M. Koigeldiev. Almaty: Arys, 2019. 504 p.

The book, on the basis of specific sources, examines the formation of geological science and specialists-geologists in our country, the manifestation of the professional and national uniqueness of this branch in various historical periods. In the process of preparing the book, historical interviews were conducted with geological scientists of the older generation.

The book of the Research Center «Aitylған Tarih» of Abai Kazakh National Pedagogical University was prepared on the topic «Kazakhstani Scientific Schools

in the Context of the Formation and Transformation of National and State Uniqueness (XX century – early XXI century)», within the framework of the program «History and Culture of the Great Steppe» (2018–2020) on the basis of program-targeted funding of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

The monograph is intended for specialists, students of higher educational institutions, undergraduates and doctoral students, readers with an interest in Russian history.

Г. М. Дүйсен, Д. А. Айтжанова, З. Г. Джалилов
ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ФОРМАТЕ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА: УГРОЗЫ,
ВЫЗОВЫ И ПРИОРИТЕТЫ

Алматы: Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, 2019. 92 с.

В научном докладе представлена концептуальная модель обеспечения безопасности внешней политики Казахстана с учетом угроз, вызовов и приоритетных направлений на кратко- и среднесрочную перспективы. Работа выполнена в рамках программы целевого финансирования № BR05236550 «Многовекторность и безопасность внешней политики Республики Казахстан и стран Центральной Азии» (2018–2020 гг.). Авторами дана характеристика основ и формирования системы обеспечения национальной экономической безопасности в условиях глобальных рисков. Проведен анализ угроз и вызовов национальной безопасности Казахстана, их типологизация в контексте геополитических процессов. Раскрыты научно-методологические подходы к обеспечению национальной безопасности, рассмотрены сущность и содержание основных видов безопасности. Выработаны основные рекомендации по разработке механизма обеспечения экономической безопасности РК.

Разработка данного механизма обусловлена необходимостью повышения государственного управления и регулирования во внешнеполитической и экономической сферах.

Г. М. Дүйсен, Д. А. Айтжанова, З. Г. Джалилов
ҚАЗАҚСТАННЫҢ СЫРТҚЫ САЯСАТЫ ФОРМАТЫНДА
ҚАУІПСІЗДІКТІ ҚАМСЫЗДАНДЫРУ: ҚАТЕРЛЕР, СЫН-ТЕГЕУРІНДЕР
МЕН БАСЫМДЫҚТАР

Алматы: ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сулейменов атындағы Шығыстану институты, 2020. 92 б.

Ғылыми баяндамада қатерлер, сын-тегеуріндер мен басымдықтарды есепке ала отырып, қысқа және орта мерзімді перспективаларға арналған Қазақстанның сыртқы саясатының қауіпсіздігін қамтамасыздандыратын тұжырымдамалық үлгі ұсынылған. Бұл еңбек № BR05236550 «Қазақстан Республикасы және Орталық Азия елдері сыртқы саясатының көпвекторлылығы және қауіпсіздігі» (2018–2020 жж.) атты ҚР БҒМ мақсатты қаржыландыру бағдарламасы аясында жасалды.

Авторлар жаһандық қауіп-қатерлер жағдайында ұлттық экономикалық қауіпсіздікті қамсыздандыру жүйесінің негіздері мен оны қалыптастырудың сипаттамасын берген. Геосаяси процестер контексінде Қазақстан ұлттық қауіпсіздігіне төнетін қауіптер мен сын-тегеуріндер типологияланып, талданды. Ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыздандаратын ғылыми-методологиялық тәсілдер жайып көрсетіліп, қауіпсіздіктің негізгі түрлерінің мәні және мазмұны қарастырылған. ҚР экономикалық қауіпсіздігін қамсыздандыру механизмін жасау мақсатында маңызды ұсынымдар әзірленді.

Осы механизмді әзірлеу сыртқы саясат пен экономика салаларындағы мемлекеттік басқару мен реттеу дәрежесін арттыру қажеттілігімен шартталған.

G. M. Duisen, D. A. Aitzhanova, Z. G. Dzhililov

ENSURING SECURITY IN THE FORMAT OF KAZAKHSTAN'S FOREIGN POLICY: THREATS, CHALLENGES AND PRIORITIES

Almaty: Institute of Oriental Studies R. B. Suleimenova KN MES RK, 2019. 92 p.

The scientific report presents a conceptual model of ensuring the security of Kazakhstan's foreign policy, taking into account threats, challenges and priority areas for the short and medium term. The work was carried out within the framework of the program of targeted financing No. BR05236550 «Multi-vector and security of foreign policy of the Republic of Kazakhstan and Central Asian countries» (2018–2020). The authors give a characteristic of the foundations and formation of a system for ensuring national economic security in the context of global risks. The analysis of threats and challenges to the national security of Kazakhstan, their typology in the context of geopolitical processes is carried out. Scientific and methodological approaches to ensuring national security are revealed, the essence and content of the main types of security are considered. The main recommendations for the development of a mechanism for ensuring the economic security of the Republic of Kazakhstan have been developed.

The development of this mechanism is due to the need to improve public administration and regulation in the foreign policy and economic spheres.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абусейтова Меруерт Хуатовна – директор Республиканского информационного центра по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, член-корреспондент НАН РК, профессор, доктор исторических наук

Жанаев Болат Тажибайулы – заведующий отделом публикации и использования архивных документов Центрального государственного архива Республики Казахстан

Кабульдинов Зиябек Ермуханович – директор Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК, доктор исторических наук, профессор

Козыбаева Махаббат Маликовна – ученый секретарь Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, доктор PhD

Медерова Дина Есиркеповна – старший научный сотрудник отдела восточного источниковедения, истории и культуры народов Востока Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, кандидат исторических наук

Опабекова Гульмира Паритоновна – младший научный сотрудник отдела литературоведения и языкознания ЦУ ИВ КН МОН РК

Ошан Жанымхан – заведующий отделом Азиатско-Тихоокеанского региона, ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, кандидат исторических наук

Самигулин Ильяс Минсалихович – археограф отдела публикации и использования архивных документов Центрального государственного архива Республики Казахстан, главный научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК

Табынбаева Зауре Сыздыковна – ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, кандидат исторических наук

Торланбаева Кенже Ускенбаевна – ведущий научный сотрудник Республиканского исследовательского центра при Институте востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, доктор исторических наук

Ужкенов Ернар Муратович – ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК, кандидат исторических наук

Шашаев Ауезхан Кадыржанович – заместитель директора Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК по связям с общественностью, кандидат исторических наук

Уважаемые коллеги!

Институт востоковедения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан продолжает издание научного журнала «SHYGYS» («Восток»). В журнале публикуются научные исследования казахстанских и зарубежных ученых по различным направлениям востоковедения.

Журнал выходит на казахском, русском, английском, французском и немецком языках.

Редакция журнала «SHYGYS» принимает к публикации статьи, которые должны соответствовать следующим требованиям:

– статьи следует отпечатать в двух экземплярах, 14-м кеглем, шрифтом Times New Roman через один интервал, с соблюдением полей в 2 см со всех сторон. Статьи заверяются подписью автора (авторов). К рукописи прилагается электронный вариант статьи в формате Microsoft Word, графические материалы необходимо предоставлять отдельными файлами с расширениями jpeg или tif и разрешением не менее 300 dpi. К графическим материалам обязательны подписи;

– сноски даются в следующем виде: в тексте статьи приводится номер по порядку в квадратных скобках, а в конце – автор (Ф. И. О.), название статьи, название источника (книги, журнала), место, месяц и/или год издания;

– графики, диаграммы, иллюстрации и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графических материалов и приводятся подписи к ним;

– к статье прилагаются резюме на трех языках: русском, казахском и английском, с Ф. И. О. и названием статьи.

– к статье прилагаются следующие сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень и должность, служебный и домашний адреса, номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются и не рецензируются.

Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).

Редакция журнала оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.

Адрес редакции:

Республика Казахстан, 050010

Алматы, ул. Курмангазы, 29

Тел. (727) 261-16-01

Факс (727) 261-46-00

E-mail shighistanu@mail.ru, uly.dala2017@mail.ru

Ссылка при перепечатке на журнал «SHYGYS» обязательна.

*Подписаться на журнал «SHYGYS» («Восток»)
можно в любом отделении «Казпочты».
Подписной индекс 75117 (для подписчиков из Казахстана).*